

ЗАПИСКИ ВОЕННОПЛЕННОГО

Тюремные воспоминания лидера организации «Шульц-88»

Содержание

Арест	1
КПЗ	4
Кресты	9
Кресты: 758	13
Кресты: 448, 452, 102, 821, 780, 758, 732, 448а, 791	17
Кресты: 791 (part 1)	20
Ознакомление с материалами дела	24
Начало судебного заседания	29
Кресты: 791 (part 2)	34
Судебные заседания 1, 2 и 3 апреля 2004 года	41
Кресты: 791 (part 3)	49
Кресты: 791 (part 4)	55
Разговор о фашизме	64
Психиатрическая экспертиза	65
Психиатрическая экспертиза: 1, 12, 7	70
Кресты: 791, 769, 780	84
Кресты: 780 – 721 – 780 – 721 (начало)	91
Судебное заседание 24 октября 2004 года	95
Кресты: 780 – 721 – 780 (окончание)	99

«Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благодушные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики»
Евгений Замятин

Арест

Меня арестовали 24 октября 2003 года в том здании на Исаакиевской площади, где Казимир Малевич написал знаменитую картину «Чёрный Квадрат», а сейчас располагается городская прокуратура Санкт-Петербурга. Всемирно известное полотно художника сильно занимает моё воображение, будучи, как мне кажется, симптоматичным явлением для хода развития всей западной культуры. Абсолютное отсутствие формы и содержания предоставляет здесь ничем не ограниченный простор для концептуальных толкований изображения. Размышляя о «Чёрном Квадрате» Малевича я часто задумываюсь о космических объектах известных как чёрные дыры. По мнению астрофизиков, они обладают настолько колоссальной силой притяжения, что ни один предмет не может покинуть их поверхности единожды её достигнув. Даже свет не способен преодолеть чудовищное тяготение чёрной дыры и потому-то они, и

называются чёрными: там царит крошечная тьма и остаётся только догадываться о происходящих внутри процессах. Помимо вселенских чёрных дыр существуют и на нашей Земле не столь отдалённые места способные навечно заключить в свой концентрационный плен человека однажды попавшего в круг их притяжения. Речь идёт об учреждениях пенитенциарной системы поглотивших меня, начиная с октября 2003 года на долгие шесть лет.

24-го числа я должен был явиться в горпрокуратуру для очередного допроса и предъявления официального обвинения. Об этом за два дня до того было сообщено старшим следователем Управления по расследованию особо важных дел Тихомировым. Последние три месяца я был подозреваемым в совершении преступления по статье 213 уголовного кодекса – за совершение хулиганства. Преступление состояло в следующем: 29 марта около часа дня на подземной платформе станции метро «Пушкинская» группа молодых людей напала на студента одного из питерских Вузов гражданина Армении Арама Гаспаряна и жестоко избила его. Хотя на месте никого не задержали, уже через два месяца все участники нападения стали известны милиции, а первым напавшего на армянина Алексея Мадюдина заключили под стражу. Обо мне было известно, что я находился на «Пушкинской», но в избиении не участвовал. Именно поэтому спустя полгода я всё ещё был на свободе и мало беспокоился о ходе дела. Тем временем расследование, начатое следственным отделом УВД метрополитена, передали в Главный следственный отдел ГУВД, а ближе к осени в городскую прокуратуру. И вот следователь Тихомиров, к которому, в конце концов, попало уголовное дело о нападении на Гаспаряна, решил предъявить мне официальное обвинение, т.е. говоря юридическим языком – перевести из статуса подозреваемого в обвиняемые. Подобное изменение юридического статуса всегда влечёт за собой постановку следователем вопроса об избрании меры пресечения. По некоторым признакам можно было понять, что обвинение не ограничится статьёй за совершение хулиганства и будет более тяжёлым. А это означало, что на горизонте моей свободной жизни появилась реальная перспектива ареста, суда и обвинительного приговора. Я знал, что в МВД меня считают одним из лидеров действующих в Петербурге неформальных молодёжных объединений экстремистской направленности. Враждебные вихри уже давно веяли надо мной: я ни во что не ставил государственную власть, и она платила мне той же монетой. Теперь передо мной стояла дилемма: ехать на допрос с высокой вероятностью быть арестованным или игнорировать вызов следователя, что фактически было бы переходом на нелегальное положение. Каждое из возможных решений неминуемо вело к множеству вполне предсказуемых последствий. Арест – это социальная смерть, изоляция от привычной среды, психологическая боль и физические страдания в неволе, но также вероятность оправдательного приговора и возможность возвращения гражданских прав и реабилитация в будущем. С другой стороны, жизнь в подполье не предусматривает никакой позитивной программы будущего, - существование под постоянной угрозой задержания без надежды на легализацию. Это путь человека, которому нечего терять, но был ли я таким человеком? В то время я активно занимался организацией жизни молодёжной субкультуры: писал статьи, редактировал и издавал журналы, организовывал культурные и спортивные мероприятия, поездки, концерты, состязания, пробовал работать в интернете, встречался со многими людьми. Моя основная деятельность относилась к сферам журналистики, издательского дела, социальной работы и информационных технологий. Мои планы невозможно было реализовывать, находясь на нелегальном положении и я решил ехать, окончательно определив линию

своего поведения: я собирался в полной мере использовать все предусмотренные законом средства защиты, каких был бы лишён находясь в розыске.

Никогда мне не позабыть тот октябрьский день: привычным прямым маршрутом (Заневский-Староневский-Невский) я ехал сквозь побелевший от ночного мороза Петербург, взгляд скользил по архитектурному ландшафту и жадно впивался в каждое проносщееся за окном здание; тесные ущелья столпившихся домов внезапно отступили, и внизу заблестела тёмно-синяя широко раскинувшаяся красавица Нева, открылась акварельная перспектива блестящего полотна тёмной воды, пасмурного без облаков неба с далёкими стоящими на реке мостами и молча застывшим на обеих берегах дымчатым городом; минуту спустя автомобиль съехал с моста и втянулся в узкую прорезь проспекта, через длинный коридор, образованный вертикалями исторических фасадов поехал по району, с которым были неразрывно связаны все двадцать четыре года моей жизни. В преддверии скорой разлуки родной город казался особенно красивым....

Около Дома Книги я вышел и дальше пошёл пешком, отчего вместо назначенных десяти часов оказался на Исаакиевской почти в одиннадцать. В прокуратуре сидящий за массивной стойкой милиционер внимательно изучил мой паспорт и разрешил пройти в кабинет следователя расположенный на первом этаже правого крыла здания. Напротив скучали двое оперативников в штатском, один из оперов забавлялся, крутя в руках наручники и распространявшиеся по пустым коридорам металлические позвякивания заставили моё сердце сжаться. Следователь Тихомиров (ещё довольно молодой мужчина со спокойными манерами) и адвокат ждали моего появления. Далее события развивались с неумолимой быстротой тщательно отлаженного механизма: следователь зачитал текст постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого по уголовному делу №724146, огласил длинный перечень инкриминируемых преступлений, попросил расписаться, вручил копию протокола и объявил, что сейчас мы направимся в суд для избрания меры пресечения. - Надо заметить, что в недавнем советском прошлом следователь имел право единолично принять решение об аресте, в то время как в цивилизованных странах заключение человека под стражу является исключительно прерогативой суда, Законодательные реформы 90-х годов изменили положение вещей, но отсутствие гарантии на быстрое правосудие для обвиняемых в совершении преступлений и формальный характер реформ, свели на нет благие намерения законодателей. Судебно-следственный произвол обрёл новую форму: были созданы экспресс-суды с заседающими в них дежурными судьями после 10-15 минутного рассмотрения в 99% случаев удовлетворяющие ходатайства следователей об аресте. - Оперативники надели на меня наручники, мы вышли из здания, и на двух легковых автомобилях, вшестером (на улице к нам присоединился ещё один опер) поехали в суд.

Последний раз, будучи пока ещё формально свободным человеком проехал я, по улицам города испытывая непередаваемую словами грусть. - Может и не посадят тебя... А если и посадят, то ничего страшного тут нет... Посидишь в тюрьме, с интересными людьми познакомишься - с притворной добротой улыбался сидящий рядом опер - немолодой мужичок в кепке. Я только кивнул ему в ответ. Хотя арест был прогнозирован, неожиданным стал большой объём обвинения - в совершении сразу шести преступлений. Я обвинялся в создании экстремистского сообщества (т.е. организованной группы для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности) "Шульц 88", в возбуждении национальной и религиозной ненависти с

использованием средств массовой информации (издание и распространение журналов " Made in St-Petersburg", "Гнев Перуна" и других печатных материалов националистического толка), в совершении хулиганства в составе организованной группы (организация нападения на Гаспаряна), в призывах к экстремистской деятельности совершённых публично (побуждение в личных беседах и публичных выступлениях к расправам над выходцами с Кавказа, уроженцами Африки, азиатского региона и лицами исповедующими иудаизм), а также с использованием сми и в вовлечении несовершеннолетних в преступную группу. Связанное с молодёжными течениями незначительное дело о хулиганстве было превращено в социально значимую победу правосудия над политическими радикалами, что вместе с набором довольно экзотических для судебной практики статей предопределяло проведение образцово-показательного процесса. Статья за создание экстремистского сообщества вошла в УК в 2002 году (в рамках принятия Государственной Думой закона о противодействии экстремистской деятельности) и насколько я знал, никто ещё по ней к уголовной ответственности не привлекался. Следовательно, процесс вызовет повышенный интерес сми, и, к сожалению, не могло быть сомнений в негативном характере этого интереса. В ближайшем времени мне суждено стать объектом коллективной ненависти, одним из главных злодеев на российском телевидении в прессе; этот факт я осознал уже через несколько минут после ареста. Впрочем, ценность антирекламы я считал в большей степени положительной, а образ антигероя мне импонировал; но наивная надежда на объективное и беспристрастное судебное разбирательство в таких условиях не могла оправдаться: моя юридическая защита оказалась заранее обречённой на поражение... С невесёлыми мыслями входил я в Октябрьский федеральный суд Адмиралтейского района Санкт-Петербурга.

Процедура избрания меры пресечения прошла в темпе не оставляющем времени для переживаний: представляющая сторону обвинения прокурор Кузнецова (очень красивая девушка нордического расового типа, грациозно-сексуальная в синей форме советника юстиции, с прекрасным лицом и фанатичным взглядом) перечислила вменённые преступления и заявив, что оставаясь на свободе я могу продолжить преступную деятельность, потребовала немедленного ареста; адвокат попросил отпустить меня под подписку о невыезде; я поддержал его ходатайство, ссылаясь на то, что всегда являлся по повесткам, не делал попыток скрыться, ранее не судим, трудоустроен и имею регистрацию в Петербурге; судья (худощавый мужчина в чёрном костюме с неожиданно интеллигентным, умным лицом) выслушал всех и удалился для принятия решения; через десять минут он "Именем Российской Федерации" огласил постановление о заключении меня под стражу и препровождении в следственный изолятор "Кресты" (учреждение ИЗ-47/1 Минюста РФ). Моя судьба была решена.

КПЗ

Тусклый свет лампочки в забранном металлической сеткой пыльном плафоне, бетонный пол, грубо окрашенные масляной краской стены. Я находился в КПЗ (камера предварительного заключения) - небольшом тюремном блоке из нескольких камер на подвальном этаже районного отдела милиции. Полностью обнажённый я стоял посреди комнаты для обысков и, подрагивая от холода, ждал пока милиционеры досмотрят мою грудой сваленную на канцелярском столе одежду.

...Меня привезли на милицейском уазике ещё несколько часов назад, и всё это время пришлось провести в камере-"обезьяннике". Каждый простой гражданин России знает, что в отделениях милиции есть камеры для задержанных двух типов - так называемые обезьянники и аквариумы. Первые представляют собой обычные клетки, сваренные из толстых стальных прутьев, тогда как вторые - полностью изолированные помещения имеющие, по крайней мере, одну стенку из оргстекла. Преимущества нахождения в клетке - неограниченный доступ воздуха и возможность видеть происходящее вокруг. Наблюдая сквозь прутья обезьянника за милиционерами и задержанными, я стал свидетелем нескольких весьма характерных сцен. Сначала доставили двух молодых людей находящихся в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения. Они были настолько пьяны, что их не стали закрывать в камеру, а просто положили на стоящую у стены лавку и, повалившись друг на друга, они сразу заснули. Но ненадолго: внезапно одному из юношей стало плохо и его обильно вырвало на пол, прямо под ноги проходящему мимо милиционеру. К чести правоохранителя, он и пальцем не тронул студента, очевидно, осознавая его полнейшую невменяемость. Поскольку кроме студентов и меня, других задержанных не было и нельзя было заставить кого-нибудь убраться, вонючая лужа так и осталась "благоухать" посреди комнаты приёма задержанных. Однако минут через двадцать привели представительницу древнейшей профессии - довольно жалкое неопрятное создание неопределённого возраста. Раньше я неоднократно слышал о том, что уличных проституток заставляют мыть полы в милицейских отделах (не говоря уже об услугах иного рода), но увидеть это собственными глазами довелось впервые... Чуть позже привели ещё одного пьяного гражданина и посадили в соседней камере - одиночной камере предназначенной для особо буйных задержанных. Мужчина лет сорока был изрядно навеселе и не стеснялся в выражениях: не успокаиваясь ни на минуту, он наполнил помещение непрерывным потоком громкой брани, беззастенчиво материл и задирали милиционеров, осыпал их градом оскорблений и угроз. И вот карательная группа из троих вооружённых резиновыми дубинками стражей порядка дала аргументированный ответ на все его претензии... Спустя три-четыре минуты крики истязуемого затихли, сменившись приглушённым стоном...

Просмотр сперва казавшихся забавными живых миниатюр из жизни отдела милиции скоро вызвал утомление, после психологически напряжённого дня я чувствовал себя уставшим и когда клетку, наконец, открыли, чтобы отвести меня в КПЗ, ощутил облегчение. Пройдя через несколько коридоров и миновав две металлические двери, я по крутой лестнице спустился ниже уровня земли. Ещё одна стальная дверь и короткий темный коридор предварилки: налево закрытые двери трёх или четырех камер, направо комната для обысков и другие помещения персонала. Процедура полного досмотра: я разделся, двое милиционеров тщательно обыскали и прощупали мою одежду, не найдя ничего запрещённого разрешили одеться. Меня вывели в коридор, и я вошёл в открытую камеру. Дверь захлопнулась.

Во всех учреждениях министерства юстиции предназначенных для содержания заключённых, где мне довелось побывать, архитектура и интерьеры жилых помещений имеют какое-то особенное своеобразие. На ум приходит нечто мрачное - страшные рассказы Эдгара По и оцепеняющие фантастические видения Говарда Лавкрафта: порождённая страданиями заживо похороненных здесь людей атмосфера в местах заключения пронизана скорбным кафкианским духом. Конечно, восприятие тюрьмы не может не быть эмоциональным и даже современное сияющее чистотой здание всё равно наводит на мысли о бесконечно продолжающейся в этих стенах человеческой

трагедии. Что же касается камеры КПЗ, где я оказался, то её вид легко заставлял себя почувствовать узником замка Иф - так убого и неприглядно она выглядела. Это был грязный и сырой подвал, еле освещаемый лампочкой в 40 ватт: мебель - три бетонных лежака сверху покрытых досками, окно - перекрытая решёткой не дающая света отдушина, удобства - заляпанный унитаз и раковина, чёрные прокопчённые стены и потолок, десяток квадратных метров неровного каменного пола.

На лежаке сидел мой первый сокамерник - одетый в какие-то подозрительные лохмотья, давно нестриженный и небритый маленький мужичок с морщинистым изнемождённым лицом. В нём угадывался бывалый арестант не один год жизни, отдавший тюрьмам и лагерям. Судя по грязи впитавшейся в поры его лица и по всему затасканному, потрёпанному внешнему виду нетрудно было подумать, что он уже несколько лет пребывает в подвале, однако я знал, что в КПЗ обычно не держат более десяти дней. Мы разговорились, и он охотно рассказал мне нехитрую историю своей судьбы - первую из тысячи жизненных историй услышанных мною в заключении.

Моё предположение оказалось верным: большую часть жизни он провёл за решёткой. Родом он был из области, из небольшого посёлка, где беспробудное пьянство и наличие судимости является неотъемлемым атрибутом принадлежности к мужской части населения. Первая ходка - в пятнадцать лет за кражу бутылки водку и велосипеда. Судья дал три года - срок заключения с небольшими перерывами в итоге затянувшегося на всю жизнь. После освобождения он запил и через неполную неделю был задержан за участие в массовой драке и по подозрению в нанесении тяжких телесных повреждений. Потерпевший - городской парень, неудачно посетивший поселковую дискотеку, попал в реанимацию с закрытой черепно-мозговой травмой, серьёзными повреждениями внутренних органов, переломом руки и рёбер. Только что освобождённый из мест лишения свободы был очень удобным кандидатом на роль козла отпущения и, получив, пять лет вновь поехал на зону. Через четыре года ему удалось освободиться условно-досрочно, но, едва выйдя за ворота, он, угрожая ножом, ограбил случайного прохожего, завладел бумажником со смехотворной денежной суммой, напился и загремел в ментовку. И снова: суд, приговор, зона. Учитывая тяжесть преступления квалифицированного по статье "разбой" и неотсиженный год, а также личность подсудимого ставшего к тому времени откровенным уголовником, суд назначил ему девять лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Отсидев свой срок до звонка, три недели назад он освободился и это был его самый большой перерыв между ходками, о чём он говорил с непонятной гордостью.

Видимо, в течение последнего срока окончательно сформировался так поразивший меня запущенный облик этого коренного обитателя тюрьмы. Зона наложила на зэка неизгладимую печать: кожа приобрела нездоровый оттенок, тело атрофировалось и странным образом деформировалось, сочетание крайнего физического истощения и нервной возбуждённости читалось на землистом лице, озаряемом беззубой улыбкой - глумливой гримасой питекантропа. Но внешность ещё молодого человека в свои тридцать с небольшим лет выглядевшим стариком, казалась меньшим злом по сравнению с его внутренним содержанием. В ходе общения у меня сложилось впечатление, что вся мыслительная деятельность старого сидельца управляется весьма немногими примитивными инстинктами; мотивации не обнаруживали и намёка на что-либо благородное или возвышенное. Слушая рассказ о его последнем деле, с изумлением смотрел я на это доведённое до полной животности существо, сверкавшее в камерном полумраке своими глубоко запавшими глазами.

Освободившись из далёкого мордовского лагеря, он приехал в Петербург к своему зоновскому корешу - такому же деградировавшему бывшему зэку, не имевшему никаких определённых занятий кроме регулярного употребления алкогольных напитков. Я представил себе его жилище, - наверное, и до сих пор в городе немало таких квартир, где собираются деклассированные элементы, - большая коммуналка в старом фонде, стены, оклеенные лоснящимися желтоватыми обоями, высокие потолки - немые свидетели сотен пьяных драк и скандалов, поломанная советская мебель, повсюду раскиданные пустые бутылки, окурки и прочая грязь. Пили водку и технический спирт, дешёвый портвейн подвального розлива, тому подобные настойки и вина, крепкое пиво, самодельную брагу, самогон, любые спиртосодержащие жидкости. Дни пролетали как будто в тумане. Приходили и уходили вереницы шапочных знакомых, вспыхивали оживлённые разговоры на неопределенные темы, разгорались и затихали временами перерастающие в мордобой пустяковые ссоры. Кто-то спал лёжа на полу у батареи, а кто-то буянил одержимый жаждой конфликтов. Ослабевшие от алкоголя организмы были неадекватны и неуправляемы.

В тот день бухали вчетвером - трое опустившихся мужиков и не первой молодости спившаяся бабёнка известная среди местных ханыг как Люська-Дура. Спирт скоро ударил в голову, пробудив обычно заторможенных алкашей к активности. Говорили, вернее, кричали все одновременно, брызжа слюной и размахивая руками, срывая хриплые голоса. Импровизированная пепельница из пустой консервной банки, треснутые пластиковые стаканчики и кока-кольная бутылка с остатками спирта - поминутно опрокидывались от резких движений и падали на пол. В разгар веселья изрядно набравшаяся Люська испортила собравшимся настроение.

- Постеснялись бы при даме выражаться! - сказала Люська, некстати вспомнив о своей причастности к нежному полу.

- Это ты то дама, собака облезлая? - засмеялись ей в ответ матерящиеся бичи.

- А вы то что, мужчины? - Ханыги, бля! - произнесла Люська роковые для себя слова.

Простить такое оскорбление они не смогли и, накинувшись на нее, задушили, скинули труп на пол и продолжили пить.

Ночью самый трезвый и относительно твердо стоящий на ногах пьяница вынес мёртвое тело во двор дома, намереваясь закинуть его в мусорный контейнер. Однако, как выяснилось уже через несколько часов, ослабевший от многолетних возлияний ханурик не смог забросить труп во внутрь бака и кинул его сразу за помойкой. В итоге водитель приехавшей под утро мусороуборочной машины обнаружил мёртвое тело и незамедлительно обратился в милицию.

Оперативно-розыскные действия по обнаружению убийц заняли от силы пару часов. Ясно было, что покойница являлась асоциальной личностью и, подключив к расследованию местного участкового, опера РУВД мгновенно получили адреса всех проживающих поблизости люмпен-пролетариев. По горячим следам вышедшим на убийц оперативникам не оставило большого труда их расколоть - то есть добиться признания. Для этого не понадобилось прибегать к пыткам, психологическому давлению или сложным логическим комбинациям на допросе - дрожащие от похмелья ханурики сами всё рассказали операм, как только им вручили немедленное вознаграждение за сотрудничество со следствием - пол-литровую бутылку водки.

Так было совершено и раскрыто, на мой взгляд, абсолютно бессмысленное преступление по статье 105 часть 2 УК РФ - убийство, совершённое группой лиц, наказуемое в диапазоне от восьми лет лишения свободы, вплоть до пожизненного заключения. Убеждая себя в наличии многих смягчающих обстоятельств, он рассчитывал получить меньше меньшего, чему слабо верилось, да и не интересовала меня ни капельки будущее этого человека. Вряд ли ему было суждено когда-нибудь вырваться из властного круга притяжения исправительной системы.

Признаюсь, что, слушая, в общем-то, бесхитростный рассказ я с немалым трудом разбирал услышанное. Смысл постоянно куда-то ускользал от меня, теряясь среди бесчисленных отступлений и ответвлений. Лексика рассказчика была в таком изобилии насыщена русским матом и жаргонизмами, что временами приходилось буквально интуитивно догадываться, о чём он говорит. Нарушенная дикция и неправильные смысловые связи превращали его речь в почти недоступную моему пониманию абракадабру. К счастью, наше общение в дальнейшем свелось к минимуму, ввиду полнейшего отсутствия каких-либо общих точек соприкосновения интересов.

Говорить нам было совершенно не о чем, и всё же я сполна ощутил вторую после некомфортабельных бытовых условий негативную сторону заключения - вынужденное нахождение в тесном сообществе с людьми вызывающими отвращение. Хотя я всегда сочувствовал жертвам социальных болезней, непосредственный контакт с ними - дело малоприятное. Издалека - можно пожалеть, например, наркозависимого, но попробуйте пожить с ним вместе в течение хотя бы недели и вами овладеют совсем другие чувства. Новая среда, в основном состоящая из человеческих отбросов, стала неиссякаемым источником моральных страданий доводящих меня до настоящей мизантропии. Ещё никогда я так сильно не ненавидел людей. Лишь постепенно я научился казаться бесстрастным: подобно учёному в интересах науки исследующему что-то омерзительное, я старался не давать воли эмоциям, быть предельно корректным в общении и внешне дружелюбным. Но, конечно, стать совершенно "своим" в среде заключённых, несмотря на все мои карнегианские ухищрения, я не смог, ведь разница между мной и массой преступников была им очевидна.

Медленно потянулись мои дни в неволе. Ежедневные передачи от матери помогли не чувствовать голода, холод был куда важной проблемой. Ночами температура приближалась к минусовой, и изо рта шёл белесый пар. Не было ни одеяла, ни матраса; спать приходилось в одежде, скрючившись в позе эмбриона на вросших в железобетонное ложе досках. Я ждал этапа на "Кресты" и понемногу погружался в свойственное всем экам напряжённое и беспокойное состояние вечного ожидания - ожидания каких-то изменений и событий, ожидания передач и писем, свиданий с родными, банных дней, судебных заседаний и этапов, приговора, отправки на зону и пока что неопределённо далёкого счастливого дня освобождения. Арестовали меня в пятницу, и поскольку по выходным дням конвойная служба не работает, в КПЗ мне пришлось провести около трёх суток. В камере нашлась ободранная книга Александра Дюма "Анж Питу" и я с удовольствием посвятил своё время чтению. Одна из глав неоконченного произведения знаменитого французского писателя описывает штурм Бастилии - печально известной парижской тюрьмы для государственных преступников. Восставший народ захватил Бастилию, освободил заключённых в ней узников и полностью разрушил тюрьму ставшую символом тирании правящего класса. О, как сопереживал я узникам после многих лет бессрочного заточения получившим свободу! как завидовал их нежданному счастью!

Кресты

В понедельник вечером дверь с лязгом открылась, и меня назвали с вещами на выход: приехал конвой. Конвоиры надели на меня наручники, предупредили о том, что в случае попытки бегства они имеют право стрелять на поражение, - конвойный вытащил из кобуры ПМ, дослал патрон в ствол и убрал обратно, - в окружении четверых конвоиров я вышел на улицу и забрался в автозак.

На страницах книги "В круге первом" Александр Солженицын иронизирует над автозаками времён И.Сталина. Перевозящие заключённых автомашины НКВД были украшены надписями "МОЛОКО", "ХЛЕБ", "МЯСО" и таким образом замаскированы под развозящие продовольствие фургоны. На современном российском автозаке уже нет таблички "МЯСО", но этим в основном и ограничиваются произошедшие изменения. Стандартный автозак окрашен в серо-синий цвет, прекрасно гармонирующий с формой сотрудников МВД. Надписи указывающей на то, что грузом автомобиля являются эки, отсутствуют и тысячи неприметных фургончиков, не привлекая к себе особого внимания, ежедневно развозят заключённых по тюрьмам, судам, камерам предварительного заключения и исправительным колониям. Внутри автозака имеются: одиночная камера (так называемый "стакан"), куда сажают преимущественно арестованных женщин и два больших отсека, в каждом из которых вдоль стен тянутся узкие лавки. Из-за отсутствия адекватной вентиляции и отопления, летом в машине жарко и душно, зимой - невыносимо холодно. Окон и освещения в помещениях, где находятся арестанты - нет, и они сидят обращённые лицом друг к другу в полумраке, а иногда и в полной темноте. Часто в отсеки загружают по десять и более человек - больше, чем может поместиться, тем более что многие везут с собой объёмистые баулы и сумки с личными вещами. Темнота и теснота, жара и холод - превращают поездки на автозаках в незабываемое приключение на грани со стрессом. Спасаясь от уличных пробок, водители конвойных машин стремятся поддерживать быстрый и маневренный стиль вождения без соблюдения дорожных правил и от каждого резкого поворота или торможения плотно спрессованная масса заключённых подлетает к потолку, бьётся о стены, исторгает крики и ругательства.

Первое мой авто-путешествие под конвоем (а всего за годы заключения мне довелось стать пассажиром автозака более ста раз) затянулось примерно на пять часов. Основную часть времени машина простаивала около КПЗ в других районах города, где скопились подобные мне арестованные, ожидающие конвоя в тюрьму. После того как автозак забрал последнего на сегодня пассажира, начался объезд следственных изоляторов. СИЗО на улице Лебедева - специзолятор ФСБ - СИЗО в посёлке Горелово - СИЗО на Арсенальной набережной - и, наконец, последняя остановка: Кресты.

Кресты - пожалуй, самая известная действующая тюрьма Петербурга. Построенные на берегу Невы уже более века назад тюремные корпуса Крестов, невзирая на все произошедшие в стране социальные катаклизмы продолжают выполнять своё предназначение. Силой государства здесь изолированы от полнокровной жизни тысячи людей обвинённых в совершении всех предусмотренных уголовным кодексом преступлений. Совсем молодые люди и убелённые сединами старики, бывшие депутаты и бомжи, наркоманы и профессиональные спортсмены, русские и иностранные граждане, мелкие воришки и руководители мощнейших ОПГ - любые формы криминального мира и человеческой жизни представлены среди заключённых СИЗО №1. Кресты - тюрьма историческая. Когда-то здесь отбывал трёхмесячный срок

наказания отец автора "Лолиты", лидер российских конституционных демократов начала XX века Владимир Набоков, отсюда бежал бандитский ужас Петербурга эпохи военного коммунизма - легендарный Лёнька Пантелеев. За пережившими поколения узников красными кирпичными стенами предстояло познать все тяготы лишения свободы и мне.

Выпрыгнув из автозака на асфальт внутреннего дворика, следом за конвоирами, держащими в руках пачки личных дел, я в числе десятка новоприбывших прошёл в подвальное помещение тюрьмы. Посреди широкого протяжённого коридора с закруглённым потолком вдоль стены находилась железная клетка, напоминающая клетки в залах российских судов. Только вместо скамьи подсудимых там стояла похожая на трибуну высокая стойка, за которой шелестели листами документов сотрудники СИЗО. Передача арестованных в ведение администрации учреждения состоялась после установления их личности. Сотрудник называл фамилию, после чего названный подходил к трибуне, отзываясь произнесением своего имени, отчества, даты рождения, статьи, домашнего адреса и суда давшего санкцию на арест. Сотрудник сверял услышанное с информацией содержащейся в бумагах и называл следующую фамилию. По завершении примитивной идентификации нас вывели в другой коридор и заперли в камере, где нам было суждено провести надвигающуюся ночь.

Это был так называемый "спальник" - камера для временного (от одной ночи до трёх-четырёх суток) содержания этапов. Как и следовало ожидать, обстановка камеры служащей перевалочным пунктом в бесконечных скитаниях пленников пенитенциарной системы отличалась непритязательностью: четыре/пяты площади занимали двухэтажные нары представляющие собой железный каркас заложенный отполированными телами тысяч зэков досками. На стенах и потолке я впервые увидел странное изобретение дизайнеров ГУЛАГа - так называемую "шубу" - толстым неровным слоем покрывающие поверхность цементные брызги. Свободному человеку сложно объяснить психологический эффект оказываемый шубой: традиционно слабое освещение создаёт подавляющее психику воздействие придавая атмосфере сюрреалистический характер - камера превращается в выдолбленную в глубинах гор безрадостную тёмную пещеру; кроме того в неровностях шубы находят убежище орды кровососущих насекомых, доставляющие зэкам множество беспокойств.

Расположившись на втором ярусе рядом с выходящим во двор окном с двух сторон намертво заблокированным решёткой из ребристых арматурин, я понемногу оглядел своих товарищей по несчастью. В большинстве, здесь были молодые люди тридцати-тридцати пяти лет, не выражавших ни малейших признаков озабоченности в связи с роковой переменой своей судьбы. Напротив - они выглядели возбуждёнными и даже воодушевлёнными, громко смеялись, шутили, предавались надеждам, которые я пока ещё не был способен оценить. На первый взгляд, все они казались уже прошедшими в прошлом суровую школу тюрьмы, что вполне подтвердилось следующим днём. Много говорили о грядущем распределении по жилым камерам ("хатам") должном произойти после прохождения завтрашних формальностей, таких как медицинский осмотр и снятие отпечатков пальцев. Рассказывали, что всего пару лет назад приходилось проходить двухнедельный карантин - полмесяца жизни в таком же неустроенном спальнике; сейчас задержек с распределением никто не ожидал потому что "порядки в Крестах изменились". Говорили о том, что тюрьма "разгружена" и больше нет недостатка спальных мест, тогда как в 1999-2002 годах в шестиместные камеры

централа набивали по десять-двадцать человек, и людям приходилось спать по очереди - в две-три смены, не говоря уже о других неудобствах причиняемых теснотой.

Тем временем откуда-то появилась пачка крупнолиствого чая, кипятильник и литровая эмалированная кружка называемая на тюремном жаргоне "чифирбаком", по названию сверхкрепко заваренного чая "чифира", очень любимого почти всеми зэками. В камере отсутствовала электро-розетка, но это никого не смутило. Постоянно сталкиваясь в неволе со многими бытовыми трудностями, российские зэки преодолевают их, овладевая разнообразными специфическими умениями иногда способными сильно удивить свободного человека. Хозяин кипятильника ловко подключился к проводке освещения и вскоре, собравшись в кружок на верхнем ярусе яр, мы пили горячий чай настолько крепкий, что у меня внутри рта с непривычки всё онемело.

Впереди - ждал тяжёлый день. Камера постепенно затихла; лёжа на верхней одежде постелённой на нарах вместо матрасов люди забылись сном.

В пять утра привезли завтрак. Его подавали через маленькое квадратное оконце в центре двери (так называемая "кормушка"). Я не рискнул его отведать, тем более что вследствие всех волнений связанных с арестом у меня совершенно пропал аппетит.

В восемь утра хмурый инспектор в камуфляжной форме открыл дверь спальной камеры, и мы отправились проходить необходимые процедуры. Толпой нас водили по кабинетам расположенным на обеих сторонах подвального коридора. В одном из кабинетов у заключённых брали кровь на анализ, в другом - взвешивали и измеряли рост, в третьем - записывали анкетные данные. (Тут я убедился, что каждый из вновь прибывших действительно имел неоднократные судимости и многочисленные "ходки" в лагерь). Большую часть работы выполняли зэки, одетые в чёрные робы, так называемые "рабочие", - т.е. уже получившие срок арестанты оставшиеся по разрешению администрации в тюрьме для выполнения хозяйственных работ. Рабочие зэки фотографировали новоприбывших зэков, производили измерение параметров тела, заполняли документы, делали забор крови для анализов и т.д. Некоторые рабочие подходили к вновь прибывшим с целью приобретения каких-нибудь вещей в обмен на чай и сигареты. В особенной цене были наручные часы, кроссовки и спортивные костюмы. Здесь следует пояснить, что для среднестатистического арестанта чай, и сигареты являются продуктами так сказать стратегического значения и жизненный тонус многих напрямую зависит от того, обладает ими арестант или нет.

В завершение процедуры приёма/оформления следовала помывка и обработка всех нательных вещей в "прожарке" - специальном агрегате, где одежда подвергается воздействию высокой температуры для истребления возможно находящихся на ней паразитов. Пока нашу одежду "прожаривали", мы, столпившись меж чёрных стен тюремного душа и толком ничего не видя в тускло-красном свете единственной лампочки, стояли под тонкими струями льющейся откуда-то сверху тепловатой воды.

Когда все процедуры были полностью завершены, всё тот же хмурый инспектор в камуфляже дал команду построиться в колонну по двое. Зигзагами подвальных коридоров, через помещения имевшие вид давно заброшенных катакомб, вверх по узким лестницам со стёртыми от прикосновений бесчисленных ног каменным ступенями, мы шли к жилым корпусам.

Необходимо сделать небольшое отступление, касающееся планировки тюрьмы. Будучи ещё свободным человеком, я, конечно, слышал множество историй связанных с Крестами, и бывало, проплывал на теплоходе по Неве или проезжал на машине мимо

обнесённого высоким забором с колючей проволокой комплекса угрюмых краснокирпичных зданий. Однако о внутренней планировке Крестов я не имел никакого представления. Некоторая ирония судьбы мне виделась в том, что за несколько месяцев до ареста я узнал о проводимых здесь экскурсиях и загорелся идеей побывать в знаменитой тюрьме. Теперь мне была предоставлена возможность побыть здесь неограниченно долгое время и детально изучить не только особенности планировки, но и вплотную соприкоснуться с бытом заключённых. Первое моё открытие было в том, что само название Крестов непосредственно связано с конфигурацией двух четырёхэтажных жилых зданий, соединённых между собой сложной сетью подземных коммуникаций. Они имеют форму огромных правильных крестов и, наверное, весьма эффектно смотрятся с воздуха. Каждая из восьми излучин Крестов вмещает приблизительно около ста шестиместных камер по 12 м, имеет порядковый номер и называется корпусом. На первом кресте корпуса имеют номера 1,2,3 и 4, а на втором - 5,6,7 и 8. В центре каждого креста находится огромное помещение, изнутри напоминающее просторный храм, по горизонтальному разрезу круглое, а по вертикали не имеющее потолков на высоту всех четырёх этажей корпусов до самой увенчанной куполом крыши. Корпуса отделены от центрального открытого пространства решёткой и на высоте их этажей называемых галереями идут внутренние сплошные балконы, а под куполом натянута мелкая сетка наподобие сетки предохраняющей акробатов от несчастных случаев в цирке. Здесь она выполняет функцию защиты от самоубийств арестантов, если они захотят свести счёты с жизнью, выбросившись вниз на арену круга. Круг в середине креста это не просто геометрический центр здания - это обязательная проходная точка для перемещений между корпусами; по идущей спиралью вдоль круга вверх лестнице можно попасть на любой из корпусов.

И вот из глубины тюремного подвала мы вышли на круг второго креста, и в этот момент я впервые окунулся в созданную двумя с половиной тысячами арестантов тревожную атмосферу, услышал неясный гул, образованный сотнями голосов, почувствовал странный неприятный запах, сотканный из вони тюремной баланды, пота и нечистот, отработанного человеческими лёгкими воздуха, сигаретного дыма, ароматов боли, отчаяния и усталости. С корпусов доносились разнообразные звуки, - звон ключей тюремщика, лязг открываемых дверей и топот ног по деревянному настилу галереи, обрывки каких-то хриплых фраз, которыми перебрасывались зэки, высунувшие наголо обритые головы из кормушек, жалобное мяуканье тюремных котов, скрип развозимых рабочими тележек с баландой, позывные безнадёжно далёких радиостанций, - в центре круга все звуки сливались воедино и, отражаясь об своды купола, рассеивались вокруг. Тюрьма жила своей ни на что не похожей жизнью.

Остановив движение колонны, инспектор, сверяясь с бумагами, назвал фамилии заключённых и номера корпусов, куда они должны пройти для распределения по камерам. Мне досталась семёрка. По узкой металлической лестнице я поднялся до корпуса с закреплённой на локальной решётке подобно дорожному знаку цифре 7. Вход на корпус находился на третьей галерее, рядом с входом стояла корпусная (наполовину застеклённый квадратный деревянный ларёк) - место постоянной дислокации сотрудников на корпусе. Очередной стакан для зэков - большая стальная клетка - уместно смотрелся бы и в зоопарке.

Скоро я услышал свою фамилию. Её произнёс вышедший из корпусной полноватый парень лет двадцати восьми с погонами старшего лейтенанта и нашивкой министерства юстиции на новеньком камуфляже. Это был крестовский оперативник

Дмитрий Стебенёв в дальнейшем ещё около года проводивший мою разработку в стенах СИЗО №1. Хотя ранее мы никогда не встречались, он встретил меня как старого, но не очень доброго знакомого, с первых слов показал большую осведомлённость об обстоятельствах уголовного дела и моей роли в скинхэд-движении. Он же открыл свой источник информации, сказал, что день назад встречался с оперативником 18 "антиэкстремистского" отдела управления по борьбе с организованной преступностью Георгием Владимировичем Бойко бывшим моим злым демоном-преследователем в течение многих лет; о нём я неизбежно должен буду ещё не раз написать ниже. В конце ни к чему не обязывающего разговора Стебенёв сообщил мне номер камеры, куда я должен сейчас проследовать и откровенно улыбнулся. Я хорошо помнил, как начальник 18 отдела УБОП угрожал мне в случае ареста камерой с кавказцами и ничуть не сомневался в реальности его угроз. Однако особого страха я почему-то не почувствовал и спокойно собирался принять все уготованные мне государственной системой испытания.

Инспектор открыл дверь камеры 758, и я вошёл вовнутрь. На нижней полке трёхъярусной кровати сидели два здоровенных смуглых кавказца, на верхах я увидел ещё несколько нерусских лиц.

Кресты: 758

Вот уже почти месяц как я живу в камере 758. Стоит священный месяц рамадан и оказавшиеся верными мусульманами кавказцы (на деле один из сокамерников выходец из Таджикистана, другие - уроженцы Северного Кавказа) в течение каждого дня (пока солнце стоит над землёй) постятся, ничего не едят, а когда на город опускается ночь, быстро покидают свои спальные места и торопливо утоляют голод. Занимающий неофициальное положение старшего камеры ингуш Ахмед вечерами надевает смешную, наподобие турецкой, но только чёрного цвета шапочку с кистью, торжественно достаёт из висящего на решётке у окна пакета Коран, берёт его в левую руку, и правой рукой перебирая молитвенные чётки, с явным трепетом в голосе читает по-русски и вслух священные суры главной книги ислама. Ахмед говорит, что истинные последователи пророка (благословенно имя его!) в месяц рамадан должны ежедневно не менее часа читать Коран и вообще стараться вести как можно более праведный образ жизни. Поэтому ранее кутившие Кабардинец и таджик перед рамаданом решили отказаться от этой дурной привычки. А когда я в передаче получил два килограмма сделанной из свинины колбасы, утомлённые постом правоверные даже старались на неё и не смотреть.

В общем, кавказцы оказались не такими уж и плохими ребятами, я был жив, здоров и не ощущал чрезмерных неудобств от соседства с выходцами с Юга. Как только всё я зашёл в камеру, Ахмед спросил, по какой статье меня обвиняют, и я честно ответил ему, что арестован по обвинению в совершении преступлений по мотивам межнациональной вражды. По-видимому, глядя на меня - простого паренька невзрачного вида (чем более одиозным становился мой имидж, тем менее примечательной становилась моя внешность), он - здоровенный 35-летний борец-горец никогда не пробовавший ни наркотиков, ни алкоголя, ни сигарет, отец пятерых (!) дочерей, уже три года находящийся в тюрьме по обвинению в двойном убийстве, посчитал меня за не заслуживающего серьёзного внимания хулигана. Больше меня ни

о чём не спрашивали. - Согласно старым тюремным понятиям расспрашивать сокамерников об обстоятельствах дел не принято и достаточно узнать по какой статье выдвинуто обвинение. Негласное правило продиктовано соображениями безопасности, ведь в камере может оказаться "сливающий" операм информацию "стукач". - Когда же спустя несколько дней сообщили о моём аресте и с тех пор начали периодически упоминать о "Шульц 88" в сводках новостей и в криминальной хронике, кавказцы были шокированы. Высокий крепко сложенный молодой Таджик, приехавший в Питер из Екатеринбурга, бывало, жаловался на тамошних скинхэдов разбивших ему голову и сделавших инвалидом (ночами его мучила жестокая мигрень, а на месте удар арматурой по черепной коробке образовалась вмятина), однако никаких претензий лично ко мне не высказывал.

Одной из причин внешне толерантного отношения кавказцев к "заезжему скинхэду", как я со временем понял, был страх перед администрацией и провокациями. Покинувшие в поисках заработка родные места кавказцы в городах России слишком часто сталкиваются с произволом правоохранительных органов. Не имея регистрации и разрешения на работу, они подвергаются бесконечным поборам, обманам и унижениям и даже получив с большим трудом официальный статус трудового иммигранта, в любой момент могут быть задержаны без объяснения причин, например по подозрению в причастности к исламистскому террористическому подполью. В результате обычный иммигрант, в том случае, конечно, если он не является профессиональным преступником, а таких в камере 758 не было, впитывает в черты своего характера балансирующую на грани со страхом осторожную подозрительность перед властями, ещё больше усиливающуюся, если он попадет в места лишения свободы.

Ахмед "решал вопросы" с администрацией, т.е. постоянно давал взятки сотрудникам следственного изолятора, за что ему позволялось спокойно сидеть в 758 и "затягивать туда единоверцев считавших, что лучше сидеть со "своими", чем идти в камеры к русским, где их судьба могла сложиться по разному. Но коррупционные схемы вытягивания денег из арестантов не оставляют последним никакой надежды на стабильную жизнь. Среди сотрудников существовало распределение ролей: если одни решали вопросы, получая за это хорошую плату, то другие их ставили совершенно бесплатно. Договориться же со всеми было невозможно - тюрьма это кормушка для десятков коррупционеров за два-три года сколачивающих на эках целые состояния. Солидный человек, попадая в тюрьму, настраивается платить - платить за всё, тем самым, обеспечивая себе по местным меркам достойный уровень жизни. Вместе с тем, денег продажным ментам никогда не бывает достаточно и урегулирование любой возникшей проблемы, в том числе, например, значительного конфликта в камере, требует дополнительной оплаты. Если финансовые поступления в карман сотрудника по каким-то причинам задерживаются, наступают незамедлительные кары. Самое неприятное наказание это внезапный перевод из своей (отремонтированной за свой счёт и своими руками) камеры в другую - мгновенное разрушение ставшего привычным маленького мирка, последующие волнения, связанные с переездом и необходимостью налаживать психологический контакт с новыми незнакомыми людьми.

Не без оснований Ахмед считал, что распределение меня в 758 является провокацией направленной не только против меня самого, но и против них. Кроме того, прямодушный горец сразу же правильно оценил смоделированную операми ситуацию и сказал, что если, посадив меня в 758, мусора хотят, чтобы я от этого страдал, то он им в таких делах не помощник.

Другая причина нормальных взаимоотношений относилась, как это ни странно, к сфере идеологической. Ахмед и другие, как, оказалось, придерживались своеобразных политических взглядов, имевших немало параллелей с моими собственными убеждениями. Они были не просто довольно религиозными людьми - их смело можно было назвать исламскими фундаменталистами. С глубоким презрением они порицали порождённые духовной опустошённостью пороки европейской цивилизации, ругали богатых евреев, сконцентрировавших огромную власть для целей, по их мнению, низких и неблагодарных. Такие ставшие вполне обыденными явления российской жизни как проституция, массовые наркомания и алкоголизм, коррупция, отсутствие уважения к старикам, равнодушие к детям, вызывали у них такое принципиальное неприятие, какое есть у редкого русского человека. Несмотря на яркую приверженность учению ислама, они очень уважительно отзывались о христианстве, называли Иисуса великим пророком и при этом вполне справедливо сожалели, что настоящих или как говорят в России воцерковлённых христиан совсем немного. Единственной конфликтной темой для нас мог быть стать вопрос независимости Чечни, но уроженец тех мест Ахмед был преисполнен такого бесхитростного и беззаветного патриотизма, что мне просто нечего было ему противопоставить.

По сравнению со свободной жизнью существование в тюремной камере было скучным, малоподвижным, статичным. Главные развлечения доставляли прогулка продолжительностью один час и просмотр телевизора. Дома не забыли меня (первую передачу в Крестах я получил спустя двадцать минут, после того как впервые вошёл в камеру) и знакомство с неаппетитно пахнущей баландой откладывалось. Вечерами я ложился на кровати лицом к маленькому окну и долго смотрел, как мокрые снежные хлопья бесконечно падают с высоты чёрного неба. Наступала зима.

Раз в неделю приходил мой адвокат - Николай Алексеевич Прокопьев. Для свидания с адвокатом меня выводят из камеры, через круг и длинный узкий подземный коридор ведут на первый крест в следственные кабинеты. В одном из кабинетов ждёт Николай Алексеевич - скромный сорокалетний человек с типично русской внешностью обычно одетый в серый английский костюм. Мы обсуждаем перспективы дела представляющиеся весьма туманными. Пока продолжается проводимое следователем Тихомировым предварительное расследование, сторона обвинения, как это водится в российском уголовном судопроизводстве, ссылаясь на тайну следствия, не предоставляет никаких материалов дела и можно только догадываться, какие доказательства они собрали или сфабриковали. Я соглашаюсь с адвокатом, что реально строить линию защиты нужно будет после передачи уголовного дела в суд. Чтобы немного развлечь меня Николай Алексеевич рассказывает об интересных случаях из своей практики, а также приносит ксерокопии газетных статей посвящённых моему аресту. В тюрьме адвокат это единственный физически доступный человек, не выражающий равнодушия или негативного интереса к моей судьбе.

Не менее частым моим "гостем" в стенах Крестов стал тот, кого я назвал своим злым демоном-преследователем - Георгий Бойко. Наше знакомство в реале состоялось тогда же в Крестах, однако наши жизненные пути роковым образом пересеклись задолго до моего ареста. Ещё в 2001 году, когда Бойко работал опером в УВД метрополитена, он вспылал ко мне злобой, в течение времени разросшейся до маниакальных размеров. Как он признаётся сам (на страницах написанной совместно с Ильёй Стоговым документальной книги "Неприрождённые убийцы"), обо мне он впервые узнал случайно, мимоходом услышал от какого-то задержанного подростка, что существует скиновская

группировка "Шульц88", что лидер там Шульц и больше ничего никому о них не известно. В круг служебных обязанностей Бойко входило расследование преступлений совершённых в петербургском метрополитене и надо сказать, что в те годы многие неприятности происходили в метро именно по вине бритоголовых. Поймать скинхэдов и тем более организованных скинхэдов, как говорится "за руку" - на месте совершения преступления - было практически невозможно и тогда Бойко начал активно собирать информацию о молодёжных экстремистских объединениях с целью вербовки в скин-среде информаторов и внедрения агентов. Основная цель, у него была, разумеется, одна - отправить за решётку главного организатора силовых акций и массовых беспорядков в питерской подzemке. По ряду причин генеральным зачинщиком всех происходящих под землёй безобразий он посчитал меня. Ведя напряжённую оперативную работу, Бойко всё больше узнавал о "Шульц88" и, кажется, начинал ненавидеть меня всё сильнее, подозревая во всех мыслимых и немыслимых грехах против правопорядка и законности. Так он узнал, что нападения на иностранцев "Шульц88" организуют на регулярной основе - не менее раза в неделю, по несколько кровавых атак в день и теперь, изучая сводки происшествий, он не знал покоя, не в силах остановить машину правого террора. Ещё, он узнал, что никто из участников организации не знает ни моего адреса, ни телефона, что в банде установлена строгая дисциплина, основанная на принципе единоначалия, и стал считать меня очень опасным человеком. Первая попытка зацепить меня осуществлённая Бойко в 2001 году потерпела полнейшую неудачу и отныне его "зацикленность" на Ш88 перешла всякие границы разумного.

7 ноября 2001 года по случаю очередной годовщины большевистского переворота "Шульц88" акционировали (группировались для совершения силовых акций) и в этот день в перегоне между станциями метро "Невский проспект" и "Сенная площадь" прямо в вагоне подземного электропоезда были избиты двое граждан Танзании. От своих стукачей Бойко получил информацию о возможной причастности к нападению ребят из Ш88. Не теряя времени, Бойко провёл задержания нескольких бывших ему известными рядовых участников организации (среди них находились впоследствии знаменитые Алексей Воеводин "СВР", Дмитрий Боровиков "Кислый", а также сын руководителя питерского филиала РНЕ Я.К.) и в ходе допросов вынудил некоторых к признанию. Сверхзадача Бойко, конечно, заключалась не в том, чтобы привлечь к уголовной ответственности юных "шульцов", тогда ещё даже не достигших совершеннолетия, а в аресте главного вдохновителя, лидера и организатора преступления - Шульца. Каково же было разочарование Георгия Владимировича, как только стало ясно, что Шульц, обычно всегда возглавлявший скинов в атаках, 7 ноября сославшись на дела, уехал домой за полчаса до избиения танзанцев. Дело развалилось окончательно, когда на опознании потерпевшие негры не смогли узнать своих обидчиков. Газета "Петербургский Час Пик" опубликовала тревожную статью о росте ксенофобии в Санкт-Петербурге, а Георгий Бойко почему-то жутко на меня разозлился.

Прошли годы. Я десятки раз разговаривал с десятками парней разговаривавшими с Бойко. Каждому он говорил, что поймает меня и посадит; мне же оставалось только недоумевать, чем я заслужил столь глубокую негативную привязанность. В феврале 2003 года был создан 18 отдел УБОП специализировавшийся на расследовании преступлений экстремистской направленности. Я не сильно удивился, узнав о назначении Бойко в отдел старшим оперуполномоченным по особо важным делам. Он и ориентировал 18 отдел на выполнение задачи №1 - арест Шульца. Отныне против

меня работали уже два десятка оперов - не самых плохих профессионалов и исход дуэли с государством стал во многом predetermined.

Теперь мы часто встречались в тюремном подвале и могли, наконец, посмотреть друг другу в глаза. Бойко много рассказывал о себе и своей семье, и некоторые подробности его жизни стали для меня новостью. По образованию он оказался биологом, и какое-то время даже работал в школе учителем. Его родители участвовали в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, и он часто апеллировал к ним, критикуя мои взгляды, потому что его отец был евреем. Попытки объяснить ему, что мои отношения с людьми строятся на более гибкой основе, были безуспешны - он не слушал меня. Ему просто было необходимо выговориться, выговориться перед человеком, преследование которого, он сделал целью своей жизни...

Оперативник УБОПа посещал меня не только для отвлечённых разговоров. Вместе со Стебенёвым они постоянно давили на меня, принуждая к даче признательных показаний. Я интуитивно чувствовал, догадывался о слабости доказательной базы обвинения и вообще отказывался от дачи каких-либо показаний, намереваясь придерживаться данного решения в ходе всего судебного процесса. Столкнувшись с моей несговорчивостью, Бойко просил Стебенёва, чтобы он принял соответствующие меры воздействия. Первой такой мерой и стало распределение в камеру 758. Оперативники ждали, когда измученный вынужденным соседством с кавказцами я соглашусь на сотрудничество со следствием, однако время шло, а я ещё ни словом не выразил недовольства своим положением и равнодушно игнорировал подколы Бойко по поводу соседей-мусульман.

Усталый вернувшись в камеру, я читал или продолжал затянувшийся спор о преимуществах и недостатках ислама. Всё чаще юный Кабардинец призывал меня принять истинную веру. Однажды ночью, он шёпотом рассказал мне, что после освобождения отправится в тайный тренировочный лагерь, где ведётся подготовка бойцов незаконных вооружённых формирований сражающихся с федеральными силами на Северном Кавказе. Кабардинец предложил мне поехать туда вместе с ним. "Интересное предложение" - подумалось мне.

Кресты: 448, 452, 102, 821, 780, 758, 732, 448а, 791

В жизни современного человека возникает множество провоцирующих стресс ситуаций. Неудобства причиняемые давкой в общественном транспорте, идиотская реклама перебивающая показ интересного фильма, очередное "незначительное" повышение квартирной платы - могут вызвать лёгкое беспокойство и испортить настроение. К куда более серьёзному нарушению эмоциональной стабильности приводит увольнение с работы или смерть близкого человека. Но первую строку в перечне стресс-факторов лавиной обрушающихся на человека и полностью перетряхивающих весь его внутренний мир, занимает арест. Ещё вчера бывший свободным, привыкший по собственному усмотрению распоряжаться собой и своим временем человек, сегодня попадает в тюрьму и оказывается заключённым в маленькое изолированное пространство, не предусматривающее для него никакой свободы жизненного манёвра. Потеряв независимость, он из субъекта исторического процесса превращается в обычный объект, зарегистрированный учреждением министерства юстиции в качестве обвиняемого по такой-то статье и принуждается к выполнению канцелярских

инструкций детально регламентирующих его подневольное существование. Родные люди и привычные занятия оказываются вне зоны доступа арестанта, и он испытывает сильнейшее эмоциональное потрясение, ведущее к депрессии и отчаянию. Лишённый возможности привычным образом проявлять свою активность человек становится собственной тенью, его время останавливается и лишь навязчивые воспоминания о прошлом мелькают в потоке серых арестантских дней. Внутренние страдания усугубляются страданиями физическими: суровые условия тюремной жизни не дают ни расслабиться, ни забыться, и снежная лавина тяжелейшего стресса накрывает того, кто недавно считал себя уникальной и неповторимой личностью, с головой; сейчас это запуганное существо не понимающее, что с ним происходит и проявляющее в поведении явные признаки неадекватности.

Но всё проходит и рано или поздно человек адаптируется к новым условиям существования, успокаивается и начинает видеть положительные моменты там, где ранее и не подумал их искать. На первый взгляд казавшаяся невыносимой жизнь в заключении обнаруживает многие стороны, позволяющие хотя бы на время почувствовать себя полноценным человеком. Сквозь застилающие глаза мрак проступают новые перспективы и ориентиры. Адаптация неизбежна, однако в моём индивидуальном случае совсем не было времени на передышку и привыкание проходило с трудом.

В ходе последнего сеанса общения с Бойко и Стебенёвым был выдвинут ультиматум: либо признательные показания и сотрудничество со следствием, включая разглашение всех эпизодов деятельности "Шульц88", либо мне будет устроена тотальная прожарка. Желая ускорить развязку и окончательно расставить все точки над "i", я ответил категорическим отказом. Тогда Стебенёв сказал, чтобы, вернувшись в камеру, я собирал вещи и готовился к переезду. Переводить из камеры в камеру меня собирались до тех пор, пока я не изменю свою позицию.

"Катать" зэков по хатам - излюбленное наказание тюремных оперов. "Корпусной" - сотрудник в чью обязанность входит открывать и закрывать камеры - внезапно стучит кулаком в кормушку, выкрикивает твою фамилию, и двадцать минут спустя дверь открывается, и ты уходишь в неизвестность. Переезды могут продолжаться месяцами: только успев, познакомится с новыми людьми и кое-как переночевав, на следующее утро ты уже вновь тащишь свой баул по галерее, ища глазами приколоченный к двери номер твоей следующей отведённой под проживание камеры. Сильный стресс тебе гарантирован, ведь даже такой серьёзный человек, как «ночной губернатор Санкт-Петербурга», лидер «тамбовской ОПГ» Владимир Кумарин в своих воспоминаниях упоминал, как давят на психику арестанта эти «поиски тюремного счастья» по воле оперов.

Переезды не были бы так тяжелы и утомительны, если бы в разных камерах не существовали различные формы взаимоотношений арестантов. В начале первого десятилетия XX века в Крестах находились многие участники банд ставших печально известными в 90-е годы. Принято считать, что эпоха бандитского беспредела давно канула в лету, однако отмороженные герои кровавых событий прошлого, из тех, кто остался в живых, и до сих пор существуют, находясь в тюрьмах и лагерях уголовно-исправительной системы. В отличие от уголовников старой, ещё советской закалки придерживающихся в неволе строгих, но справедливых арестантских понятий, отморозки, как говорится, не знают ничего святого и продолжают беспредельничать теперь уже в тюремных стенах. Их намерения обычно имеют корыстный мотив (кроме

тех случаев, когда в силу ставшей генетически врождённой жестокости им доставляет удовольствие насилие и издевательства над более слабыми сокамерниками): они вымогают у своих жертв большие суммы денег, для получения которых несчастные занимают у друзей и родных и даже продают свои квартиры; применяя жестокое насилие и угрозы, отморозки подавляют у людей волю к сопротивлению, после чего делают с ними всё что хотят. И естественно, вымогательства происходят при активном участии коррумпированных ментов, которые распределяют нужных людей в нужные камеры, закрывают глаза на творящийся беспредел и получают в итоге свою долю.

Конечно, мне не хотелось попасть к беспредельщикам, но больше всего пугала нависшая как дамоклов меч мрачная перспектива оказаться в "петушатнике" - среди представителей тюремной касты отверженных называемых "обиженными", "угловыми" или попросту пидорами. Пытаясь лишить меня психологического равновесия, Стебенёв каждый раз угрожал переводом в такую камеру и, будучи совсем неопытным арестантом, я был склонен воспринять его угрозу всерьёз. По сложившимся негласным правилам сажать нормальных зэков в петушинные хаты было нельзя, и всё-таки существовала реальная вероятность провокации. Здесь надо понимать, что по тюремным понятиям, зэк, однажды переступивший порог петушатника больше не имеет хода назад. Единственная возможность сохранить статус нормального заключается в том, что он должен "поставить на лыжи" находящихся там петухов, т.е. заставить их, выйдя на утренней проверке отказаться возвращаться назад. Чтобы реализовать эту возможность необходимо обладать большой физической силой, потому что петухи навряд ли захотят покинуть свой дом добровольно, и их нужно будет бить пока они не "сломятся". Куда легче просто не заходить в "стрёмные" хаты (правда, я слышал истории, как мусора насильно закидывали туда людей), однако номера всех петушатников в Крестах, где почти тысяча камер, были мне неизвестны. Поэтому прежде чем зайти в хату я был вынужден стучаться в соседние и спрашивать, всё ли в порядке.

Катание по Крестам затянулось на три месяца, четверть года, девяносто дней. Под конец этого чудовищного марафона я похудел и осунулся, а моя личность начала расщепляться, память ослабла, сообразительность заметно понизилась. Переезжая из камеры в камеру, я уже не обращал живого внимания на людей, какое переполняло меня сразу после ареста: десятки лиц узнанные в долгом путешествии незаметно сложились в одно коллективное безобразное лицо, казалось вторгающееся в сознание откуда-то из романов Уильяма Фолкнера.

Везде меня встречали по-разному. Кто-то выражал равнодушие, а кто-то сочувствовал, одни восторгались масштабами моего дела, тогда как другие отзывались грубо и неприязненно. Я словно плыл по течению жизненной реки уже не чувствуя боли когда могучая волна вдруг бросала меня и била головой о камни. В одной из камер меня сильно избили без всяких видимых причин, а в следующей рассказали, что Стебенёв обещает отсутствие наказания даже в том случае, если меня убьют. В самый разгар репрессий я пережил глубоко личную трагедию - меня оставила любимая девушка. О ней я часто думал, находясь в заключении и даже теперь, спустя шесть лет мне мучительно тяжело беречь эту старую рану. Напишу только, что та любовь была моей настоящей; её я называл весной своей жизни, и после неё в душе наступила затяжная осень...

Всеми приходит конец, и в марте 2004 года уголовное дело было передано в суд. Добиваться признаний больше не имело смысла, и меня оставили в покое. Открылась новая страница моего тюремного бытия, новая страница моей жизни.

Кресты: 791 (part 1)

В 791 я задержался надолго. Относительно просторная недавно отремонтированная камера с покрашенными в белый цвет стенами, видом на Неву и телевизором собрала необычный коллектив заключённых. На центральных ролях здесь был Медведь - жутко здоровый коренастый мужик с лицом человека, которого вы можете увидеть последним в жизни - когда он придёт вас убивать. Откровенно бандитское было лицо. Медведь пользовался в Крестах большим авторитетом, решал вопросы с сотрудниками всех мастей, был человеком широкой натуры. Звали его Виктор, а прозвище Медведь происходило от фамилии Медведев. Впрочем, и без фамилии он походил на свирепого медведя вставшего на задние лапы и принявшего человеческое обличие. При взгляде на его крупные черты лица и бесформенно переломанные уши (в молодости он профессионально занимался классической борьбой) было достаточно двух секунд чтобы понять: определённно опасный хищник. Как должно быть и положено диким зверям этот Медведь разгуливал на свободе не просто так: обвинительное заключение по его уголовному делу повествовало о трёх десятках разбойных нападений и двух убийствах, не считая сравнительно лёгких обвинений в хулиганстве, грабеже, незаконном хранении оружия и подделке документов. Логическим итогом было обвинение в "бандитизме", т.е. в создании вооружённой организованной группы для совершения тяжких и особо тяжких преступлений - тех же разбоев и убийств.

Медведь был потрясающе интересным человеком, фактурной личностью вызывающей большое количество неожиданных ассоциаций. Я представлял его в роли уже заматеревшего и откормленного румяного советского солдата победоносно прошедшего всю Европу и в мае 45-го въехавшего на броне танка в поверженный Берлин. И в образе добротного хозяина-кулака во времена революционной смуты вышедшего на большую дорогу с любовно начищенным обрезом. Он мог бы быть викингом-берсерком на борту грозного драккара бесстрашно плывущим по чёрным волнам штормового моря. Мог быть и римским легионером под знаком расправившего крылья орла несущим имперский порядок и власть божественного цезаря в дикие населённые враждебными варварами земли. Обладая внешностью булгаковского кентуриона Крысобоя, Медведь излучал просто неиссякаемую пассионарность: кипучая энергия, сумасшедшая тяга к жизни и борьбе была из него ключом заряжая всех вокруг жизнерадостным и неукротимым оптимизмом.

Являясь зримым воплощением идеалов настойчивости и упорства, Медведь одновременно обладал душой ребёнка жадно увлечённого познанием окружающего мира и легко поддавал под влияние сокамерников способных предложить какое-нибудь новое ещё не испытанное развлечение. Однажды я рассказал ему о популярной молодёжной игре сокс, и старый бандит мгновенно загорелся идеей попробовать. Мы набили носок рисовой или гречневой крупой, сшили мячик и на следующей прогулке уже играли. Надо было видеть, как одетый в белые шорты и тенниску сорокалетний главарь структурного подразделения тамбовской ОПГ азартно играет на асфальте тюремного двора в сокс с лидером движения скинхэдов!

На чужих Медведь смотрел как Вышинский на Зиновьева с Бухариным, так что становилось не по себе; однако на самом деле в его груди билось доброе сердце: он был не чужд милосердию и сентиментальностям, возможно и в большей мере по сравнению с большинством. Со временем у нас установились доверительно-близкие отношения, хотя разница в возрасте, образе жизни и характере легла между нами словно бездонная пропасть. Он стал мне как отец, взамен моего перегоревшего подобно лампочке в 90-е годы настоящего отца. От него я почерпнул многое давнее выжить.

Глядя на Медведя, я задумывался о том, что могло заставить взрослого мужика служившего на флоте и имевшего двоих детей, а что он был примерным семьянином, у меня сомнений не было, внезапно перечеркнуть прошлую мирную жизнь и встать на криминальный путь диаметрально противоположный всему, чем он занимался раньше. Ведь, несмотря на увлекающуюся натуру и склонность к авантюрам, он был когда-то хорошо интегрированным в общество гражданином, состоял кандидатом в члены коммунистической партии. Агрессивная прямолинейность характера не помешала бы Медведю приносить большую пользу государству вместо того, чтобы грабить и убивать невинных людей, усугубляя тем самым затяжной социально-экономический кризис. Да, именно такие как он с ожесточёнными боями брали Берлин, колонизировали Сибирь и покоряли Кавказ. Почему же он стал преступником, был ли это свободный выбор его воли? Слушая Медведя и вспоминая всё, что я знал о распаде СССР, я начал смотреть на него как на живое напоминание о похороненных надеждах миллионов советских людей нежданно попавших под жернова исторического перелома. Запрограммированные на жизнь в больше не существующей социально-культурной парадигме, они как могли, приспособивались к новой реальности, ступая порой на скользкие, ведущие в заведомый тупик дороги. В таком свете Медведь виделся такой же жертвой независимых от нас обстоятельств, как и потерпевший его уголовных дел: он ждал приговора, заранее зная, что никогда уже не выйдет на свободу.

Второй мой сокамерник Пётр оказался в тюрьме по обвинению в "растрате". Блестящий выпускник военной кафедры юридического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета готовился стать военным прокурором или кем-то в этом роде, но стал конкурсным управляющим одного обанкротившегося предприятия. По мнению обвинения, он проводил крупные денежные переводы из находящихся под его ответственностью средств на собственный банковский счёт. Когда украденная сумма превысила полтора миллиона рублей, его прямо в банке арестовали, надели наручники и посадили в Кресты. Младше меня на год Петя был молодым рафинированным либералом, возил с собой книжечку отца Александра Меня и в жизни придерживался толстовского принципа непротивления злу насилием. Высокого роста и не узкий в плечах, весом под 100 килограмм, он отращивал бороду, частенько молился, делая по-иезуитски смиренное лицо, и был похож на священника-расстригу с наивно-прозрачными глазами профессионального мошенника. Происходил он из исключительно приличной семьи, не был обделён любящей родительской опекой, читал умные книжки, блистал в университетском научном обществе, и его свободная жизнь просто не могла иметь никаких параллелей с жизнью тюремной. По-видимому, арест и заключение под стражу стали для него действительно шокирующими событиями и отправной точкой для радикального изменения характера.

Понемногу притершись, друг к другу мы образовали довольно дружную семью. Смотрели телевизор, особенно фильмы о животных, играли в шахматы, наводили в

камере чистоту и порядок. Медведь оказался дотошным аккуратистом и чистюлей: в отличие от тюремных чертей ("черти" - не соблюдающие правил гигиены и не следящие за внешним видом арестанты), он поддерживал в камере идеальный порядок и законно требовал того же от других. Он не брезговал собственноручно мыть пол и до белизны начищать стоящий в углу за полиэтиленовой шторкой унитаз, тщательно вытирал оседающую на стенах пыль, каждую принадлежность бытового инвентаря держал строго на отведённом ей месте. В этом отношении он показал мне хороший пример того, как сохранить в тюрьме активную жизненную позицию, в противовес тем, кто под грузом лени и бесплодных переживаний опустил плечи, потеряв человеческий облик и элементарное самоуважение.

Вкус тюремной баланды был мне по-прежнему неизвестен: всем обитателям камеры 791 оказывалась значительная материальная помощь со свободы; наши суммарные ежемесячные расходы превышали пятьдесят тысяч рублей. По мобильному телефону мы дни напролёт общались с родными и близкими, узнавали свежие новости, получали поднимающую настроение моральную поддержку. Раз в неделю приносили передачу - большой мешок, наполненный вещами и съестным. Кроме того, изрядное количество продовольственных припасов заказывалось в магазине учреждения - по утрам заказанное приносили закреплённые за магазином рабочие зэки. Другие рабочие - называемые "диетчиками", ежедневно стучались в кормушку и предлагали нелегально приобрести украденные в столовой продукты - сырую картошку, сахарный песок, сухое молоко, тушёнку, куриное филе, яичный порошок и др. Поскольку с деньгами проблем не было, мы охотно покупали запрещённые к получению в передачах овощи, прежде всего картофель. Часто в Медведе просыпался кулинарный талант и, облачившись в украшенный ажурными цветочками нарядный поварской фартук, он колдовал над пищеблоком (место, где производится приготовление пищи) создавая сравнимые с произведениями искусства гастрономические шедевры.

Благодаря Медведю за четыре года досконально изучившему тёмные стороны тюремной жизни я смог воочию увидеть размах царившей в Крестах коррупции. Здесь продавалось все, и состоятельный арестант мог качественно улучшить условия своего существования. Напишу только о некоторых оказываемых коррупционными сотрудниками тюрьмы услугах (полный перечень был бы бесконечен):

1. Основная коррупционная услуга состояла в возможности "купить" себе камеру. Надо сказать, что многие крестовские камеры представляют собой мало пригодные для проживания тёмные сырые помещения с разбитыми окнами, сломанными санузлами и мириадами забившихся во все щели клопов. Неплатёжеспособный арестант гарантированно попадет в такую хату, иронично называемую "бомж-отелем". А чтобы сидеть в комфортабельной камере с уверенностью, что тебя внезапно никуда не переведут, арестанты платили в 2004 году по 100-200 американских долларов в месяц. В услугу входила также возможность "сливать", т.е. устроить через опера мгновенный перевод любого нежелательного "пассажира", а за дополнительную плату можно было затянуть к себе в камеру любого нужного человека.

2. Самые ценные для заключённого вещи это "запреты" - предметы, запрещённые к получению и хранению соответствующими инструкциями Минюста. К числу запретов относятся мобильные телефоны, деньги, алкогольные напитки, наркотики, порнографические материалы и т.д. Данные предметы запрещены и потому сотрудники администрации во время обысков постоянно ищут запреты с целью изъятия. Однако и попадают запреты в тюрьму, в основном, через тех же сотрудников проносящих их за

определённую плату. В 2004 году принести, например, телефон стоило 1000 рублей, зарядное устройство для телефона или аудио-плэйер - 500 рублей, в такую же сумму оценивалась пол-литровая бутылка водки или разбавленного спирта.

3. С точки зрения администрации даже перочинный ножик является запретом, не говоря уже о мобильном телефоне или спиртных напитках. Вместе с тем почти в каждой хате есть хоть какие-то запреты и для арестантов остро стоит вопрос не только затянуть запрещённый предмет, но и сохранить его в продолжение максимально длительного времени. Для изъятия запретов из сотрудников сформированы группы так называемых "шмонщиков" регулярно заходящие в камеры и переворачивающие вверх дном. Только если в одних хатах они отшманывают даже неустановленного образца постельное бельё, то в других получив фиксированную плату, не замечают и открыто лежащего на столе телефона.

4. Согласно закону не меньше одного раза в неделю заключённым должна быть обеспечена помывка в горячем душе. Двери открываются и специальный сотрудник называемый "банщиком" ведёт зэков вниз по лестнице в подвал, где расположен напоминающий преддверие ада тюремный душ. В подвале ощутимо жарко, темно и повсюду клубятся облака белого пара. Помывка происходит в пяти больших (10м2) камерах, куда заводят на пятнадцать минут по шесть человек. Стены в камерах чернее ночи и покрыты зеленоватой слизью, по счастью, едва различимой в неясном свете как всегда единственной лампочки. Под потолком висят шесть тонких ржавых труб, из двух, в лучшем случае из трёх льётся вода. Посередине душевой камеры зияет ничем не прикрытая внушительная дыра, ведущая, наверное, напрямик в канализационный коллектор. Если зэк случайно роняет какую-нибудь свою вещь, например, мыло или шампунь, он может навсегда с ней попрощаться - мутные потоки унесут её в тёмную глубину. Так происходит процесс помывки в кабинках 2, 3, 4 и 5. В кабинке под номером один совсем другое дело. Там очень чисто, ослепительно светло и все душевые работают исправно. И моются там не пятнадцать минут, а целый час, заплатив всего 100 рублей (по расценкам того времени).

5. Заключённые имеют право на ежедневную прогулку продолжительностью один час. Ещё один специальный сотрудник - "прогульщик", открывает камеру, выводит арестантов на улицу и запирает в одном из двух десятков тюремных дворики площадью примерно по 18 квадратных метров каждый. Есть и два платных дворика размером, раз эдак в пять больше. Заплатил сто рублей и гуляешь в большой дворике. Дал ещё сотню и гуляешь уже не час, а два. (Эта услуга особенно важна, потому что от долгого нахождения в камере зэки всегда чувствуют острый недостаток свежего воздуха и свободного пространства).

В Крестах, конечно, было ещё немало способов потратить деньги: можно было сходить в другую камеру в "гости", "открыться", т.е. свободно пойти гулять внутри тюрьмы, получить "зелёную" (по аналогии с разрешающим движением сигналом светофора) передачу с запрещёнными вещами и продуктами питания и др. Спектр коммерческих услуг пенитенциарной системы я постепенно ещё обрисую. Хочу только добавить несколько слов о моём личном отношении к явлению коррупции. Находясь на свободе, я всегда выступал против коррупции, считая её признаком нарастающей слабости государства. Я и сейчас готов подписаться под этими словами, однако время внесло в мою позицию свои коррективы. Да, коррупция, безусловно, вредна, так как она развращает государственных служащих и делает их преступниками не многим отличающимися от массы тех, кого они должны охранять. С другой стороны, внедрение капиталистических отношений в жизнь заключённых возвышает одних и бесконечно

принижает других в соответствии только с критерием платежеспособности, тогда как моральные качества человека, да и сама суть совершённого им преступления в этой системе координат значения не имеют. Таким образом, обеспеченный негодяй может оказаться в намного более выгодном положении по сравнению с хорошим, но бедным арестантом. Тем самым в очередной раз нарушается фундаментальный принцип правосудия - равенство всех перед законом: испытанные в неволе страдания одних в чисто материальном аспекте несопоставимы со страданиями других. И всё-таки нельзя забывать, что зло цивилизованного мира в России иногда оборачивается добром. Государство здесь создало настолько тяжёлые условия содержания заключённых, что о справедливости и целях исправления говорить не приходится. Погружая человека в наполненное беспросветными днями удушающее концентрационное пространство, пенитенциарная система психологически и физически калечит его, выпивает душу, забирает здоровье. Маленькие радости, предоставляемые коррупцией, служат арестанту глотком свежего воздуха в спёртой атмосфере тюрьмы, становятся возвращающим к жизни лекарством. По-человечески это не сложно понять.

Ознакомление с материалами дела

В начале весны Тихомиров завершил предварительное расследование и собранные за год следствия материалы уголовного дела были переданы в суд. Они составили пять томов по триста страниц текста плюс вещественные доказательства, запечатанные в несколько больших картонных коробок. Почти каждый день меня выводили в следственные кабинеты для ознакомления с делом. Из чёрного элегантного кейса Тихомиров доставал толстые белые папки, передавал мне и сидя напротив, рядом с вмонтированной в стену копкой "вызова сотрудника", внимательно следил, чтобы я не повредил или не уничтожил ни одного листа. Не так давно в Крестах произошёл скандальный случай: один бандит во время изучения своего многотомного дела ухитрился стащить из-под носа у следователя два тома и постранично спустил их в унитаз. Для спасения хоть некоторых украденных страниц сотрудники разобрали тогда весь стояк следственного туалета, а теперь каждый следователь изображал бдительность, опасаясь повторения инцидента.

Полуторатысячестраничное дело я читал с интересом. Здесь были собраны результаты годового труда следователей из следственного отдела УВД метрополитена, главного следственного управления ГУВД и управления по расследованию особо важных дел горпрокуратуры. Огромная кипа бумаг: написанные полуграмотным языком милицейские протоколы с места преступления, неразборчивые записи медицинского освидетельствования потерпевшего, исполненные на безупречном официально-деловом новоязе бесстрастные прокурорские постановления о возбуждении уголовного дела и передаче его в ведомство новых следственных инстанций, протоколы допросов многочисленных свидетелей обвинения, утверждённые факсимиле федерального судьи постановления о проведении обысков, - всего двенадцать, и страницы с длинными списками конфискованных предметов, протоколы допросов семи обвиняемых, их в большинстве положительные характеристики и справки с места работы, учёбы и жительства, протоколы допроса родителей некоторых обвиняемых, пространный текст судебной социогуманитарной экспертизы печатных изданий, оперативные справки 18 отдела УБОП и даже один документ оперативного характера,

полученный из Москвы от первого замминистра МВД. Над всем этим стоило хорошенько поразмыслить.

В начале первого дневного часа 29 марта 2003 года милиционер, дежуривший в пикете на станции метро "Пушкинская" получил сигнал от находящейся на платформе работницы метрополитена, что там происходит массовая драка. Через пару минут спустившись вниз, он уже никого и ничего не обнаружил. Хулиганов и след простыл. Об этом милиционер честно и безграмотно написал в протоколе.

Спустя несколько дней в УВД метрополитена (где когда-то служил и Георгий Бойко) обратился гражданин Армении Арам Гаспарян. Он утверждал, что 29 марта был избит на платформе станции "Пушкинская" группой незнакомых молодых людей с футбольной атрибутикой, лиц которых он не запомнил. Объяснить причину нападения Гаспарян не мог. Также он предоставил медицинскую справку, свидетельствующую о причинении ему ссадин и физической боли не повлекших кратковременного расстройства здоровья. Следственный отдел УВД возбудил уголовное дело по статье "хулиганство" (ст. 213 УК РФ).

Примерно через месяц оперативники 18 отдела УБОП (Бойко&со) задержали и доставили на допрос двух молодых людей 16 и 17 лет, по имени Коля и Глеб. Они рассказали как в день происшествия они вместе со своими друзьями - футбольными болельщиками спустились по эскалатору станции "Пушкинская", а потом сели в поезд и направились на станцию "Спортивная" и далее на проходивший в тот день на стадионе "Петровский" матч Зенит-ЦСКА. Коля и Глеб заявили, что никакого отношения к движению скинхэдов не имеют и об избиении армянина им ничего не известно.

Но ещё через неделю был задержан некто Алексей Мадюдин, 20 лет, в прошлом дважды судимый за грабёж и хранение наркотиков. Он то и пролил следственным органам свет на события 29 марта. Из данных Мадюдиным показаний следовало, что он является участником скиновской группировки "Шульц88" совершающей серийные нападения на людей с неславянской внешностью, бомжей, наркоманов и представителей определённых молодёжных субкультур. 29 марта в 12.00 у здания Театра Юного Зрителя на Пионерской площади лидер Ш.88 назначил сбор участников организации для последующего совершения силовых акций. На сбор явились около десяти шульцов и ещё порядка трёх десятков околофутбольных хулиганов из группировки "Нордфирм". Обратившись ко всем собравшимся, Шульц сказал, что сегодня они будут совершать нападения по национальному признаку. Когда моб спустился на платформу метро "Пушкинская" Шульц увидел стоящего у колонны кавказца и отдал команду напасть на него, после чего кавказец был избит участниками группировок. Мадюдин признал, что первым ударил Гаспаряна, а про меня сказал, что в избиении я лично не участвовал.

Коля и Глеб были повторно допрошены, однако ничего нового не добавили и только после очной ставки с Мадюдиным изменили показания, подтвердив сообщённую им информацию.

Мадюдин был отпущен под подписку о невыезде, но через пять дней поступило заявление Коли и Глеба об оказываемом на них Мадюдиным давлении и его заключили под стражу. Это произошло 30 мая.

Далее делом занимался следователь главного следственного управления Олег Борисович Сахаров. Он инициировал проведение обысков у двенадцати петербуржцев причастных по оперативной информации к деятельности "Шульц88" и провёл их

допросы. 9 августа был допрошен и я. Изучив материалы дела, Сахаров пришёл к выводу о ненаказуемости моих действий при нападении на Гаспаряна. Он исходил из того, что так называемая "команда к нападению" отданная 29 марта была необязательна для исполнения собравшимися, потому что в случае неисполнения команды никаких неблагоприятных последствий для них бы не наступило, а значит, избиение Гаспаряна было их собственным решением. Учитывая, что я потерпевшего не бил, Сахаров отпустил меня под подписку.

В сентябре уголовное дело передали высшему следственному органу Петербурга - городской прокуратуре. Им занялся старший следователь управления по особо важным делам Тихомиров, который усмотрел в произошедшем не просто совершённое группой лиц хулиганство, а преступление, направленное против государственной власти и основ конституционного строя. В распоряжении Тихомирова оказалась обзорная справка 18 отдела, где напротив моей фамилии было указано, будто являясь лидером неформального молодёжного объединения экстремистской направленности, я причастен к ряду преступлений по мотивам национальной вражды совершённых в течение последних трёх лет на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, причастен к организации массовых беспорядков на Триумфальной площади в Москве, а также к изданию литературы праворадикального содержания. В ходе проведённых в августе обысков было изъято большое количество печатных изданий с логотипом Ш.88, и следователь вынес постановление о проведении социально-психологической экспертизы данных материалов. Перед экспертом был поставлен вопрос: содержат ли издания Ш.88 информацию побуждающую к насильственным действиям по национальному признаку? Получив утвердительный ответ, Тихомиров возбудил уголовное дело по статьям "публичные призывы к экстремистской деятельности с использованием сми (ст. 280 ч. 2 УК РФ) и "распространение национальной ненависти и вражды с использованием сми" (ст.282 ч.2 УК РФ).

Следующим этапом стало проведение допросов лиц, по оперативной информации 18 отдела, в прошлом или настоящем состоявших в Ш.88, либо обладающих какой-то информацией о группировке. Таковых набралось более двадцати человек. Доставленные в прокуратуру свидетели в целом подтвердили версию обвинения: Шульц был лидером группировки, занимался изданием пропагандистской продукции и неоднократно призывал к расправам над неславянами африканского, азиатского и кавказского происхождения. Правда, когда допрос касался конкретных преступлений совершённых Ш.88 (помимо избиения Гаспаряна), у всех без исключения свидетелей внезапно пропадала память и вспомнить какие-либо подробности они не могли. Тем не менее, Тихомиров начал делопроизводство ещё по двум статьям уголовного кодекса: "создание экстремистского сообщества" (ст.282 прим.1, ч.1 УК РФ) и "публичные призывы к экстремистской деятельности" (ст.280 ч.1 УК РФ). А так как среди выявленных шульцов было четверо несовершеннолетних, он возбудил уголовное дело ещё и по статье "вовлечение несовершеннолетних в преступную группу" (ст. 150 ч.4 УК РФ).

Вслед за Мадюдиным участие в избиении Гаспаряна признали обвиняемые Алексей Буторин, Максим Ражев и Дмитрий Баталов и хотя Алексей Вострокнутов, Михаил Втюрин и Дмитрий Бобров вины не признали, Тихомиров посчитал, что при наличии двух свидетелей произошедшего - Коли и Глеба, обвинение полностью доказано.

Прочитав материалы дела, я заметил несколько подозрительных моментов. Больше всего настораживало странное поведение потерпевшего. С места нападения он уехал,

не дожидаясь появления милиции, и вроде и не собирался обращаться в правоохранительные органы. Его можно было понять: серьёзных травм у него не было, нападавших он не запомнил и, являясь "лицом кавказской национальности" с армянским гражданством мог просто не иметь желания общаться с милиционерами. И всё же с опозданием на три-четыре дня Гаспарян приехал в милицию, чтобы дать показания ни на шаг не продвинувшие следствие на пути к изобличению преступников. Больше Гаспарян нигде не появился, но его заявление стало причиной возбуждения уголовного дела.

Я понимал, что бумаготворческий труд следователей это только видимая вершина айсберга имеющего в основании оперативную работу Бойко&со. Впитавшаяся в кровь беспринципность оперов позволяла им всячески исказить реальные факты, фальсифицируя действительность для достижения казавшихся справедливыми целей. Я предположил следующее: узнав от близких к Ш.88 информаторов об избиении кавказца на "Пушкинской" Бойко задействовал связи в национальных диаспорах Санкт-Петербурга (такие контакты были ему необходимы для преодоления пассивности ставших жертвами скинхэдов иммигрантов часто не обращавшихся в милицию) и нашёл Гаспаряна согласившегося поехать в УВД и написать заявление о нападении на него неизвестных молодых людей. Так были созданы искусственные предпосылки для возбуждения уголовного дела, в рамках которого, Бойко применяя психологическое давление, вынудил Мадюдина ещё не отгулявшего условный срок по прошлой судимости к признательным показаниям, а после, используя Мадюдина, добился признаний от других участников и "свидетелей" нападения. Гаспарян - подставной потерпевший! Эта версия подтверждалась неустранимыми противоречиями между результатами медицинского освидетельствования Гаспаряна и показаниями обвиняемых. Из выданной травмпунктом справки следовало, что Гаспаряну причинены всего лишь незначительные ушибы и ссадины, тогда как по показаниям обвиняемых и свидетелей потерпевшего избивали в течение пяти минут, вдесятером, нанеся ему не менее сорока ударов, в том числе прыгали у него на голове ногами, обутыми в армейские ботинки. Не мог быть Гаспарян тем, кого атаковали на "Пушкинской" ещё и потому, что он "увидел" там "молодых людей с футбольной атрибутикой", а на самом деле, конечно же, никто из шульцов или молодых хулиганов никакой атрибутики не носили.

Другой настораживающий момент - квалификация совершённого на "Пушкинской" преступления. Весной 2003 года дело возбудили по статье "хулиганство, совершённое группой лиц" (ст. 213 ч.2 УК РФ), но в декабре того же года Госдума приняла поправки к УК и теперь в состав преступления включили действия с применением оружия либо предметов заменяющих его. Раз при нападении оружия не применялось, значит, и хулиганства в юридическом понимании совершено не было, и Тихомиров переквалифицировал обвинение на статью 282 ч.2 УК РФ - "унижение национального достоинства совершённое публично, организованной группой, с применением насилия". Я сразу понял, что это самое слабое место обвинения. Одно дело простое избиение человека и совсем другое - унижение его национального достоинства; здесь для образования состава преступления недостаточно только нанесения ударов, а необходимо совершение призывов или действий унижающих его нацию, касающихся его национального происхождения, оскорбляющих его достоинство как представителя определённой нации. А кавказца на "Пушкинской" просто избили - без призывов, без лозунгов, молча, без слов.

Базовый массив собранных доказательств обвинения покоился на показаниях свидетелей. Внешне здесь всё было чётко и логично, даже слишком чётко и логично. Внимание привлекли протоколы допросов проведённых Тихомировым - монолитные, грамотно скомпонованные тексты с подписями соответствующих свидетелей. Если Сахаров задавал вопросы и дословно записывал полученные ответы, то Тихомиров сам составлял от лица свидетеля единый текст, протокол подписывался и подшивался в дело. Оставшиеся верными товарищи рассказали мне о предложенном каждому двухвариантном выборе: или подписать нужные стороне обвинения показания, или самому стать обвиняемым и отправится в тюрьму. Мой старый приятель Вострокнутов отсидел за решёткой девять месяцев только за то, что не стал оговаривать меня, подписывая сочинённый Тихомировым протокол, а занявший такую же позицию Миша Втюрин чудом избежал ареста (впоследствии с парней сняли обвинения и полностью оправдали). Запуганные подростки (в основном, подростки) послушно подписывали бумаги, едва ли отдавая отчёт, в чём они свидетельствуют. Поэтому я рассчитывал, что на судебном заседании свидетели неизбежно запутаются в своих-несвоих показаниях, демонстрируя противоречия между реально известной им информацией и информацией содержащейся в составленных Тихомировым протоколах.

Некоторые показания показались забавными. Например, один свидетель сообщил, что наше знакомство состоялось в буддийском храме Калачакры (самый большой европейский буддийский дацан, Санкт-Петербург), где я жил в 2001-02 годах, вероятно совмещая руководство экстремистским сообществом с духовной практикой, устремлённой к достижению нирваны по методу религиозного течения дхог-чен. Другой рассказывал о нашей встрече в книжном магазине на Невском проспекте и случайном знакомстве за обсуждением книги Артура Шопенгауэра "Мир как воля и представление". Третий неуёмно восхищался моей эрудицией и глубокими, по его мнению, познаниями в истории, философии, литературе и т.д. и было непонятно, зачем вообще он это рассказал, и какое отношение имеют его показания к уголовному делу.

Недоумение вызвал текст социогуманитарной экспертизы печатных изданий "Шульц88". Слишком познавательный и предельно отвлечённый от подлежащих доказыванию в суде обстоятельств текст. Последняя работа Николая Михайловича Гиренко - достаточно известного в определённых кругах деятеля, гармонично смотрелась бы на страницах какого-нибудь культурно-исторического журнала академии наук; для использования в уголовном судопроизводстве работа Гиренко выглядела непригодной. Учёный не поленился разъяснить "истинное" значение скандинавских рун, обрисовал основные аспекты учения Елены Петровны Блаватской, высказал свои предположения о местонахождении таинственной Шамбалы, и я с трудом представлял, как текст экспертизы будет зачитан в российском суде, и какую реакцию вызовет.

Присутствие духа не оставило меня и пусть обвинительный приговор был неизбежен, я не собирался отказываться от сопротивления. Мне предстояло выстроить наиболее эффективную линию защиты и убедительно провести её назло ожидающим, что я сломаюсь, врагам. "Мы ещё поборемся, господа судьи! Мы ещё повоюем!" - мысленно повторял я вновь и вновь.

Начало судебного заседания

Первое судебное заседание было назначено на завтра. Поздно вечером корпусной ударил связкой ключей по двери, и громко произнес мою фамилию, приказал быть готовым к пяти часам утра. Беспокойное ожидание возможности отмены и переноса даты суда развеялось прахом. После полугода нахождения в вакууме неопределённости, когда ничего нельзя было предпринять в свою защиту и оставалось только ждать, я вдруг будто проснулся от долгого зимнего сна и интеллект - успевшая изрядно заржаветь машина - заработал быстрее; вместе с ним зашевелились эмоции и память. Впервые судимый я впал в странное, экзистенциальное состояние: назначение первого заседания вызвало многоцветный фейерверк мгновенно рождающихся и умирающих в стремительном потоке сознания мыслей. Заменявшей настоящую жизнь повседневной тюремной рутине пришёл конец - намечалось большое СОБЫТИЕ! Завтра мне предстояло увидеть забывающиеся лица друзей и лица новых ещё невиданных врагов - судей и прокуроров, предстояло оказаться в положении сидящего посреди свободных людей в клетке подсудимого; быть выставленным на обозрение толпе и журналистам, тогда как моё прошлое будет публично препарировано одетыми в синие прокурорские мундиры советниками юстиции. Очень хотелось верить, что суд это не просто отправление необходимого социального ритуала, а как сформулировано в законах, процесс установления истины, и воображение рисовало призрачные весы внутри судейского мозга взвешивающие мои поступки, мотивации и намерения, и медленно созревающий, наливающийся силой приговор - упавшая на грудь смертельно тяжёлая гранитная плита. Я знал, что ввиду большого объёма дела процесс продлится неограниченно долго, и не ждал скорого исхода, и всё-таки волновался. Оправдательное решение было в принципе невозможно, а по вменённым статьям срок лишения свободы мог составлять от пяти до двенадцати лет - огромный, подвластный воле судьи разрыв. Той ночью, как и во все последующие предсудебные ночи, я не смог заснуть, бесконечно прокручивая в голове аргументы своей защиты.

Утром помятый надзиратель со злым невыспавшимся лицом открыл дверь и я уже полностью одетый и внутренне подготовленный к судебному спектаклю вышел из камеры. Мы дошли до стакана у корпусной, где сидели на лавках человек восемь затребованных судами заключённых. По вьющейся спиралью лестнице спустились на круг и, повторяя путь, пройденный в день приезда, подвальными закоулками добрались до широкого подземного коридора с закруглёнными сводами. Сотрудники тюремной комендатуры стоящие за обрешётчатой трибуной всё также шелестели листами документов. Передача заключённых конвоем должна была произойти много позже, а пока нас заперли в камере-"собачнике".

Собачник - маленькая нежилая камера для содержания арестантов перед отправкой в суд. Какходишь, видишь протянувшуюся вдоль трёх стен прямоугольной буквой "п" узкую бетонную лавку. Чёрный туалет в углу сломан и издаёт шипяще-гудящие звуки, напоминающие о нечеловеческом пении тибетских лам. Под такую "музыку" можно медитировать и впадать в транс, да только релаксация не наступает: каменный подвальный холод пронизывает до костей, прокуренный воздух буквально электролизован током напряжённых переживаний. Не понимаю, зачем перед судом сюда сажают эзков? в пять, а иногда и в четыре часа утра собачники заполнены людьми, тогда как автозаки забирают первых пассажиров только в десять. В тесных подземных гробницах заключённые стоят и сидят без движения по пять-шесть часов,

заражаясь подавленным настроением и пессимистической направленностью мыслей. Аскетичное, даже по сравнению со спартанской обстановкой стандартной тюремной камеры, сырое и тёмное помещение собачника несёт функцию предсудебного чистилища, где в многочасовом ожидании конвоя люди остаются наедине с одними мыслями и каждая мысль о ждущем их приговоре.

Присев на самый край железобетонного сиденья (заляпанные цементной шубой стены вдобавок побелены и нельзя прислониться, не испачкав одежду), я первым делом попробовал вздремнуть. Бессонная ночь давала о себе знать, глаза непроизвольно закрывались. Закрыв ладонями лицо, я уткнулся головой в сомкнутые колени и замер. Кажется, получилось! В собачнике повисла тишина, слегка разбавленная журчанием туалета. Десяток таких же полусонных соседей-заключённых молча сидели, ничем не выдавая своего присутствия. Время стало вязким, тягучим как мёд... Здесь «вечность пахла нефтью»... С мыслями о вечности я заснул, и мгновение спустя проснулся от холода. Уже две недели как в Петербург пришла календарная весна, снег на улице давно растаял, и температура воздуха показывает стабильный плюс, но в бетонном склепе крестовского собачника более чем прохладно. Ледяные щупальца могильного холода проникли под одежду, и меня пробрала дрожь; спать перехотелось. Тогда я достал прихваченную с собой брошюру Григория Явлинского "Что случилось с Россией? Она утонула во лжи и предательстве" и стал читать. Лидера демократов оказался в теме и после слов о готовом плацдарме для установления профашистской диктатуры в РФ, я тоскливым взглядом окинул собачник, мысленно с ним соглашаясь. - Перед глазами неровная чешуя динозавра - покрытая серыми хлопьями пыли белая стена в шубе, в тугом воздухе повисли синие перья табачного дыма, развешанные по углам кружева паутины чуть колыхнутся от лёгкого сквозняка. - В самом деле, государство, устроившее для людей собачники вполне можно назвать протофашистским в хрестоматийном понимании этого слова. Конечно, тут нет расовой дискриминации и тому подобного, зато попрание человеческих прав возведено в ранг государственной политики, так что осознаёшь себя не гражданином европейской державы, а бесправным подданным какой-то восточной деспотии. Однако чтение пришлось отложить: освещение неподходящее, да и голова забита совсем другим. Почему-то вспомнился следователь Тихомиров объясняющий, что не смотрит теленовостей, потому что теперь "всё как при Брежневе". Сидя в подвале Крестов потерять временные ориентиры оказалось намного легче, чем перед телевизионным экраном. В этом месте присутствие современной цивилизации никак не угадывалось: электрический свет не отличался от мерцания газового рожка или масляного светильника; подвал мог быть узилищем царского равелина и подземельем средневекового замка. Пробивающийся сквозь запыленный плафон тускло-жёлтый электрический луч фрагментарно лёг на серое лицо сидящего напротив арестанта - ископаемой мумии древних времён... Я мёрз; казалось, ноющий холод поселился внутри тела; я чувствовал боль. Колени сводило от невозможности поменять позу; всё что оставалось - без числа сгибать и выпрямлять озябшие ноги. На улице светало...

Мучения продлились пять часов. После девяти во двор начали подъезжать автозаки, и к пытке добавился новый элемент: не заглушая моторы, машины задом подгоняли вплотную к стене, где на уровне выхлопной трубы размещались окна собачников. От выхлопных газов густо перемешанных с дымом сигарет заболела голова. Когда, наконец, пришёл сотрудник и позвал меня на выход - радости не было предела. Ещё одна по-фамильно-статейная переключка и мы вышли во двор к автозаку с распахнутой боковой дверью.

Я ехал по родному городу, заново привыкая к ощущениям автомобильной поездки. Пол под ногами резво качался, иногда подбрасывало. С другой стороны решётки перекрывающей выход из узкого отсека, в маленьком тамбуре сидел у дверного окошка молодой конвоир в синей милицейской форме. Увлечённо нажимая на кнопки мобильного телефона, он перебирал заложенные в памяти полифонические мелодии, и радостно-детское выражение не слезало с его лица. Зэки негромко переговаривались, спрашивали, кто в какие суды едет, а я пытался понять маршрут движения, вглядываясь в калейдоскопически мелькавшую за окошком местность. Видно было немного, и только неплохое знание города помогало узнавать места по отрывочным, уносящимся назад картинкам. Вот ещё не взорванный памятник Ленину у Финляндского вокзала, Нева, Литейный проспект и здание ФСБ, а вот машина выехала на Невский, и сердце окутала печальная ностальгия. На тротуаре главной питерской улицы бурлил народ, и виделась чудовищная несправедливость в том, что заточённый в железное чрево автозака я вынужден ехать на бессмысленное судилище вместо того, чтобы выйти на Невский и просто гулять, радуясь весне и Богом данной свободе.

Первый раз автобус остановился у Куйбышевского суда, в самом средоточии путей моих прошлых весёлых прогулок и хотя я не видел ничего кроме стены дома с кусочком не поместившейся целиком в окне серебристой водосточной трубы, искренне верилось, что быть может, в десятке метров сидят у фонтана мои друзья и если сейчас закричать изо всей силы, они обязательно услышат, и вспомнят мой голос, и подойдут ко мне.

Следующая остановка была моей. Ленинский федеральный суд Адмиралтейского района Санкт-Петербурга. Увидеть здание снаружи не удалось - автозак заехал во двор не отличимый от любого двора в старом жилом фонде. Разве что стены отштукатурены и положен новый асфальт. По команде конвойного я выпрыгнул из автозака, за мной последовали ещё двое арестантов, нас соединили наручниками в живую цепочку, - правая рука одного пристёгнута к правой другого (чтобы было неудобно бежать), - и повели в конвойное помещение.

В каждом российском суде есть конвойное помещение, располагаемое обычно в подвале или на первом этаже. Сюда привозят арестантов для участия в судебном процессе, отсюда их увозят обратно в СИЗО и КПЗ, здесь они находятся во время кратких перерывов заседания. Конвойка в Ленинском состояла из небольшого коридорчика, комнаты отдыха конвоиров оснащённой диваном, телевизором и стационарным телефоном, трёх камер с деревянными скамейками и туалета. После обыска меня заперли в камере, и до начала судебного заседания я мог отдохнуть. Оставалось полчаса.

Судебное заседание назначили на 12.00. Ещё ничего не произошло, а я уже чувствовал себя крайне уставшим, был вымотан семичасовой поездкой. Нервные переживания и бессонница, психологический дискомфорт, холод и травля выхлопными газами в собачнике, а потом тошнотворная часовая гонка в душной тесноте автозака почти исчерпали ресурс сопротивляемости организма. Думалось, здесь не обошлось без дьявольского логически выверенного умысла: условия доставки в суд были организованы таким образом, чтобы к началу процесса выжатый как лимон подсудимый был неспособен к энергичной защите и адекватному пониманию происходящего.

Без пяти минут двенадцать камеру открыли, и я вышел в коридор. Спереди на руках защёлкнулись наручники, двое конвойных взяли меня с обеих сторон под руки и в сопровождении ещё четверых судебных приставов мы вышли на лестницу. Полтора

десяток ступеней вверх, поворот направо и я оказался в просторном холле зала судебных заседаний №1.

Здесь было многолюдно. Повсюду десятки людей - журналисты, свидетели, подсудимые, родные и адвокаты, случайные зрители, агенты в штатском. Моё появление вызвало всеобщее оживление: шум голосов резко усилился и, попав под прицел оцепляющих меня кольцом корреспондентов, я на секунду ослеп от фотовспышек. Входя в зал, я краем глаза заметил ведущих съёмку из холла телеоператоров.

Зал судебных заседаний оказался большим - площадью более ста квадратных метров. Я находился в стальной клетке, справа от меня возвышалась массивная судейская кафедра, сейчас пустая. Над кафедрой висел двуглавый орёл - герб Российской Федерации. Прямо посередине зала стоял длинный стол для представителей защиты и обвинения - адвокатов и прокуроров. За ним у противоположной стены - столик ведущего протокол секретаря процесса. Слева протянулись ряды стульев предназначенных для зрителей, первый ряд занимали подсудимые, находящиеся под подпиской о невыезде. Яркий солнечный свет вливался в огромные окна, подчёркивая чистоту и белизну интерьера. На подоконниках стояли горшки с комнатными цветами. Высокие белые потолки, свежий воздух, нарядно одетые люди - здесь всё резко контрастировало с обстановкой тех мест откуда я прибыл. После полугодового прозябания зал суда представлялся роскошным. Это не могло не добавить скованности: так, как я, наверное, ощущали себя простые русские крестьяне, с декларативно-политическими целями иногда привозимые в сверкающий золотом Зимний императорский дворец.

Устроившись на скамье подсудимых, я оглядел собравшихся. Лицом ко мне сидели прокуроры: уже знакомая сексуально-обворожительная Кузнецова, - русые волосы собраны в косу, на белых щеках румянец, правильный овал лица украшают чистоты драгоценного камня небесно-голубые глаза, - и руководитель группы обвинителей Алексей Бундин - плотный пятидесятилетний мужчина с полным красным лицом, короткой стрижкой светлых волос и блестящими очками в тёмной оправе. От него веяло угрозой, но не физического свойства, как например, от Медведя, а неумолимой силой бюрократического аппарата - силой карательной государственной машины. В горпрокуратуре он считался одним из самых жёстких и негуманных обвинителей, участвовал, как правило, в процессах особо важного значения. Параллельно с судом над Ш.88, он сейчас поддерживал обвинение на громком процессе по делу депутата петербургского законодательного собрания Юрия Титовича Шутова, и потребовал там пожизненного заключения сразу четырём подсудимым. Я не мог не чувствовать к нему ничего кроме презрения и ненависти. За его спиной стоял призрак ГУЛАГа.

Рядом расположилась пёстрая компания адвокатов. Семеро представляли интересы подсудимых, а сидящий чуть в стороне восьмой - потерпевшего. Неудивительно, что это был, по-видимому, соплеменник Гаспаряна носивший фамилию Петросян, однако и защита наполовину поддерживалась неславянами. Особенно выделялся адвокат Адалашвили - высокий представительный грузин в чёрном костюме и при галстукке. Участие в нашумевшем процессе над "Шульц88" предоставило ему хорошую возможность давать продолжительные интервью пред объективами телекамер, и в последующем я часто видел его не только в суде, но и по телевизору. Ещё моё внимание привлекла адвокат Барамия - уже немолодая, худощавая уроженка Кавказа с застывшей на лице неприятной маской. О подобном выражении лица Харуки Мураками

писал, что оно возникает у многоопытного музыкального критика слушающего фортепьянную сонату Скрябина.

- Прошу всех встать! Суд идёт! - громко провозгласила секретарь и из судейской комнаты вышла вершительница моей судьбы федеральный судья Татьяна Жданова. Это была ещё молодая, не более тридцати восьми лет женщина в своём внешнем облике не обнаруживающая ничего отталкивающего. Открытое доброе лицо, густые каштановые волосы - она была, безусловно, красива, хороша той нежной материнской красотой, которая озаряет иконописные лики Богоматери держащей на руках младенца Христа.

Поскольку среди подсудимых есть несовершеннолетние, Жданова объявила о закрытом режиме процесса. - На закрытых судах имеют право присутствовать только представители сторон, подсудимые и их близкие родственники, потерпевшие, а также работники суда - секретари и судебные приставы. - Началось изгнание любопытствующих зрителей успевших оккупировать все свободные места. Одни покинули зал добровольно, тогда как некоторые смешались с родственниками и затаились. Принудив каждого встать и объяснить свой статус, Жданова быстро выявила несколько проныр-журналистов делавших вид, что решение о закрытом режиме процесса к ним не относится. Последние нелегальные зрители - два мордатых мужика в чёрных кожаных куртках, изрядно всех удивили. На предложение представится, мордороты ответили, что они от общественности.

- А из какой вы общественной организации? - спросила Жданова.

- Из той, где состоят подсудимые парни, - прозвучал неожиданный ответ.

Агенты в штатском дружно зашевелились.

Судебное заседание началось.

- Ленинским федеральным районным судом Адмиралтейского района Санкт-Петербурга, под председательством судьи Ждановой, рассматривается дело по обвинению подсудимых Боброва, Мадюдина, Вострокнутова, Буторина, Баталова, Втюрина и Ражева в совершении преступлений по статьям 282 (прим.1) ч.1, 282 (прим.1 ч.2), 282 ч.1, 282 ч.2, 280 ч.1, 280 ч.2, 150 ч.4 УК РФ, - скороговоркой проговорила Жданова и менее официально добавила:

- Давайте проверим явку. Все ли у нас в сборе?

Тут встал адвокат Дмитрия Баталова с заявлением, что его клиент отсутствует, потому что призван на срочную службу в вооружённые силы, в настоящее время направлен на Северный Кавказ, что подтверждено представленными адвокатом справками. Ссылаясь на уголовно-процессуальный кодекс, разрешающий прекращение уголовного преследования в связи с изменением обстановки, адвокат подал ходатайство о снятии с Баталова обвинений.

- Ушёл в армию, находясь под подпиской о невыезде? - недовольно сказала Жданова и на секунду задумалась.

- В связи с неявкой подсудимого Баталова, принимается решение о переносе судебного заседания на 1 апреля 2004 года.

Едва начавшись, сегодняшней суд уже завершился, повторяя ситуацию характерную для всего российского судопроизводства. Конституция России, в отличие от

цивилизованных стран не гарантирует быстрого правосудия обвиняемым в тяжких преступлениях, и люди юридически невиновные часто по пять и более лет пребывают в тюрьмах, ожидая приговора. Ограничений по срокам содержания под стражей для них не существует. Бесконечные переносы судебных заседаний бывают, как сегодня, вызваны относительно объективными причинами, а по большей мере происходят из-за перегруженности судов делами, безответственности судей и различных накладок, возникающих при работе неповоротливой российской судебной системы.

Обратная дорога заняла около девяти часов. До шести я глупо сидел в конвойке или пытался заснуть лёжа на жёсткой деревянной скамейке. В шесть приехал автозак, и я отправился в изнурительное трёхчасовое путешествие по судам и следственным изоляторам, причём Кресты, наверное, по "закону подлости" снова значились последним пунктом прибытия. Как назло автозак загрузили просто невообразимо большим количеством арестантов и почти все везли большие баулы. Со всех сторон сдавленного вещами и людьми, в крошечной темноте меня везли по питерским улицам на машине трясущейся так, будто она мчится по прифронтальной полосе, спасаясь от вражеского обстрела. По приезду в Кресты опять был собачник, всего лишь на сорок минут, но при этом уже не такой свободный, как утром, а набитый людьми так плотно, что мы стояли плечом к плечу, образуя единую страдающую от тесноты биомассу.

До своей камеры я добрался почти полумертвый, и вяло, отвечая на вопросы сокамерников, немедленно завалился спать. Моих сил хватило только на один короткий звонок подельнику Максиму Ражеву.

- Почему ты выглядел на суде таким уставшим? - спросил меня Максим.

- Не дай Бог тебе узнать это на своей шкуре, Макс! - ответил я, чувствуя, как тело становится невесомым.

Кресты: 791 (part 2)

Утром я проснулся бодрым и отдохнувшим. Вчерашние волнения остались в прошлом, впереди - две недели спокойного существования...

Обычный тюремный день. Первые движения начинаются в пять: где-то открываются и закрываются тяжёлые двери - сотрудники выводят судебных зэка. Их ждут собачники, автозаки и тягомотина судебных заседаний, а я могу наслаждаться снами и дальше.

Примерно около шести с галереи раздаются неясные стуки, сменяемые скрипом несмазанных колёс. Это рабочие баландёры притащили пятидесятилитровые алюминиевые бидоны с завтраком и теперь на скрипучих четырёхколёсных тележках развозят его по камерам. Баландёр подгоняет тележку к двери, открывает кормушку и спрашивает: «Завтракать будете?» Если в ответ звучит «да», рабочий большим черпаком наполняет передаваемые ему через кормушку ёмкости. На завтрак обычно подают кашу: плохо проваренный неочищенный овёс или дурно пахнущую сечку. Следом к кормушке подходит ещё один баландёр несущий деревянный лоток с белым, а точнее серым хлебом местного тюремного производства. Третий рабочий отмеряет спичечным коробком сахарный песок – по тридцать грамм в сутки на человека. Считается, что один коробок это и есть примерно тридцать грамм. После завтрака на корпусе тихо. До утренней проверки арестанты спят.

В девять на всех четырех галереях начиная с крайних камер, открываются двери – начинается совмещённая с телесным осмотром проверка. С голым торсом заключённые выходят из камер и выстраиваются шеренгой вдоль стены. Сотрудники держат в руках коробки с личными карточками и проверяют наличие спецконтингента.

Где-то после десяти на корпусе становится оживлённо: арестанты просыпаются и отворяют прикрытые на время сна окошки-кормушки, то тут то там между арестантами из разных камер завязываются разговоры; на галереях появляется множество спящих туда-сюда черноробных рабочих, они подходят к камерам, что-то забирают и передают, разносят передачи, моют полы, спускаются и поднимаются по лестницам. Становится больше и сотрудников: корпусные выводят заключённых на краткосрочные свидания с родными, на встречу с адвокатом или со следователем, или быть может на беседу с оперативным сотрудником; женщины в камуфляже с папками документов в руках вручают зэкам какие-то постановления, объясняют их смысл, дают расписаться и переходят к следующим камерам.

Я окончательно проснулся в начале одиннадцатого, когда тюрьма за дверью уже вовсю гудела. Немного понежился лёжа в тёплой постели и наблюдая за пылинкой скользящей по диагонально падающему солнечному лучу; уловив распространяющийся по камере вкусно-аппетитный запах, искал взглядом его источник. Петя поджаривал на сковородке урчащие кусочки копченого мяса, перемешанные с мелко порезанной картошкой, луком и морковью. Значит точно пора вставать! Утренний туалет и вот – свежий и энергичный я с удовольствием завтракал.

Всё-таки хорошо сидеть в такой камере как наша. Просторно – из шести спальных мест занято всего три, на полу постелен новенький линолеум, стены аккуратно покрашены белой краской, пищеблок наполнен продуктами. Уютно, чистота радует глаз. Да и сокамерники приличные люди, а не какое-нибудь отребье. Есть о чём поговорить на культурном русском языке без использования мерзкой фени и тем самым слегка отвлечься, развеять давящую ауру тюрьмы, дать мозгу работу необходимую для того, чтобы он не атрофировался от бездеятельности.

Медведь сегодня судится, и мы остались с Петей вдвоём. Позавтракав, он обложился книгами по юриспруденции, всевозможными кодексами, толстыми брошюрами с аббревиатурой европейского суда по правам человека и что-то пишет, поминутно сверяясь с книгами заложенными десятками закладок. Петя – юрист, он самостоятельно занимается своей защитой, хотя у него есть и несколько платных адвокатов, среди которых знаменитый некогда Иванов – бывший следователь вместе со своим напарником Гдляном ставший известным благодаря делу о коррупции в высших эшелонах власти. И я, и Медведь часто консультируемся у Пети по вопросам уголовного судопроизводства, получая массу ценных советов.

Мои отношения с Петром развиваются неровно. Бывший конкурсный управляющий сначала смотрит на меня несколько свысока: обвиняемый в похищении миллионов высокообразованный молодой человек не считает себя ровней с полуграмотным уличным скином-хулиганом. К тому же его ярко выраженные демократические убеждения разделяют нас якобы непреодолимым барьером. Со своей стороны я иронизирую над его высшим образованием, называя обучение в отечественном ВУЗе «дрессировкой далёких от истинной интеллигентности недоспециалистов» и насмехаюсь над Путиным когда-то учившемся на Петинском факультете. Тем не менее, нам интересно общаться друг с другом. Темы наших разговоров разнообразны и коренным образом отличаются от ни к чему не обязывающего трёпа простых

арестантов. Политика, история, экономика, важные общественные события входят в круг наших интересов, и я нахожу в лице Петра равнодушного слушателя способного как разделить мои воззрения, так и подвергнуть их стимулирующей мыслительную деятельность критике. Пребывая в постоянном творческом поиске, я анализирую поступающую информацию, делаю выводы, свожу возникающие идеи в системы, строю теории и возможность излагать свои мысли, выслушивать возражения и отвечать на них даёт удовлетворение потребности в нормальном общении, помогает сохранять креативность мышления. Наши разговоры становятся всё продолжительней, а их тематика – обширней. Но, несмотря на социологические, исторические, психологические и т.д. отступления всё вращается вокруг текущего социально-политического момента. Вот и сегодня уставший писать ходатайства Пётр захотел услышать моё мнение о происходящем укреплении российской экономики.

- Скажи-ка Шульц, разве нельзя поставить в заслугу Путину улучшение экономической ситуации? – вкрадчивым голосом спросил он, заранее зная, что на такой вопрос я непременно разражусь категорически-уничжительным диалогом.

- Ты меня удивляешь! Уж ты то обязан иметь хотя бы приблизительное представление о реальном состоянии экономики. Нефтяная игла – роковая зависимость страны от экспорта природных ресурсов на Запад – банальная тема для банального разговора. До тех пор пока данное положение сохраняется, говорить об укреплении экономики нет смысла. Сырьевая экономика – удел отсталых стран, она исторически обречена быть причиной экономической деградации России. Уровень жизни отдельных групп, конечно, может повышаться, а он действительно повысился и, основываясь на этой статистике, телегипнотизёры сегодня поют Путину дифирамбы. Однако пока он не направит поток нефтедолларов на создание конкурентно-способного промышленного производства, экономика будет в состоянии перманентного кризиса – в её нынешнем состоянии. И позволю напомнить тебе, что наметившееся в последнее время увеличение благосостояния граждан и доходной части бюджета непосредственно связаны с высокими ценами на нефть. А рост цен на энергоносители вовсе не зависит от политической линии Путина. И можно представить, что будет с нашей страной, если завтра цены на нефть упадут!

- Но ведь есть и другие аспекты улучшения жизни, - не сдаётся он, расширяя тему. – Путин усмирил Чечню, заново построил властную вертикаль и навёл в государстве порядок, наказал тез самых олигархов, которые патриотам не давали покоя – Березовского, Ходорковского, Гусинского.

- Петя! С тем же успехом я могу перечислить длинный список никак нерешённых Путиным социально-экономических проблем: высокая безработица, тотальная коррупция, гигантский рост наркомании, высокая преступность, проблемы образования, здравоохранения, социальной защиты и т.д. И «усмирённые» чечены продолжают постреливать и время от времени взрывать. И разве можно быть уверенным, что через десять или двадцать лет мы не услышим вновь по новостям об очередном кровавом террористическом акте устроенном исламским джамаатом? Властная вертикаль... Понимаешь ли ты вообще, что это такое? Я думаю, человек демократических убеждений может лишь упрекнуть Путина за его властную вертикаль. Ведь это и нарушение прав человека в той же Чечне и повсюду, и зависимые суды, и ограничение активного избирательного права, и грязные выборы, и ручная пресса. А преследования олигархов осуществлены не в интересах справедливости, а в целях консолидации правящего класса.

- Какого класса? – заинтересовался бывший конкурсный управляющий.

- Правящего.

- В каждом государстве существует правящий класс. Клан современных правителей России ведёт свою родословную от советского правящего класса партноменклатуры – привилегированной корпорации партийных боссов монополизировавших власть в СССР. Именно представители партноменклатуры развалили Советский Союз, организовав буржуазную революцию «сверху». Кстати говоря, на референдуме о судьбе Союза большая часть советских граждан проголосовала за его сохранение, да только номенклатурщики плевать хотели на волю народа. Они разрушили нашу страну, переквалифицировались в преуспевающих бизнесменов и начали продавать родину оптом и в розницу.

- Постой, - перебил меня Пётр, - а зачем им это было нужно? Кажется, партийные деятели и при советской власти жили весьма неплохо?

- На самом деле крупный номенклатурщик жил относительно небогато. Конечно, если сравнивать с простыми советскими людьми, то его уровень жизни был намного выше. А по сравнению со стандартами западного мира, номенклатурщик вёл образ жизни среднего предпринимателя – не более того. «Членовозка» с шофёром, просторный кабинет, индивидуальная комната отдыха с душем и отдельным туалетом, секретарь, тысячная зарплата, квартира улучшенной планировки в номенклатурном доме, государственная дача, специально изготовленные продукты из специального магазина... Не так уж и мало, но не так уж и много. Видимо, хотелось большего – много большего. Не тысячи деревянных, а миллионы, десятки и сотни миллионов конвертируемых долларов; не государственная дача, а мраморный дворец, как у Вандербильта; наверное, так. Я думаю, они психологически сломались в холодной войне с Западом. Тогда США экспортировали западные ценности, идеалы и образ жизни стремясь внутренне изменить советских людей. И успеха американцы добились на самом высшем уровне – произошло классическое перерождение правящей верхушки. Быть может, номенклатура быстро сдалась, в том числе и потому, что блага западного мира были ей намного доступней, чем простым гражданам.

- Какой же сейчас в России правящий класс? – спросил Петя, всё более заинтересовываясь.

- О! Что такое современный правящий класс нельзя понять не зная истории, а история не будет понятна без знания о социальном устройстве общества, - продолжал я развивать свою социологическую теорию. – То, что произошло в конце 80-х, начале 90-х годов прошлого века можно назвать буржуазно-бюрократической революцией, и здесь почти по Карлу Марксу, бюрократия, то есть номенклатура, начала активно перенимать специфические буржуазные способы обогащения. На данный момент отечественная бюрократия переплелась с собственниками капитала тысячью корыстных интересов и сама стала солидным собственником. В то же время многие крупные капиталисты заняли государственные должности – произошло слияние капитала с прослойкой крупных чиновников. Современный российский правящий класс, по сути – буржуазно-чиновный. А для защиты своего политического и экономического господства, он нуждается в полицейско-бюрократических методах управления – во властной вертикали. Что же касается репрессированных олигархов, то это отщепенцы, игравшие свою игру и за это наказанные. В 90-х правящий класс был раздроблен на несколько противоборствующих кланов, что немало способствовало развитию хаоса в стране.

Выпущенные из ящика Пандоры американского производства разнообразные «свободы» пробудили к жизни организованную преступность, сепаратизм, крайние политические течения и бывший номенклатурщик Ельцин оказавшийся у руля государственной власти после 1991 года почти потерял контроль над ситуацией. Тогда на арену был выпущен Путин свернувший неудавшийся социальный (но не экономический!) эксперимент и восстановивший иерархию внутри правящего класса. Всё вернулось на круги своя. Появилась правящая партия, основанная фактически ни на какой-то идее, а по признаку лояльности и принадлежности к правящему классу. Не удивлюсь если через десять лет за «Единую Россию» проголосуют 99 или 100 % избирателей как голосовали за КПСС.

- Однако в Единой России состоят сотни тысяч разделяющих её программу простых людей, - не согласился со мной Пётр, - я не одни только представители власти.

- Правильно. Так ведь и КПСС состояла из преданных идеалам коммунизма простых членов. Номенклатура же является очень небольшой прослойкой людей выполняющих функцию высшего управления. Декларируемая идеология для них только средство манипуляции людьми. И важно ни кто состоит в партии, а чьи интересы она обслуживает. «Единая Россия» - партия правящего класса, защитник его интересов.

- А мне известно, что и в партийной верхушке ЕдРа, среди депутатов-единороссов далеко не все имеют какое-то отношение к государственной власти или капиталу, - не сдаётся Пётр, - там есть и видные адвокаты, и известные спортсмены, и учёные.

- И тут ты прав, но не понимаешь того, что звание депутата давно уже стало чисто представительской должностью, как было в СССР. Там тоже существовал Верховный Совет и в него избирали всяких сочувствующих-беспартийных, академиков, писателей, учёных и т.д., а не одних только номенклатурщиков. Но на деле Верховный Совет, как и наша Государственная Дума реальной власти не имел. Вообще-то «Единая Россия» будучи партией правящего класса, ещё не есть его управляющий центр. Например, советский правящий класс – номенклатура, был в основе партийным, и всё же не только партийным. Строго говоря, принадлежность человека к классу номенклатуры определялось занимаемой им должностью. В перечне номенклатурных должностей были посты министров основных министерств, директоров крупнейших заводов, комсомольских вожakov, главных редакторов центральных советских газет, ректоров крупнейших университетов, первых секретарей районных и городских комитетов партии, руководителей республиканских компартий, председателя КГБ. Должности президента Академии Наук и председателя Верховного Совета тоже считались номенклатурными. Кроме того, существовал особый подкласс военной номенклатуры. На вершине номенклатурной пирамиды находился центральный комитет во главе с генеральным секретарём. А центр тяжести современного правящего класса смещён на органы государственного управления, что объяснимо – партия создана не так давно и изначально объединение происходило вокруг избранного беспартийного президента. Кстати, если проследить историю создания «Единой России» окажется, что она возникла в результате объединения нескольких партий представлявших интересы ряда высокопоставленных чиновников, в свою очередь связанных с крупными финансово-экономическими группами. Ещё одно доказательство того, что «Единая Россия» создана не просто для поддержки какого-то Путина и его политики, а является политическим представителем нового правящего класса бюрократии и буржуазии.

- Значит, ты считаешь Путина марионеткой неких сил, а не самостоятельным политиком?

- Путину не нужно быть марионеткой: он проводит политику соответствующую его внутренним представлениям и ожиданиям класса. В большую политику люди не приходят из ниоткуда. О Путине достаточно знать, что он ставленник преемник Ельцина. А то, что его политика радикально отличается от ельцинской, ещё не говорит о его независимости. Никто кроме правящего класса и не мог выдвинуть Путина на высшую государственную должность. Путин это кризис-менеджер РФ и появление подобной фигуры было закономерно. Ещё в середине 90-х раскручивали другого кандидата – генерала Лебеда, но он погиб разбившись на вертолёте, и тогда выбор пал на Путина. Военный или работник спецслужб – расчёт аналитиков ясен – нужен был человек, демонстрирующий твёрдую волю, силу и решительность, противоположность вялому Ельцину. Нужен был человек способный консолидировать правящий класс и восстановить властную вертикаль.

- Хорошо, ты меня почти убедил в существовании сросшегося с капиталом правящего класса чиновников; но разве это не естественное положение вещей? Наверное, в любой развитой стране есть правящие партии, прослойки руководящих чиновников и по мере сил влияющие на них финансовые круги. Чем российский правящий класс хуже американской или европейской элиты? Если интересы Путина и правящего класса идентичны, то получается, что сейчас они выступают за сильное государство и стабильность. А сильное государство способно эффективно защищать интересы всех граждан, национальные интересы страны, в конце концов!

- Никак не могу с тобой согласиться – отвечал я уверенно. - На мой взгляд, нынешняя стабильность призвана обеспечить бесперебойную поставку нефти и газа на запад, и только. Западному миру Россия нужна лишь в качестве сырьевого придатка и псевдопатриотическая риторика наших властей не может скрыть того факта, что Путин ничего не сделал для изменения сложившейся ситуации. И это не просчёт, и не упущение, а, по-видимому, сознательная позиция. Она объясняется тем, что современный правящий класс является проводником неокOLONиализма в России и его объединённые коллективным эгоизмом групповые интересы прямо противоположны настоящим национальным интересам.

Петя надолго задумался, переваривая услышанное. Не впервые мои слова погружали его в раздумья. Как и меня, его волновали общественные вопросы; острое желание разобраться в тайных механизмах происходящего, понять подлинные причины политических решений не позволяло ему вечно пребывать в блаженном неведении, как происходит с обычными людьми.

Размышления прервал громкий стук в дверь. К Медведеву пришли его «товарищи по работе». Я открыл кормушку, выглянул на галерею и увидел двоих спортсменов часто посещающих старого бандита. Их звали Рома и Володя, и я был с ними неплохо знаком и даже как-то раз провёл у них в камере несколько дней.

- Здорово, скинхэд! Позови Медведева, - сказал Володя – высокий светловолосый парень похожий на былинного богатыря с картины Константина Васильева.

- Его нет, уехал на суд, - ответил я и спортсмены ушли.

День продолжался.

Мы посмотрели по телевизору пресный выпуск новостей, сыграли пару шахматных партий и уже подумывали о том, чтобы приступить к приготовлению обеда, как вдруг дверь открылась. На пороге стоял оперативник Стебенёв жестом руки зовущий меня на

выход. Одно только лицемерие физиономии Стебенёва, причинившего мне столько проблем, могло надолго испортить настроение, а от приглашения вдобавок куда-то с ним идти на меня мигом нахлынули нехорошие предчувствия. Забегая вперёд, скажу, что ожидание неприятностей оправдалось.

Стебенёв довёл меня до узкого протяжённого тоннеля соединяющего под землёй первое и второе здания-креста. С левой стороны здесь был маленький проход, ведущий к переплетению коммуникаций и непонятого назначения помещениям, словно вырубленным в бетонной толще подвала. В крохотной комнатухе, где едва помещались два стула, и стол сидел Георгий Бойко.

Он выглядел немного странно. Кожаная жилетка одетая поверх тёмной рубашки с широким рукавом, чёрные слаксы, туфли-лодочки + черноглазое монголоидное лицо делали его похожим на цыгана из телесериала. Но в отличие от внешнего вида, его намерения не имели ничего забавного.

Дав понять, что сегодняшняя встреча носит мирный характер, Бойко без лишних промедлений предложил мне сделку. Она касалась обвинения руководителя питерской националистической организации «Blood&Honour» («Кровь и Честь») в создании экстремистского сообщества и разжигании межнациональной вражды с использованием СМИ. Обвиняемый Алексей Б. был моим давним знакомым, и последний год мы круто конфликтовали, едва не перейдя к силовому противостоянию. Бойко знал о нашей ссоре и поэтому рассчитывал на моё согласие дать свидетельские показания против Алексея. В противном случае я рисковал сам стать обвиняемым по делу «В&Н» и получить, таким образом, добавку к ещё не назначенному сроку наказания в виде 3-4 лет тюрьмы.

По-своему оперативник рассудил правильно: неприязненные личные отношения вместе с нежеланием нести уголовную ответственность ещё по одному делу могли побудить меня к принятию сделки. Таким путём я уходил от уголовного преследования, приобретая статус свидетеля и заодно удовлетворяя чувство мести, мог создать серьёзные неприятности Алексею Б. Однако Бойко не осознавал самого главного: несмотря на конфликт, Алексей был моим товарищем, образно говоря, мы с ним стояли по одну сторону баррикад, тогда как Бойко находился на противоположной. Дать против него показания означало совершить грех предательства – куда более тяжкое преступление, чем записанные в уголовном кодексе. Уголовник, связанный с поделщиками одними только лично-эмоциональными и материальными отношениями, оказавшись на моём месте, не стал бы долго раздумывать и принял выгодное решение. Я так поступить не мог.

- Я не могу дать показания, - сказал я, вызвав недоумение Бойко, - это невозможно.

- Ты, наверное, не понял. Ты ничего не потеряешь, будешь свидетелем. Понимаешь, сви-де-те-лем, - взорвался оперативник. – По тому делу за всё ответит Б.. Помогаеть утопить его на суде и остаёшься чистым! Неужели ты хочешь разделить с ним ответственность? Тебе что своих статей не хватает?!

- Вопрос исчерпан, - отрезал я, и недоумение Бойко переросло в злость. Его лицо потемнело; он не мог выговорить ни слова. Обречённая на успех оперативная комбинация распалась. Пришёл Стебенёв и, оценив ситуацию, занялся любимым делом – угрозами.

- Мало ты покатался по Крестам, мало... А может его ещё прокатить? – спросил он убоповца, тот пожал плечами. Я был в их полной власти, и нисколько не стесняюсь моего присутствия, они обсуждали карательные меры, как не стеснялись бы предназначенного для бойни быка, обсуждая рецепты изготовления говяжьих котлет.

- Вроде ему жить надоело, - сказал Стебенёв, нехорошо ухмыльнувшись. – Не пора ли тебе перерезать вены и освободить мир от своего присутствия? – обратился ко мне.

Я хранил равнодушное молчание. Поняв, что чего-либо добиться от меня не получится, опера «махнули рукой» и, вызвав младшего инспектора, отправили меня обратно.

На душе лежал горький осадок. Угрозы оперов я не воспринял всерьёз, но к мыслям примешивались нотки отчаяния. Я стоял в самом начале необозримого пути ведущего к свободе – тревожного пути с ежеминутно подстерегающей опасностью. Я был пленён и враги сколько угодно могли издеваться надо мной, бить и унижать, превращать в человеческую пыль, в ничто. Для стражников системы я и был пылью, и осознание абсолютной бесправности тяжким грузом ложилось на плечи, рождая гнетущую неуверенность в завтрашнем дне. Заключённый, чем мог я ответить на террор облечённых властью государственных служащих? Права человека здесь были меньше пустого звука – они представлялись инопланетными понятиями. Как в космической чёрной дыре под чудовищным давлением теряют силу законы физики, так и в концентрационном пространстве тюрьмы человеческие законы больше не охраняют людей пленённых не знающей жалости государственной системой.

Спустя день прошли президентские выборы. Состоялось голосование и на Крестах. К нему допустили неосужденных заключённых по Конституции считающихся невиновными. На корпусах поставили урны для бюллетеней выданных всем желающим совершить демократическое волеизъявление. Впрочем, среди арестантов СИЗО№1 избирательная активность была невелика. На нашей галерее из примерно полутора сотен арестантов проголосовали порядка десяти. Тем больше было моё удивление, когда из СМИ я узнал о стопроцентном голосовании заключённых питерских СИЗО. Необычным казались и их предпочтения: зэк из соседней камеры отдал свой голос Путину! Деревенского мужика арестовали за кражу четырёх алюминиевых кастрюль квалифицированную как хищение имущества в крупных размерах! Не видя взаимосвязи между всеобщей безработицей на селе и политикой государства, он хвалил Путина за то, что тот «навёл порядок». Ему не пришло на ум, что его арест это и есть наведение порядка по-путински.

Я проголосовал за Сергея Юрьевича Глазьева, которому симпатизировал не из-за рекламы, а по причине настоящей близости воззрений. Маленький символический акт против правящего класса...

Судебные заседания 1, 2 и 3 апреля 2004 года

Две недели промчались со скоростью экспресса. Наступило первое апреля, и ранним утром я вновь стоял посреди подвального коридора с круглыми сводами.

Стебенёв всё-таки совершил небольшую провокацию: на моей личной карточке появилась широкая красная полоса – знак профилактического контроля. Стало ясно, что оперативник подразумевал, говоря о «моём» нежелании жить – он оформил меня

как склонного к суициду, хотя я и не давал для этого оснований. Ухудшения тюремного режима данная отметка не несла, зато иногда сильно осложняла условия конвоирования, с чем я и столкнулся первого апреля.

Назвав мою фамилию, сотрудник комендатуры не указал как прежде номер собачника, куда я должен проследовать, а сказал пока подождать. Распределив судейских ээка по камерам, он открыл громоздящийся посреди коридора одиночный стакан, и предварительно сцепив запястья наручниками, закрыл меня в нём.

Снаружи стакан выглядел имеющей форму холодильника бетонной глыбой чуть выше роста человека, длиной полтора-два и шириной один метр. Внутри имелось грубое сиденье; и больше ничего. Внешний мир существовал за глухой металлической дверью. Свет не работал. По жестокой прихоти оперативника мне предстояло провести шесть часов заточённым в кромешной темноте бетонного мешка и думаю, будь я на деле склонен к самоубийству – могло случиться непоправимое; наручники не стали бы помехой.

Окружающая темнота поглотила мироздание; вселенная за пределами стакана развеялась дымом, растаяла иллюзорной выдумкой разыгравшегося воображения. Меня мучили затекающие мышцы, объятья пронзительного холода и мысли под влиянием ирреальной обстановки неуклонно принимающие фантастическое направление. Как будто я умер и нахожусь в неописанных Данте Алигьери областях ада, где повелитель мёртвых распростёр над грешными душами чёрные крылья вечного страдания. С шокирующей правдоподобностью я представлял себя заживо замурованным католической инквизицией еретиком и проклинал коварных палачей Минюста. Подражая святым отцам-инквизиторам, они снабдили стакан вентиляционной отдушиной, чтобы я не задохнулся раньше времени от недостатка воздуха и до конца познал уготованную боль. Застенки НКВД, ужасы американских военных тюрем, «1984» - любые сравнения были здесь уместны.

Открытый по приезду конвоя спустя пять часов я на мгновения почувствовал себя освобождённым из чеченского зиндана российским солдатом. Разыгралась немая сцена: сотрудник СИЗО снял с меня наручники, а конвоир сразу же надел другие. Меня повели к машине.

Транспортировка в наручниках имела три отрицательных момента. Во-первых, я не смог самостоятельно залезть в грузовик. Пол автозака находился на уровне моей груди и, поставив ногу на железную подножку, я подпрыгнул, рванувшись вперёд – увы, неудачно; падение предотвратили подхватившие и закинувшие меня вовнутрь конвоиры. Во-вторых, со скованными за спиной руками я уже не мог по ходу движения держаться за прутья решётки или опираться о стену, и, мотаясь по всему отсеку, я чуть было не разбил голову, подпрыгивая от резких манёвров лихача водителя. И, наконец, сильно отекали и болели сжатые тяжелыми браслетами руки.

Вопреки ожиданиям в суде меня не стали расковырять, а лишь застегнули наручники спереди. Из разговоров конвоиров я понял, что сегодня приняты особые меры безопасности. Громкий процесс над «Шульц-88» всколыхнул размеренное бытие районного суда, привлекая толпы журналистов, сотрудников спецслужб, сочувствующих и просто любопытствующих граждан. Провокация Стебенёва нашла хорошую почву: охрана опасалась, что в знак протеста я перережу себе горло прямо в зале суда! Я мысленно представил это и улыбнулся. (Спустя шесть лет попытку перерезать себе горло в суде совершит бывший участник Ш.88 Алексей Воеводин).

После получаса относительного отдыха сопровождаемый целым отрядом вооружённых конвоиров и судебных приставов я отправился на заседание. Агрессивные репортёры на этот раз атаковали меня сразу же за дверь конвойного помещения. Съёмочная группа пряталась под лестницей, и только мы вышли, выскочила как чёртик из шкатулки, ловя меня прицелом телекамеры. Дальше было хуже – от непрерывных фотовспышек и громкого гомона я даже растерялся, а визуальная картинка покрылась рябью помех.

Зал судебных заседаний несколько не изменился за прошедшие полмесяца. Шумная стайка адвокатов весело о чём-то галдела; импозантный Адалашвили рассказывал нечто анекдотическое и имел успех. Подсудимые, находящиеся под подпиской о невыезде сидели лицом к судейской кафедре на выстроенных шеренгой стульях и выглядели спокойными. Краснолицый прокурор Бундин пытел и надувал щёки, читая документы; видимо готовился к допросам подсудимых и свидетелей. Очаровательная Кузнецова была по-прежнему неотразима. На лицах зрителей читался полный спектр эмоциональных состояний и чувств – от страха и подавленности до отрешённости и возбуждения. Георгий Бойко видел крайним слева. Его лицо хранило выражение глубокого удовлетворения. Он три года работал для того, чтобы этот суд состоялся.

- Встать! Суд идёт! – возвестила секретарь и вошла Жданова. На её щеках алел румянец.

Следуя процедуре, Жданова проверила явку подсудимых, свидетелей и адвокатов; убедившись, что все участники процесса на местах объявила о начале судебного заседания; известила о выделении дела в отношении Дмитрий Баталова в отдельное судопроизводство и дала слово стороне обвинения.

Встал толстощёкий как земляная жаба прокурор Бундин и начал зачитывать многостраничный текст обвинительного заключения – монотонное произведение канцелярского жанра. Американский писатель Фолкнер любивший сочинять предложения по триста и более слов мог бы позавидовать создателю этого «шедевра». Бесконечное перечисление злодеяний «Шульц-88» соперничало с таковым на Нюрнбергском процессе, и когда спустя сорок минут гособвинитель закончил собравшиеся казались оглушёнными. Эффект достигался массированным выбросом бездоказательных утверждений густо приправленных многократно повторяемыми описаниями экзекуции Гаспаряна. Слушая прокурора можно было предположить о летальном исходе нападения, - так были сгущены краски, но медицинская экспертиза, зафиксировавшая мелкие ссадины опровергала напрашивающееся умозаключение. Помимо инцидента на «Пушкинской», прокурор поведал о сотнях организованных мною расправах над инородцами – более чем претенциозное утверждение. Ведь кроме драки на «Пушкинской» другие насильственные акции «Шульц-88» на суде не рассматривались и по уголовному делу не вменялись. Поэтому прокурорское словоблудие воспринималось попыткой замаскировать политический характер процесса, придав ему вид справедливого возмездия убийцам-скинхэдам.

По окончании выступления Бундина судья задала вопрос о признании вины. Полностью признал себя виновным Мадюдин, категорически отверг обвинение Вострокнутов, а остальные ребята признали вину частично. Они согласились с избиением Гаспаряна, но отрицали участие в экстремистском сообществе. Мне же при выборе из двух вариантов ответа – «да» или «нет», ничего не оставалось, как выбрать третий. – Я отказываюсь выражать своё мнение по поводу предъявленного обвинения, - произнёс я, вызвав непонимание судьи. Мною руководило стремление выйти за рамки навязанных правил,

оставаясь на позициях наблюдателя. Я не собирался ни публично раскаиваться, ни отпираться, решил по большей мере молчать, обращаясь к суду только в связи с нарушением прав и законов. Моей задачей было показать, что судебный театр основан на беззаконии и на полицейской силе государства растоптавшей человеческое достоинство, справедливость и свободу.

Открылось судебное следствие, начинаемое обыкновенно допросом подсудимых. Прокурор спрашивал, подтверждает ли подсудимый показания данные следователю, а после задавал дополнительные вопросы. Если допрашиваемый не признавал прошлые показания, - а такое случалось, - Бундин руководствуясь УПК, всё равно настаивал на их оглашении и протоколы допросов зачитывались и принимались к сведению суда вне зависимости от того, подтверждает их допрашиваемый или нет. С первых произнесённых слов Бундин показал себя виртуозом допроса: без видимого напряжения он извергал десятки чётко сформулированных вопросов детально раскрывающих интересующие обвинения обстоятельства; стиль прокурорского допроса отличался тщательной основательностью призванной обнажить все аспекты, связанные с делом и исключить играющие на руку защите недосказанности. С невольным удовольствием я наблюдал за тем, как ни на минуту не теряя атакующего напора, гособвинитель ведёт психологические словесные поединки с допрашиваемыми, играючи загоняет их в угол, лишает эмоционального равновесия. Корректный, говорящий с лёгким налётом интеллигентности Бундин умел особой постановкой вопроса резко смутить человека, привести в замешательство и, укрепляя успех довести до настоящей паники. Лучше с ним не связываться, - решил я.

Неторопливое действие судебного следствия протекало с целеустремлённой необратимостью. Прокурор уверенно и непринуждённо дирижировал представлением, и по мановению его руки вставали и говорили люди, и каждое записанное секретарём процесса слово становилось достоянием истории. Плелась паутина слов, мягко щёлкали клавиши компьютера, и было странно вот так вот сидеть на скамье подсудимых и слушать бесхитростные рассказы, как будто подводящие итоги трёхлетней деятельности «Шульц-88». Вызываемые прокурором тени прошлого одна за другой появлялись из небытия и колонками текста ложились на стенограмму протокола.

От дачи показаний я отказался, и всё же допрашивая подсудимых, а позже – свидетелей, Бундин не забывал каждый раз меня спрашивать, подтверждаю ли я их слова. Это изрядно нервировало – я был вынужден постоянно вставать, повторяя набившую оскомину фразу: «Я отказываюсь отвечать на вопрос».

В общем и целом результаты допроса подсудимых произвели на меня благоприятное впечатление. Дотошность Бундина послужила хорошую службу: сам того не желая, он разрушал стройную версию обвинения, вскрывая многие противоречия между запротоколированными показаниями и реальным положением дел. Широко разрекламированные средствами массовой информации Шульцы на поверку оказались обычными подростками, ничем не хуже своих сверстников. ореол отъявленных негодяев им не подходил, приклеенные пропагандой ярлыки бесчеловечных преступников отпадали. Виновность подсудимых не вызывала сомнений, однако тяжесть вины уменьшалась на глазах, обвинение теряло значительность. Преувеличенно негативный образ Ш88 со страниц газет и протоколов развеивался на судебном заседании.

Незаметно пробежали три часа. Перед допросом свидетелей милосердная Жданова обратила внимание на мои до сих пор скованные опухшие руки и попросила конвоиров

снять наручники. Конвоиры отказались, сказав, что не имеют права меня расковывать, но после получасового перерыва расстегнули стальные браслеты.

Единственным на сегодня допрошенным свидетелем стал Георгий Бойко. Это был его звёздный час. Безвестный опер три года назад принявший миссию по уничтожению «питерской скин-группировки №1» пожинал плоды рук своих. Бритоголовые сидели на скамье подсудимых, а Бойко, светясь лучами славы, предавался приятным воспоминаниям о проделанной работе. И судье, и обвинению, и защите, и лично мне, и всем собравшимся было интересно его слушать; живая речь оперативника воспринималась куда проще неудобоваримых формул обвинительного заключения.

- Допрашивается свидетель Бойко Георгий Владимирович, 1974 года рождения, работающий старшим оперуполномоченным в 18 отделении УБОП. Свидетелю разъяснена ст.56 УПК РФ, а также свидетель предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, в соответствии со ст.ст.307 и 308 УПК РФ, о чём взята расписка, которая приобщена к делу

Бундин: Весной 2003 года, где вы работали?

Бойко: старшим оперативником 18 отдела УБОП.

Бундин: Что входило в ваши служебные обязанности?

Бойко: Выявление экстремистских организаций.

Бундин: Что вам известно о группировке «Шульц-88»?

Бойко: Впервые с этой группировкой я столкнулся в 2001 году. Поступила оперативная информация, что существует такая организация. Я начал проводить оперативно-розыскные мероприятия и узнал, что её лидером является человек по кличке «Шульц», как я узнал позже, это был Дима Бобров.

Бундин: Что вам стало известно в ходе проверки о «Шульц-88»?

Бойко: Люди, которые входили в эту группировку утверждали, что Бобров Д.В. собирает группу лиц для ведения войны с лицами неславянской внешности. Они собирались, шли по улицам, в метро, когда видели иностранца, по команде Боброва нападали на потерпевшего, избивали его, наносили удары. Они совершали «прыжки» (нападения) на лиц не славянской национальности – нападали, избивали, разбегались. Это были силовые акции.

Бундин: Когда началась деятельность группировки «Шульц-88»?

Бойко: Мною была установлена примерная дата, весна 2001 года. Так было написано в первом номере журнала «Made in St-Petersburg».

Бундин: Сами вы с Бобровым Д.В. встречались?

Бойко: Видел его на концерте группы «Коловрат».

Бундин: Как долго вы наблюдали за Бобровым в тот день?

Бойко: Минуты 1,5-2.

Бундин: Он делал какие-то заявления?

Бойко: Нет. Также мне стало известно о причастности группировки «Шульц-88» к совершённому 07.11.2001 избиению двух граждан Танзании в метро. Преступление было совершено футбольными фанатами, но инициатором избиения был Бобров.

- Подсудимый, - обратилась ко мне судья Жданова, - вы можете прокомментировать показания свидетеля?

- Да, ваша честь. Я хочу заявить о непричастности к избиению негров 7 ноября 2001 года. Свидетелю Бойко прекрасно известна моя невиновность в совершении этого преступления и я не понимаю, какое отношение инцидент с африканцами имеет к предмету данного судебного разбирательства.

Оперативник был вынужден подтвердить мою непричастность, а я не упустил случая разоблачить лицемерие Бойко изображавшего себя защитником закона на деле сплошь и рядом попираемого им. 3 августа прошлого года опера из 18 отдела выбили кувалдами дверь моей квартиры и провели грабительский обыск, после чего привезли меня в отдел и там пытали и издевались, добиваясь признательных показаний. Натерпелся я немало: шестеро крепких оперов руками и ногами били меня по голове и по корпусу, ударяли по голове свёрнутыми толстыми журналами и книгами, приставляя к виску заряженный пистолет, угрожали смертью, если я не подпишу признаний. Естественно, я освидетельствовал побои и сотрясение мозга и написал на сотрудников 18 отдела заявление в милицию. По факту заявления назначили служебную проверку, конечно же не нашедшую оснований для возбуждения уголовного дела. Именно тогда начальник антиэкстремистского отдела полковник Чернопятков пообещал мне камеру с кавказцами, и я подумал, что суд должен знать не озвученные подробности работы Бойко...

- Действительно, по жалобе Боброва мною проводилась проверка... - объяснял Бойко Ждановой.

- Как? Вы проводили проверку по жалобе на ваши же действия? – изумилась Жданова.
– Ведь это незаконно!

- Я исполнял приказ начальника отдела, - неуверенно сказал Бойко и я почувствовал, что мой замысел венчается успехом – зёрна сомнения дают всходы. В дальнейшем ловить свидетелей на лжи, на противоречиях, на неблаговидных поступках ставящих под знак вопроса их объективность стало моим центральным тактическим ходом. Ненавязчивыми штрихами смазывая картину идеальной доказанности, я сеял недоверие к доводам обвинения.

В конце заседания адвокат потерпевшего Петросян внезапно выступил с неожиданным ходатайством:

- Прошу назначить подсудимому Боброву стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Это необходимо для определения его психического состояния, так как его поведение неадекватно, совершить такие поступки мог только психически нездоровый человек.

- Считаю, ходатайство не подлежит удовлетворению, поскольку для проведения судебно-психиатрической экспертизы нет никаких оснований, - парировал мой адвокат.

Решающее слово осталось за Бундиным:

- Ходатайство адвоката Петросяна не подлежит удовлетворению, так как в ходе предварительного следствия сомнений во вменяемости Борова не возникало, на учёте в ПНД он никогда не состоял и ходатайство является необоснованным.

Суд постановил в ходатайстве Петросяна отказать.

Обратная дорога не ознаменовалась ничем новым. Уже привычно я трясся в заполненном до отказа автозаке, скучая, ожидал корпусного стоя посреди многолюдного собачника, и еле шевеля гудящими ногами, возвращался через крестовское подземелье в ставшую домом камеру 791. После первоапрельского заседания я вернулся около десяти часов вечера и с одиннадцати до пяти утра спал, видя фантазмагорические сновидения, в которых экстремальные сцены уличного насилия причудливо переплетались с чёрно-белыми кадрами обвинительной речи Бундина призывавшего «расстрелять поганых шульцов как бешеных собак!» Я не высыпался, уставал, усталость накапливалась и три следовавших подряд заседания слились для меня в один парадоксально нескончаемый процесс, абсурдно-фантастический словно «Процесс» Франца Кафки. Два раз я успевал увидеть выпуски теленовостей о суде над самим собой, и ощущение нереальности происходящего усиливалось. Со всех точек зрения этот суд был необычен, отличался от простых уголовных разбирательств ежедневно тысячами проходящих в российских судах. Он стал первой ласточкой начатой властями «охоты на ведьм» - войны с праворадикальными группировками, однако судили меня преимущественно за одни убеждения и оттого судебнo-следственная система, растерявшая опыт 37-го года допустила превращение трагедии в драматический фарс достойный цирка «шапито», но не правосудия.

Заседания 2 и 3 апреля были целиком посвящены допросам свидетелей. Невозможно и нет смысла полностью приводить здесь текст протокола, засоряя книгу переложением не имеющей художественной ценности пустопорожней болтовни. Затрону наиболее запомнившееся.

Первым допрашивался Глеб – худенький семнадцати- или шестнадцатилетний мальчик – робкий, застенчивый и перепуганный до потери разума. Глеб был поклонником футбольного клуба «Зенит» и 29 марта 2003 года собравшись на матч с московским ЦСКА, он и в кошмарном сне не представлял таких неприятных последствий весёлого сбора болельщиков. Бойко хорошо поработал с Глебом, и он подписал подготовленные Тихомировым бумаги; а сейчас дрожащий от страха перед перспективой оказаться в тюрьме мальчишка послушно подтвердил показания на судебном заседании. Не обошлось без курьёзного происшествия: заняв место у свидетельской трибуны, Глеб побледнел и упал в обморок. Жданова объявила кратковременный перерыв, а падкие до сенсаций журналисты разразились в тот день тревожными сообщениями: «На громком судебном процессе по делу экстремистской организации «Шульц-88» проходящем сегодня в Ленинском федеральном суде Санкт-Петербурга, очевидец совершённой скинхэдами расправы над уроженцем Армении потерял сознание во время дачи свидетельских показаний!»

Следующий свидетель по имени Коля был другом и одногодкой Глеба. Его я немного знал и догадывался, что согласие свидетельствовать против меня было продиктовано ещё большим страхом. За два года до описываемых событий произошло нашумевшее убийство торговца арбузами Мамедова. Совсем юные парни – скинхэды и футбольные хулиганы – забили пожилого азербайджанца стальными прутьями и истыкали ножом, записав казнь на видеокамеру. Одним из убийц был Коля, избежавший наказания ценой негласного сотрудничества с правоохранительными органами. Его выступление свидетелем обвинения по делу Ш88 являлось проявлением этого сотрудничества. – Очередное предательство на службе у системы.

Откровенно говоря, предательство и говор лежали краеугольным камнем доказательной базы обвинения. Изрядная часть свидетелей относилась к числу бывших участников Ш.88 освобождённых от уголовной ответственности как «добровольно вышедшие из экстремистского сообщества лица». Были и те, кто остался верен былому товариществу, но, как минимум, половину свидетелей составляли бывшие шульцы в своё время исключённые или по своей воле вышедшие из организации или близкие к движению люди. Другая половина состояла из малознакомых или вовсе незнакомых молодых людей, тем не менее, сообщивших массу информации о Ш.88 и лично обо мне.

Апофеозом клеветнической лжи стало выступление свидетеля Соловья. Про меня он рассказал многое – вплоть до описания моих привычек, характера, образа жизни, убеждений. Правда, источником информации Соловей называл третьих лиц на заседании отсутствующих, т.е. фактически занимался изложением слухов. Достоверность сообщённых им сведений была ниже достоверности показаний Бойко говорившего вообще что угодно с объяснением, что это оперативная информация, источники которой он не имеет права раскрывать. Но Бойко действительно работал над делом Ш.88, обладал большими знаниями и даже определённой этикой, тогда как полёт фантазии Соловья не сдерживался ничем, а реальный уровень информированности оставлял желать лучшего. Слово оправдывая фамилию, Соловей «пел» и можно было подумать, что мы близкие друзья – так много интимных подробностей он поведал, а когда я спросил его, сколько раз и когда мы встречались, он ответил, два раза с перерывом в полтора года. Тогда я спросил, сколько мы проговорили тогда, он ответил, 15-20 минут, и больше у меня вопросов не возникло. – Стараниями досужих сплетников доказывалось обвинение.

Прокурор молчал, а я ощущал беспомощность. Как защищаться от неприкрытой лжи, от показательной алогичности, от подтасовок видимых невооружённым взглядом? Внезапно, как снег на голову ко мне пришли два понимания. Первое: независимым судом я был бы оправдан. Второе: в российском суде оправдание невозможно. Доказательства здесь никого не волновали, играли чисто формальную роль и потому их явная сфабрикованность не вызвала реакции судьи. Не установление истины было целью процесса, а назначение наказания после совершения предписанных законом формальностей.

Память сохранила выступление, окончательно придавшее судилищу позорный облик театра абсурда. Некий Т. три года назад небольшое время примыкавший к группе показал, что я являюсь лидером Ш88, что я призывал к расправам над инородцами, организовывал расправы, печатал пропагандистские материалы и т.д. После допроса свидетеля прокурором я тоже задал ему несколько вопросов.

- Свидетель, скажите, а вам что-нибудь известно о нападениях участников «Шульц-88» на кого-либо?
- Нет! Мне ничего не известно, - не раздумывая, отвечал Т. только что говоривший прокурору нечто совершенно противоположное.
- Вы уверены, что я лидер группировки?
- Совсем не уверен! – и т.д.

Жданова удивлённо подняла брови:

- Вы что же отказываетесь от данных вами показаний?

- Нет, ваша честь, я их полностью подтверждаю!
- Подтверждаете, что подсудимый Бобров призывал избивать выходцев с Кавказа, Африки, азиатского региона и лиц исповедующих иудаизм?
- Да, ваша честь, - сказал Т., и карусель закрутилась по-новой.
- Я избивал людей с неславянской внешностью? – спросил я.
- Никогда не видел! – почти выкрикнул свидетель.
- Может быть, призывал к избиениям?
- Таких призывов не слышал!
- То есть вам неизвестно, чтобы я организовывал над кем-нибудь расправы?
- Нет, не известно!

Т. был невменяем

Другой запомнившейся свидетель принадлежал к досаждавшей мне журналистской братии – был сотрудником питерского Агентства журналистских расследований. АЖУРовская газета «Ваш Тайный Советник» некогда опубликовала серию статей про скинхэдов, в том числе и о группировке «Шульц-88». В статьях обильно цитировались наши печатные издания и журналиста вызвали для того, чтобы он объяснил происхождение использованных материалов. Он рассказал, что приобрёл журналы со зловещим логотипом «Только для белых!» у распространителей печатной продукции националистического толка базирующихся около станции метро «Гостиный двор» и ушёл; мне же запомнился неестественным поведением и статьёй появившейся через неделю в «Тайном Советнике». Ажуровец преодолевший закрытый режим процесса и оказавшийся внутри зала судебных заседаний, чего не смогли сделать другие журналисты, проявил профессиональную сноровку состряпав «репортаж из зала суда».

Завершило трёхдневный судебный процесс вдвойне неожиданное ходатайство прокурора. Видимо что-то перемкнуло в его голове, и Бундин потребовал проведения в отношении меня судебно-психиатрической экспертизы – то есть попросил суд о том, в чём два дня назад не видел никакой необходимости. Я был против и недоумевал, Жданова тоже удивилась, тем более что вменённые мне статьи суд. - псих. экспертизы не подразумевали, однако, поразмыслив, ходатайство удовлетворила. Продолжение суда отложили на неопределённый срок, до получения заключения тюремных психиатров. Процесс затягивался.

Кресты: 791 (part 3)

Пылающее солнце во весь рост поднялось над землей, и потоки тёплого воздуха омыли старинные стены тюремного замка, заставляя души людей трепетать от необъяснимой радости. Весна! Ожила возрождённая после долгой северной зимы природа и сердца заключённых засветились огоньками надежды. Тут и ожидание амнистии обычно объявляемой по поводу очередной годовщины победы во второй мировой войне и чисто физиологическое чувство, наверное, впитанное генами тысяч радовавшихся весне поколений.

На набережной Невы, куда выходят окна нашей камеры оживление. Сюда приходят родственники арестантов, машут родным узникам платками, посылают воздушные поцелуи, выкрикивают, сложив рупором руки слова поддержки. И от этих визитов у узников Крестов поднимается настроение и пробуждается воля к жизни.

Появляются рыбаки – немолодые мужички, терпеливо выуживающие из мутной невской воды неизвестную живность. Мешковатые фигуры в военных куртках и неуместных для рыбалки на Неве резиновых сапогах маячат у гранитного парапета с утра до вечера.

Какие-то озорные малолетние девчонки устраивают под окнами тюрьмы тусовки, знакомятся с зэками, шутят, смеются и не найдя себе лучшего применения носятся по набережной как молодые и глупые козы. Под белыми лампами, висящими на мачтах городского освещения их силуэты можно увидеть и ночью. Ну а зэкам – всё в радость! Из переплетённых нитками газет они сооружают достигающие двух метров в длину бумажные «ружья» – тонкие прямые трубки, и подобно индейцам из приключенческих книжек резко выдыхая воздух, стреляют по девчонкам хлебными шариками с прилепленными к ним любовными записками. Девочки легко поддерживают игру «влюбляясь», как правило, сразу в нескольких зэков; вспыхивают и угасают ни к чему не обязывающие заочные романы по переписке.

До передачи дела в суд следователь Тихомиров не разрешал мне видеться с родными, а теперь судья Жданова подписывает разрешение, и ежемесячно я встречаюсь с матерью и разговариваю с ней по телефонной трубке. Через разделительное стекло комнаты краткосрочных свиданий мы можем видеть друг друга. Звук прерывается подозрительными пощёлкиваниями и шипением – возможно, где-то крутится записывающая пленка, и сосредоточенный оперативник вслушивается в наш разговор. Но я не придаю этому значения и, взглядываясь в родной лицо, улыбаюсь, показывая оптимистичный настрой.

Принято считать, что весной возрастает количество самоубийств и обостряется состояние психически больных. На этот раз весеннее обострение случилось у представителей СМИ затеявших широкомасштабный пиар «Шульц-88» - карнавал злословия, гротеска и безудержной фантазии. В то время я изучал интересную книгу «Информационные войны» и одновременно наблюдая за появлением бесчисленных и поразительно необъективных публикаций о «кровавых Шульцах» невольно стал думать, что и против меня ведётся необъявленная информационная война. Впрочем, и государственные деятели, такие как министр МВД Нургалиев, министр юстиции Чайка, генеральный прокурор Устинов и председатель верхней палаты парламента Миронов, не говоря уже о губернаторе Петербурга Матвиенко, то же выступили с критическими словами против Ш88, и возникал вопрос: находятся ли они под влиянием антишульцовской пропаганды в СМИ, или СМИ проводят кампанию с их подачи? Преувеличенный эхом газет мой до неузнаваемости искажённый образ обрёл самостоятельное существование в информационном пространстве и массовом сознании, и, тиражируясь с геометрической прогрессией, завоёвывал новые позиции без моего малейшего участия. До ареста не больше двух десятков раз довелось мне попасть на страницы газет, сейчас публикации посыпались как из рога изобилия. Обо мне писали городские, всероссийские и электронные издания, жёлтая, розовая, коричневая, всех цветов радуги пресса. Локальные национальные газеты «Новый Петербургъ», «Русский фронт», «Я-Русский» и др., конечно, поддержали меня; «Российская газета», «Аргументы и Факты», «Санкт-Петербургские Ведомости», «Коммерсантъ», и к удивлению «Вне Закона» ограничились сравнительно

нейтральными информсообщениями; вся же остальная российская печать, напрочь позабывшая о журналистской этике и конституционном запрете именовать человека преступником до вынесения обвинительного приговора, с маниакальной ненавистью к созданию собственного нездорового воображения дружно накинулась на меня, разнося по всему свету сатанинский образ Шульца и Ш88. Это была настоящая травля и не имея я опыта политической работы, - а люди этой профессии приучаются с равнодушным хладнокровием принимать публичные нападки, - я должен был чувствовать себя оскорблённым. Помню грубо-издевательские замечки в «Смене», в «Петербургском Часе Пик», в «МК в Питере», в «Комсомольской Правде» - там обман громоздился на лжи, и дефицит достоверной информации щедро компенсировался ругательствами их лексикона уличной черни и выдаваемыми за потуги анализа измышлениями. В свою очередь «Тайный Советник» публиковал откровенные страшилки из номера в номер становящиеся всё страшнее и страшнее. Находясь на пике популярности, я считал данное положение временным, думая, что скоро журналисты перебесятся и забудут обо мне, переключившись на более актуальные темы. Однако интерес к делу Ш88 не иссякал, набирая обороты ещё в течение двух-трёх лет. Таким путём я получил признание как главный праворадикал Петербурга и приобрёл известность выходящую за границы города, и даже страны.

Бег времени был неумолим: дни, недели и месяцы пролетали за чтением, приёмом пищи, прогулками, разговорами с Петей и Медведем, а вечерами – по сотовому телефону – с родными, друзьями и товарищами. Я ждал этапа. Назначенная мне стационарная психиатрическая экспертиза проводится в тюремной психбольнице на Арсенальной набережной Невы, куда увозят для обследования на 28 дней. Туда везут эзков со всех питерских тюрем – везут убийц, насильников, маньяков, и число нуждающихся в экспертизе настолько велико, что ожидание этапа зачастую тянется месяцами. Вот прошло уже пятьдесят дней, а я продолжаю пребывать в Крестах. Когда состоится экспертиза и продолжится суд, Бог знает.

Медведь продолжает вести активную деловую жизнь. Подогу он беседует с оперативником, прогуливается по галереям, навещает корешей и бывает, возвращается изрядно навеселе. Иногда и к нам приходят его приятели и тогда приготавливаются особенные кушанья, а на столе появляется бутылка со спиртным. Инспектора уважительно здороваются с Медведем за руку, заискивающе улыбаются, откликаясь на любые просьбы; он тоже дружески улыбается им, незаметно вручая денежные купюры, и внешняя идиллия отношений камуфлирует своекорыстные интересы, диктующие необходимость взаимного притворства. Алчные сотрудники жаждут денег и не скрывают довольства получая их; основой отношений с поголовно коррумпированными мусорами служат не личные симпатии-антипатии, а одни только денежные знаки. – Подчинивший весь мир золотой телец властвует и в пенитенциарных учреждениях.

23 мая наступил мой день рождения – первый в тюрьме. Мне исполнилось 25 лет. Некогда я собирался отметить двадцати пятилетие с большим размахом – прожитые четверть века представлялись огромным временем, их истечение – значительным событием. Теперь я сижу в тюрьме и вовсе не помышляю о грандиозных празднованиях. Я даже никому не рассказал про день рождения (история, повторяемая впоследствии неоднократно) и провёл его, вспоминая, как я пришёл к противостоянию с системой.

1991. Мне двенадцать лет и летом я отдыхаю на даче с отцом. Вечера мы коротаем, прослушивая старенький радиоприёмник «Соната». Развлекательных ФМ-радиостанций тогда ещё не существует – можно настроиться на волну «Маяка» и русских редакций зарубежных вещательных каналов. 19, 20, 21 августа – единственные дни 1991 года, о которых моя память хранит незабываемые воспоминания. Мы напряжённо слушали радио «Свобода» узнавая о непостижимых, ни для меня – двенадцатилетнего мальчика, ни для отца – взрослого сорокалетнего мужчины, событиях. В стране произошёл государственный переворот – загадочное, невероятное происшествие. По московским улицам ехали танковые колонны, а перевозбуждённые корреспонденты «Свободы» с пеной у рта клеймили путчистов намеревающихся аннулировать достижения перестройки. Уже тогда я осознавал некую неправильность ситуации – государственный переворот совершался людьми, стоящими на вершине государственной власти. Председатель КГБ, министр обороны, председатель Верховного Совета Народных Депутатов и другие члены Государственного Комитета Чрезвычайного Положения – заслуженные, всем известные, пожилые люди плохо воспринимались в роли заговорщиков-путчистов. Они быстро проиграли, не решились на кровопролитие и были арестованы. Демократические силы одержали победу – СССР был расчленен и обрушен в бездну безработицы, насилия и нищеты. Я же несмотря ни на что до сих пор думаю о неудавшемся путче с тонким оттенком грусти и сожаления. История не терпит сослагательного наклонения и тщетно переживать о несбывшемся, но я не могу не думать о том, что повернись тогда колесо истории в другую сторону и мы не узнали бы трагическое значение таких слов как Будённовск, Норд-Ост, Беслан, никогда бы не услышали о взрывах на Каширском шоссе и проспекте Гурьянова, сотни тысяч детей России никогда бы не стали беспризорниками, а Севастополь не оказался бы городом на территории иностранного государства...

1992. Новый интерес к политическим сферам вызвало закрытие телепрограммы «600 секунд» - детища талантливого журналиста Александра Невзорова памятного всеми хотя бы по фильму «Чистилище». «600 секунд» была яркой, сверхпопулярной передачей заметно выделявшейся из ряда программ блеклого постсоветского телевидения. Каждая ленинградская семья на десять минут замирала вечером у экрана в предвкушении очередной порции будоражащих кровь новостей – летописных зарисовок *** картин смутного времени. Невзоров делал упор на освещении негативных сторон жизни, создавал шокирующие репортажи о повсеместной коррупции и безответственности чиновников, разгуле преступности, случаях предательства правящей верхушкой национальных интересов страны и задетые за живое власти запретили выход передачи. «600 секунд» закрыла тогдашняя руководительница питерского телецентра Бэла Куркова действующая с подачи мэра Собчака (1) и Невзоров призвал сторонников выразить протест. Горожане оказали опальному тележурналисту серьёзную поддержку: больше месяца на Чапыгина, 6 бурлила возмущённая толпа, иногда достигающая двух-трёх тысяч человек. Однажды и я приехал поучаствовать в манифестации, отчасти одобряя гражданскую позицию Невзорова, отчасти из простого любопытства. На митинге раздавались разные листовки, распространялись оппозиционные газетёнки любого направления – коммунистические, националистические, троцкистские, анархистские и т.д. издания, пестрели всевозможных расцветок флаги. Я взял кое-что почитать и не пожалел о приезде туда. Мной овладело стремление влекущее к эпицентрам общественных событий. Я стал посещать оппозиционные митинги, читал политическую литературу и видел как броуновское движение идей, закручивая людей стремительным водоворотом,

заполняет советский вакуум. На Чапыгина, 6 я впервые почувствовал мощь коллективного эмоционального поля многих людей объединённых одним настроением, идеей, протестом. В прошлом, недовольство вышедших на улицу масс вело к бунтам и революциям, сегодня эмоциональный заряд толпы бывает, разряжается с помощью дубинок ОМОНа. Но в 1992 году об ОМОНе ещё и не слышали, - это скоро предстояло познать, - и люди были настроены довольно миролюбиво. Чуть позже у них больше не останется ни одной не посрамлённой надежды, ни одной не осквернённой мечты и доминирующим чувством протестующих масс станет отчаяние-ненависть-агрессия... (Анатолий Собчак – видный деятель демократического движения, мэр Санкт-Петербурга, отец «светской львицы» Ксюши Собчак. Под его началом работал в 90-х годах Владимир Путин. После проигрыша на выборах и потери поста мэра, подозреваемый в коррупционных связях Собчак скрылся от следственных органов за границей, где жил до своей смерти в 2000 г.).

В 1993 году страна увидела истинное лицо «демократической» власти. 1 мая московская милиция разогнала мирный митинг. Стариков-ветеранов, женщин били палками по головам, добивали ногами. Исполнительная и законодательная ветви власти объявили друг другу войну. Два года назад бывший символом демократического сопротивления парламент теперь шельмовался гнездом красно-коричневых, и по телевидению можно было услышать призыв «Раздавить проклятую гадину!» - т.е. собрание народом избранных депутатов. Указом № 1400 президент Ельцин распустил Верховный Совет – Верховный Совет не подчинился. К восставшим депутатам примкнул вице-президент Руцкой, им оказали поддержку оппозиционные партии и законодательные собрания по всей стране. Произошёл очередной государственный переворот с точки зрения права совершённый Ельциным. Конституционный Суд признал указ № 1400 нарушающим основной закон, но Ельцин, как и все демократы той поры, действовал большевистскими методами, не признавая иного закона кроме власти насилия. Ранним утром 4 октября расстрелянный из танков, почерневший от копоти пожара «Белый дом» был взят штурмом правительственными войсками с большими потерями среди защитников. Всё их вооружение состояло из сотни автоматов хранившихся в здании с августа 1991 года. Маленький склад оружия был создан демократами на случай угрозы нового путча. Круг замкнулся – Руцкого, Хасбулатова и др. арестовали и заключили в «Матросскую Тишину» - тюрьму, где ещё сидели члены ГКЧП... Я в то время был участником ультрарадикальной молодёжной организации выступившей за парламент. У Мариинского дворца гудел бессрочный митинг, а недалеко - на одной из маленьких улочек ведущих к Невскому проспекту, в помещении штаба гражданской обороны собирались участники питерских военизированных групп ставших на сторону Верховного Совета. Именно там, на дежурстве застала меня роковая ночь с 3 на 4 октября. Отряд спецназа захватил нас врасплох и держал под дулами автоматов до десяти утра, когда московский разгром положивший кровавый конец конституционному кризису не стал очевиден. Мне не удалось поучаствовать в значительных событиях краткой гражданской войны – в обороне Дома Советов, неудачной атаке Останкинского телецентра или захвате московской мэрии, я был совсем юн и мало понимал, и всё же память неуклонно возвращается к тем дням – мятежный дух 93-го года стал моим духом...

В 1994 состоялось знакомство, сильно повлиявшее на формирование моего мировоззрения. Я познакомился с кандидатом философских наук Виктором Николаевичем Безверхим. Бывший моряк, а потом вузовский преподаватель Безверхий создал странную организацию, своего рода фереин эпохи Веймарской Германии –

конфессиональный союз потомков хлеборобов-землепашцев «Союз Венедов». Претендуя на статус концептуального центра национальной оппозиции, наподобие гитлеровского института «Наследие Предков», «Союз Венедов» занимался реинкарнацией дохристианских религиозных верований и обрядов славян. При этом идеология союза была свободна от проявлений мистицизма, стремилась подвести под себя научную базу. Безверхий проповедовал национальный социализм – доктрину национальной свободы и социальной справедливости. Написанные им книги по философии, истории религии, общей истории, антропологии и др. провозглашали расовую теорию, объясняющую возникновение, расцвет и упадок величайших цивилизаций человечества уровнем чистоты расового самосознания и крови соответствующего индоевропейского этноса. Безверхий не организовывал политических акций – он занимался просвещением, воспитанием молодого поколения в национал-социалистическом духе. Среди националистических лидеров он одним из первых признал исключительную важность работы со скинхэдами и всячески привлекал их к деятельности союза, желая дать движению бритоголовых глубокое идейное наполнение. В созданном Безверхим лектории, носящем имя славянского языческого божества Свентовида вожаки питерских скинов получали так сказать, начальное политическое образование, из примитивной плоскости уличного хулиганства выходили на интеллектуальный простор исторического и социального анализа. Особое уважение к Безверхому вызывал и тот факт, что он был первым издателем доступного перевода книги Адольфа Гитлера «Моя Борьба». Открытая публикация «Майн Кампф» была дерзким, смелым поступком – разменявшего шестой десяток лет философа посадили на скамью подсудимых, облили грязью, подвергли публичному унижению за то, что он осмелился издать прежде скрываемое коммунистами от огласки сочинение германского канцлера. Виктор Николаевич давно уже умер, но я храню о нём добрые воспоминания: он был бескорыстным сподвижником, немало сделавшим для возрождения исторической памяти и расового сознания русских.

1996. Я стал скинхэдом. Это была не дань возникшей позже моде на бритую голову или подражание кому-либо, а совершенно сознательное решение. После распада СССР распалась и вся советская система социальной работы с молодёжью, до минимума понизилась воспитательная роль образовательных учреждений. Предоставленное самим себе подрастающее поколение начало массово объединяться в неформальном порядке, пополняя многочисленные разновидности растущих, как на дрожжах, молодёжных субкультур. Поиски оригинального самовыражения и времяпрепровождения приводили молодых людей в субкультуры «толкинистов», «футбольных хулиганов», «алисоманов», «панков», «рэпперов» и т.д. ставших средствами ухода от обыденной действительности, независимой формой самоутверждения и реализации агрессивно-коллективистских инстинктов молодёжи. Явление субкультур не было абсолютно новым, но в больших городах постсоветской России поражённых параличом всеобщей безработицы и морального упадка, при полнейшем отсутствии государственной молодёжной политики – оно достигло невообразимых масштабов. Занявшие место комсомола и пионерии неформальные молодёжные объединения стали основным средством коллективной регуляции подростковой социальной активности устремлённой, как правило, к низко мотивированным целям. Многие элементы субкультурных ролевых игр несли негативную направленность и в целом возникновение, и распространение молодёжных субкультур было не более чем любопытным социальным явлением, своеобразным последствием общественных потрясений периода смутных 90-х годов. Усмотреть

серьезный смысл в существовании неформальных молодёжных объединений было нельзя. Другое дело, скинхэды – качественно новое молодёжное движение, имеющее ярко выраженный политический характер. Зародившись, как и многие субкультуры, в Англии, скины, начиная с конца 60-х, претерпели несколько неожиданных эволюций и расколов. К середине 80-х окончательно сформировалось обособленное движение правых скинов разделяющих идеи национализма и расизма. Шокирующие обывателей жестом правой руки, свастиками и бритыми под ноль головами правые скины неожиданно легко и прочно прижились на русской земле. Появившись на российских улицах, скинхэды быстро завоевали репутацию жестоких и агрессивных отморожков – одиозный имидж, способствовавший росту популярности скин-движения. Они победоносно нападали на представителей всех прочих субкультур, неизменно оставляли за собой поля уличных сражений, внушали ужас своим противникам. Их стали называть бритоголовыми санитарями города, бояться и уважать. Изначально небольшая численность (например, в 1996 году в Петербурге нас было всего порядка ста человек) с избытком компенсировалась личным мужеством и отвагой. Это были подлинные штурмовики неотличимые от тех, кто привёл Гитлера к власти, герои кровопролитных уличных битв, политические солдаты расовой идеи. Я сделал ставку на скинхэдов, потому что считал, что эта субкультура обладает огромным потенциалом и превосходными перспективами, является наилучшей на то время организационной формой для молодёжного нс-движения. Так и вышло: к концу 90-х субкультура скинхэдов распространилась практически по всем городам страны, рекрутировала десятки тысяч бритоголовых адептов. Русское национал-социалистическое движение стало реальностью...

Шли годы. 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003... Тысячи знакомств и событий, прочитанных книг, миллионы впечатлений, движений сердца и души составляли мою жизнь. Я не был посторонним человеком ни для моего Петербурга, ни для моей России и каждый новый акт современной русской катастрофы отзывался во мне болью, требовательно диктовал необходимость действовать. Став лидером группировки скинхэдов, занимаясь издательской и журналистской деятельностью, организуя правые концерты и различные культурно-спортивные мероприятия, я боролся за сердца молодёжи, в противовес обольняющему влиянию средств массовой информации и государства стремился пробудить в молодых людях национальную гордость и национальное самосознание, открыть им правду о геноциде русского народа и трагических страницах нашей истории. На путях разоблачения лжи и отрицания терпимости ко злу конфликт с системой был неизбежен. На меня ополчились журналисты, сотрудники спецслужб, чиновники высоких рангов. То, что я писал, говорил и делал, признали преступным, меня арестовали. В тюрьме я встретил своё двадцатипятилетие.

Кресты: 791 (part 4)

Ближе к концу мая Медведь переехал в двойную, т.е. состоящую из двух спаренных шестиместок камеру 780. По тюремным представлениям его новое жильё было роскошно просторным – почти двадцать пять квадратных метров! Естественно, аргументом для решения вопроса выступали деньги, которых Медведь никогда не жалел если появлялась возможность улучшить бытовые условия. О готовящемся

переезде я узнал 9-го мая, когда по телевизору транслировали запись теракта на грозненском стадионе. – Уезжаю я сына, - говорил мне старый бандит, безучастно смотря, как вспышка направленного взрыва уносит жизнь чеченского князька. – Хочешь – поедем вместе, хочешь – оставайся. Договорится с опером выкупить хату, не вопрос, помогу. – Тогда я задумался. Жить с Медведем было, конечно, весьма неплохо. Доскональное знание коррупционных схем, обширные знакомства среди сотрудников СИЗО и среди заключённых, авторитет Медведя помогали с его помощью разбираться с любыми возникающими проблемами, налаживать беззаботную и комфортную жизнь. Вместе с тем Медведь последнее время заметно сдал. Навечно перечеркнувшее его будущее тюрьма довлела над ним, тогда как зрелость неумолимо переходила в угасание жизненных сил. Неимоверным напряжением воли он не давал себе расслабиться, и упасть духом, но за всей его показной бодростью и деловитостью всё чаще проступало нечто суетно-беспокойное – отчаянные душевные метания человека обречённого на двадцатилетнее тюремное заключение. Пытаясь освободиться от груза безрадостных мыслей и хоть как-то отвлечься, он бросался во все ему доступные грехи – запойно пил и даже начал употреблять наркотики. Накурившись гашиша или наевшись галлюциногенных грибов, Медведь безумствовал, забывая тюрьму, уголовное дело, да и само имя своё. Окутанный алкогольным угаром старый убийца и разбойник молодец на глазах, шутил и веселился, словно юноша, строил фантастические планы на освобождение – прожекты достойные эпохи первоначального накопления капиталов. Но эйфория опьянения неизбежно проходило, дым иллюзий развеивался, и Медведь грустнел, замыкался в себе, проявлял параноидально-недоверчивые озлобленные черты загнанного собачьей сворой дикого зверя. Человек с включённым механизмом самоуничтожения, он становился опасен – тайком ото всех начал принимать героин, по-видимому, стыдясь этого, и всё же не в силах остановится. Взвесив все за и против, я решил остаться в 791. Моему примеру последовал и Пётр.

Свободному человеку сложно понять как месяцы и годы можно провести, находясь в четырёх тюремных стенах. Человек рождается свободным и как бы ни были сложны и тяжелы индивидуальные обстоятельства его судьбы, свободная жизнь даёт каждому богатейший выбор радостей, наслаждений и удовольствий, увы, в большинстве недоступных несчастным заключённым. Режим изоляции ограничивает арестантов во всём, оставляя им ничтожное пространство и немногие быстро приедающиеся занятия. Длительное безделье навеивает перерастающую в уныние скуку, служит причиной нервных расстройств и психических сдвигов. Интеллектуально неразвитые и бездеятельные люди, попадая в тюрьму, моментально деградируют, начинают вести растительное существование, основанное на удовлетворении двух-трёх инстинктов и пассивно-безразличном отношении к окружающим и к самим себе. Те же, чья воля не сломлена, стараются придерживаться, насколько это возможно, активного образа жизни тем, преодолевая отупляющее безделье и другие прочие невзгоды заключения. Оставшись вдвоём, без Медведя бывшего затейником всех развлечений, да и любых движений в камере 791, мы не спешили погрязнуть в ничегонеделании и постепенно создали новый кипучий микромир – среду обитания, отвечающую нашим разносторонним интересам и потребностям.

Так как Медведь забрал с собой телевизор нам нужно было определиться: покупать другой или совсем отказаться от телевидения. Религиозный Пётр по данному вопросу придерживался того мнения, что телевизор – это глаз Сатаны или смотрящее на нас дьявольское око, а моя позиция отличалась разве только формулировкой. Конечно, телеящик в тюрьме, впрочем, и на свободе тоже, помогает отвлекаться и убивать

время с такой быстротой, что не замечаешь, как месяцы и времена года сменяют друг друга. А вот на душе и в памяти после его просмотра остаётся лишь какой-то неясный шум – несуразная плесень, оседающая на корке головного мозга – отравляющий сознание информационный мусор. Здесь и я, и Петя были едины во мнении и потому решили телевизор не заводить. Чтение кажется нам намного более полезным занятием и одним из наилучших в тюремных условиях средством получения информации.

Тюрьма, на первый взгляд, самое подходящее место для чтения книг. Избыток времени, и ограничение физической активности стимулирует активность интеллектуальную, а книги, как известно, развивают мыслительную деятельность, дают благодатную пищу воображению и уму. Правда, на деле, всё обстоит прямо наоборот. Приблизительно две трети арестантов книги вообще не читают, и мне немало встречалось таких, кто похвалялся, что прочитал в течение жизни не более одной-двух (вариация: пяти-десяти) книжек. Остальная часть иногда или регулярно читает всю ту достойную туалета макулатуру, что можно найти в тюремных камерах: отечественные детективы и любовные романчики карманного формата, фэнтези и сохранившиеся со времён СССР книги безликих советских писателей. Серьёзная современная и классическая литература почти не попадает сюда, ведь библиотека учреждения фактически не функционирует, а изредка получаемые с передачами книги покупаются родными арестантов исходя из господствующих обывательских пристрастий – те же любовные истории и детективы. Бывают и исключения, когда зэк, где-то находит действительно хорошее литературное произведение и спустя минуту после прочтения благополучно стирает из памяти воспоминание о нём, включая не только линию сюжета и имена только, что узанных героев, но и само название прочитанной книги. – Об этом я говорю на основании личных наблюдений. – Такая закономерность обусловлена низкой развитостью подавляющего большинства заключённых: адекватное восприятие высокой литературы невозможно, если у человека отсутствует элементарный вкус и эстетическая культура, не говоря уже о интеллекте необходимом для понимания прочитанного.

Что же касается периодики, то она в тюрьме представлена толстыми глянцевыми журналами типа «XXL», «Maxim», «Men`s Health» и т.д. встречающимися практически повсюду. Это прекрасно иллюстрированные и живо написанные развлекательные издания не так уж глупы и бессодержательны, как может подумать какой-нибудь воинствующий поборник нравственности, - я внимательно прочитал не одну сотню глянцевых журналов и знаю о чём говорю. Только журналы эти, давно заметил я, арестанты не столько читают, сколько листают, обращая повышенное внимание на фотографии обнажённых девушек и статьи, посвящённые вопросам сексуальных отношений.

Есть, конечно, среди заключённых и высокообразованные люди, образно говоря, тюремная интеллигенция. Например, я и Петя ☺. Мы читаем, в том числе и специальную литературу: Петя – юридическую, а я – книги по психологии, социологии и пиару; а также большое количество художественных книг. Мы часто получаем их в передачах (по две-четыре штуки за раз) и у нас собирается небольшая библиотечка, по которой, однако, не стоит судить о наших истинных пристрастиях. По большей мере это относится ко мне. К примеру, один помешанный на контркультуре приятель снабжает меня сочинениями модернистских писателей, их я читаю с любопытством, тем не менее, далёким от одобрения. Это произведения Ирвина Уэлша, Уильяма Берроуза, Энтони Бёрджесса и им подобных литературных безумцев и оригиналов. Вместе со

сборником публицистических работ Хантера С. Томпсона, «Тропиком Рака» Генри Миллера, некоторыми книгами Филиппа Дика (весьма неплохими!) и полной библиографией Виктора Пелевина, я, наверное, довольно странно выгляжу в глазах Пети мало знакомого с литературой таких направлений.

Полагаю, оно и к лучшему, что мало знаком. Я думаю, что Закат Европы много откровенней дегенеративных художников иллюстрируют многократно экранизированные рассказы того же И. Уэлша, также как моральное состояние значительной части российской молодёжи выражают книги Баяна Ширянова. Слава Богу! мой интерес к литературе носит профессиональный характер, и я могу читать, что угодно без риска деформировать личность. Я люблю лишь «Сумасшедшее семя» Э. Бёрджесса написанное в моём любимом жанре антиутопии и обожаю Пелевина, на мой взгляд, современного русского писателя №1. Говоря о нынешней русской литературе, я выделяю только троих – самых лучших и одновременно единственных писателей: Виктора Пелевина, Сергея Лукьяненко и Бориса Акунина. Других я просто не знаю. И в камере 791, ещё при Медведе, сложилась ситуация, когда мои литературные пристрастия забавным образом воплотились во вкусах сокамерников. Так вообще-то мало читающий (но читающий запоем при попадании в карцер) Медведев, сильно уважает Акунина, к Пете из его домашнего собрания постоянно заходят книги Лукьяненко, а я коллекционирую Пелевина, собрав всё на сегодня написанное им. Помимо Лукьяненко, Петя читает всякую ересь – Исаака Бабеля, Умберто Эко и Апулея. Ни то, ни другое, ни третье пока не поддаётся моему пониманию и удручённый невозможностью достать больше хороших книг – например, произведений Чехова, Киплинга или Набокова... или хотя бы Хэмигуэя, я довольствуюсь тем, что есть и десятки раз перечитываю «Здравствуй, грусть» Франсуаза Саган и Джорджа Оруэлла...

Важный источник получения актуальной информации – газеты. Петя получает целые пачки центральных газет, куда более объективней отражающих ход исторического процесса, чем телевизионные новости. В самом деле, телевидение теперь контролируется не менее жестко, чем в советское время и многие события проходят мимо него; либо, пропускаясь сквозь корректирующую призму политических установок, так видоизменяются, что становятся неузнаваемы. Вдобавок, состоящие из быстро сменяемых картинок теленовости идут бегущей строкой, визуальным потоком, не дающим человеку задействовать собственный разум, тогда как печатные информационные материалы можно читать не торопясь, делая паузы и перечитывая интересные места, без спешки и лишних эмоций анализируя и усваивая информацию. Помимо официальной прессы я получаю и оппозиционную – независимое печатное слово позволяющее посмотреть на ситуацию с других, нежели правящий класс идейных позиций.

У нас нет телевизора, но есть радиоприёмник – небольшое устройство, бескрайне раздвигающее тесные границы нашего камерного мирка. Из музыкальных радиостанций консервативный Пётр предпочитает «Ретро-ФМ» и «Мелодию», а я – передающее классику радио «Орфей» и «Рекорд» - форпост современной танцевальной культуры в радио-эфире. Меня очаровывает музыка Рахманинова, Бетховена, Моцарта, Гайдна..., а динамичные электронные композиции поднимают настроение и бодрят. Услышать так называемый «русский шансон» в камере 791 нельзя - это сомнительно удовольствие мы оставляем мелким уголовным элементам их других камер. В отличие от большинства тюремных обитателей, музыкальные каналы нас не слишком то и привлекают по сравнению с каналами информационными. Днём

наш радиоприемник всегда настроен на либерально-демократическую волну «Эхо Москвы» - голос Венедиктова, Альбац, Политковской, Латыниной, Проханова, Доренко и многих других замечательных журналистов вне зависимости от их политических ориентаций создающих по-настоящему качественный информационный продукт. А ближе к вечеру я расширяю географию приёма, настраиваясь на радио «Свобода», программу легендарного Севы Новгородцева на BBC или ловлю американские, канадские, польские, словацкие, китайские русскоязычные радиостанции. Ежевечернее я слушаю также и религиозные передачи – выходящие под эгидой Московской патриархии радио «Радонеж» и «Православное радио Петербурга». Они заметно политизированы, что неудивительно, ведь замалчиваемые политиками проблемы вымирания и духовно-нравственного обнищания русских, искренне верующих православных не могут оставить равнодушными. Ну а ночью в камере 791 неизменно раздаются позывные радиогазеты «Слово» - питерской оппозиционной радиостанции возглавляемой членом КПРФ Александром Суворовым. «Православный Час» на радио «Слово» проводят сторонники движения «За право жить без ИНН и цифровых кодов». Перемежая речь цитатами из «Откровения Иоанна Богослова», молитвами и именами святых, православный писатель и доктор богословия Валерий Павлович Филимонов говорит об угрозе возникновения в России электронного концлагеря, о том, что предтечи Антихриста водрузили над Кремлём знамя врага рода человеческого и что одна слезинка убитой зимой таджикской девочки для них важнее десятков тысяч замученных иудо-демократией русских детей.

Разумеется, мы много общаемся, разговариваем между собой на самые различные темы. Однажды Пётр предложил провести поэтический вечер и под сводами Крестов прозвучали стихи, быть может, никогда ранее и не звучавшие в этих стенах. Читали стихотворения известные нам наизусть: Петр – пушкинского «Евгения Онегина», я – мои любимые стихи Владимира Маяковского, Валерия Брюсова, Роберта Бернса и Фридриха Ницше.

Неожиданно, Пётр увлёкся спортивными упражнениями. Несмотря на высокий рост и массивное телосложение, состояние его мускулатуры оставляет желать лучшего, очевидно, вследствие того не требовавшего физических усилий сидячего образа жизни, что он вёл до ареста. Теперь он усердно отжимается, подтягивается, используя в качестве брусьев края трёхэтажных металлических нар, бегают по дворику на прогулке и меняется на глазах, обретая бодрость духа и хорошую физическую форму. Сознывая пользу спорта, я тоже понемногу отжимаюсь и приседаю, даю мозгу отдых, а мышцам – напряжение. Я признаюсь, не особо спортивен, но занятия спортом приветствую, потому что они повышают внутреннюю дисциплину и не дают утонуть в дурмане расслабленного отупления угрожающего всем заключённым.

Хотя каждый месяц зная сумма поступает от нас в карман оперативника Стебенева, отчего камеру не заполняют людьми до отказа, у нас появляются новые сокамерники.

первым «заезжает» Игорь – двадцатилетний юноша уже пять лет как поглощённый уголовно-исполнительной системой. Пятнадцатилетним, его арестовали за драку, произошедшую после школьной дискотеки. Подвыпивший по случаю окончания учебного года подросток не просто подрался, а ещё и размахивал при этом ножом, что было признано хулиганством в применении оружия (ст. 213, ч.2 УК РФ) и вызвало назначение трёхлетнего срока лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии (т.е. в зоне для несовершеннолетних). В колпинской колонии, куда отправили Игоря, по его рассказам царили жестокие нравы и более физически

развитые подростки из числа местных «активистов» и «блатных» не упускали случая, чтобы поиздеваться над слабыми и бесправными сокамерниками. Из его слов у меня сложилось впечатление, что «малолетка» - это юдоль боли, насилия и жестокости, где изошрённые издевательства и непрерывные избиения составляют суть взаимоотношений заключённых детей. Иногда там происходят и маленькие восстания, когда пострадавшие мальчишки выступают против самых ненавистных своих мучителей и неистовое возмездие настигает последних с большим ущербом для их здоровья и даже жизни. За участие в подобной карательной акции Игорь получил дополнительный срок. Толпа малолеток напала на отличавшегося жестокостью и несправедливыми придирками бригадира и нанесла ему тяжкие телесные повреждения, после чего он стал инвалидом. Орудовавшего арматуриной Игоря признали зачинщиком избиения и добавили к его сроку ещё пять лет.

Грустно было смотреть на этого выросшего в заключении юношу ещё не знающего девушки, зато хорошо знакомого с правилами цинизма, ограничениями жизненного пространства, однополым сексом, чувствами физической боли и унижения. В сущности, он не был совсем плох, хоть и был необразован. Его не до конца исковерканная бесчеловечной пенитенциарной системой натура ещё несла в себе светлые частицы доверчивости и добра, тягу к получению знаний, любовь к родителям. Человека не самых худших моральных качеств преследовала злая судьба – могущественный рок, принёсший его юность в жертву государственному Молоху. Потенциал личностного роста Игоря был, конечно, почти растрочен.

Следующим в 791 заехал Саша – здоровый двадцатипятилетний парень, осуждённый за «мошенничество», т.е. завладение чужими деньгами обманным путём. На свободе у него есть жена и ребёнок, однако он не выглядит слишком расстроенным: шутник и балагур Саша обладает богатым тюремным опытом и в заключение чувствует себя как дома. Хороший сокамерник и рубаха-парень, он обычно весёл и приветлив, находчив, раскован, жизнелюбив. Саша знает десятки смешных приколов и анекдотов, даёт разумные советы по поводу наших спортивных упражнений, обучает меня и Петю паре хитроумных борцовских приёмов, учит меня незаменимому, если нужно что-то сказать так чтобы никто не понял, языку глухонемых, и легко вливается в наш миниатюрный коллектив. Исходя из его обтекаемо-неопределённых рассказов о себе можно судить, о том, что Сашино прошлое глубоко связано с криминальным миром. Он занимался уличным «лохотроном» (распространённая разновидность мошенничества) и другими тёмными делами, вызвавшими два покушения на убийство. Один раз он «поймал» выстрел из дробовика разворотивший ему правый бок и лопатку, другой – получил множество мелких ранений лица и груди после подрыва заминированной двери квартиры. Познакомиться с Сашей подробнее и ближе его узнать мы не успеваем ввиду скорого расставания спровоцированного крайне неприятным происшествием.

В тот день Саша получил передачу, долго что-то искал среди продуктов и ничего не найдя казался недовольным. Через полчаса, топоча ногами по деревянным доскам галереи, прибежал запыхавшийся Медведь и засунул голову в открытую кормушку. На его лице застыло укоризненно-суровое выражение.

- Что же вы, молодёжь, подставляете старого? – строго спросил, вызывая моё недоумение. – Из-за вашего наркотрафика и ко мне появляются вопросы. Я за вас перед опером ручался, а вы что устроили? Наркопритон? Сейчас Зинка придёт – хлопот не оберёшься!

Оказывается, в Сашиной передаче сотрудники нашли десять грамм героина (считается крупная партия) и, учитывая количество, заподозрили, что порошок предназначался для дальнейшей продажи в розницу зэкам. Для разбора к нам направлялись оперативник и Крестовский дознаватель – Зинка. Вульгарно-истеричный Зинкин голос уже раздавался на корпусе.

Доказывая и обосновывая мою непричастность к получению Александром героина, я пережил несколько очень сложных минут. Ведь мне грозила новая прожарка, на сей раз по подозрению в организации наркотрафика. В конечном счёте ситуация разрешилась сравнительно легко: я избежал негативных последствий, уголовное дело по факту передачи наркотика решили не возбуждать, героин реализовали по оперативным каналом (т.е. продали через подконтрольных оперативнику «барыг»), а Сашу отправили на «разработку» к тамбовским бандитам – спортсменам Роме и Володьке. Их, как я понял, не столько интересовал наркотический сегмент теневого тюремного рынка (они по этому направлению не «работали»), сколько прельщала перспектива солидно «нагреться» «взяв за яйца» предположительно наркодилера торгующего без прикрытия администрации СИЗО. Больше мы Сашу не видели.

В июне 2004 года в Петербурге произошло громкое убийство тесно связанное с делом «Шульц-88». В своей квартире был застрелен Николай Гиренко – подвизавшийся на ниве антифашизма учёный – этнограф, эксперт городской прокуратуры по делам о распространении национальной, расовой и религиозной вражды. Гиренко вынес экспертные заключения лёгкие в основу обвинительных приговоров по десяткам уголовных дел в отношении русских националистов. Экспертиза печатных изданий «Шульц-88» была его последней работой и поэтому средства массовой информации сразу же заговорили о причастности к совершению преступлений моих оставшихся на свободе единомышленников. Выдвигалась версия, что убийство учёного является мстостью за мой арест. (Спустя два года обвинение в убийстве Гиренко будет предъявлено членам боевой террористической организации созданной бывшими участниками Ш88 Алексеем Воеводиным и Дмитрием Боровиковым).

Я пока ещё ни о чём не подозревал, когда к камере подошли неразлучные друзья-бандиты Рома и Володя. Они уже обо всём знали из теленовостей.

- Шульц! Шульц! – весело смеясь, закричал Володя. – Ты зачем учёного заказал?

- Какого учёного? – сначала не понял я.

- Учёного по скинхэдам! Этнографа! – продолжал радоваться Володя, словно случилось нечто очень для него хорошее. – Сегодня застрелили учёного и по всем каналам говорят, что ты его заказал!

- Правильно сделали, что прикончили ублюдка! – вставит Рома, заважавший скинов после моей книги «Бритоголовые. Русь пробуждается!» - Так держать, бритоголовые!

Наскоро отделавшись от веселящихся бандитов, я привёл мысли в порядок. Сказать, что я почувствовал глубокое удовлетворение, значил ничего не сказать. Судьи, прокуроры, следователи, оперативники – к ним я относился по-разному, иногда приняв их точку зрения, смягчался, был эмоционально равнодушен. Гиренко же я считал существом, не имеющим оправданий. Попробую объяснить, почему личность эксперта горпрокуратуры стабильно вызывала моё категорическое неприятие.

Привлечение обладающих специальными познаниями экспертов – стандартная процедура уголовного судопроизводства. Участие эксперта необходимо, если для

установления и разъяснения обстоятельств дела требуется консультация узкоквалифицированного специалиста. Формально, судья, являясь независимым процессуальным лицом, при вынесении приговора не обязан учитывать данные экспертных заключений – реально, он не может не делать этого, так как сам не обладает специальными познаниями (кроме юридических) и, вынося приговор должен на чём-то основываться. Могут проводиться самые различные экспертизы - медицинские, психиатрические, баллистические, генетические и др.; в моём случае была назначена редкая социально-психологическая экспертиза. Привлекаемые эксперты, как правило, - штатные сотрудники следственных органов. Иногда, в основном по ходатайствам стороны защиты, привлекаются независимые эксперты, работающие в гражданских учреждениях. В любом случае эксперт должен отвечать элементарным требованиям – быть компетентным в соответствующей области знаний и не иметь личного интереса к исходу судебного разбирательства. Его компетентность подтверждается наличием высшего образования, стажем работы по специальности, справкой ВАК о присвоении учёной степени и научными трудами в соответствующей области знаний. Условия действительно элементарные: личная заинтересованность эксперта в деле ставить под сомнение его объективность, а назначение экспертом человека, не имеющего необходимых специальных познаний, было бы nonsensom. Тем не менее, проведение социально-психологической экспертизы печатных изданий «Шульц-88» было поручено Николаю Гиренко никак не отвечающему данным требованиям. Кем же был Николай Гиренко?

Коллега по работе, идейный соратник и друг застреленной шестью годами ранее депутата Государственной Думы Галины Старовойтовой, Гиренко был активным деятелем демократического движения. Со Старовойтовой его связывали давние отношения: совместная работа в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого, участие в «Демократической России», многолетняя дружеская связь. С конца 80-х годов Гиренко занимался общественно-политической деятельностью: был депутатом Ленсовета, участвовал в издании антифашистского журнала «Барьер», создал петербургскую Группу учёных по правам национальных меньшинств и др. Он был убеждённым демократом и антифашистом, имел непосредственное отношение к политическим движениям, против которых были направлены печатные издания «Шульц-88» и хотя бы по этой причине не мог быть беспристрастен.

То, что разные люди придерживаются различных убеждений – для меня не секрет, и я верю, что уважительно относится к человеку противоположных идейных воззрений – вполне достижимо для цивилизованных людей. Разделять и выражать политические убеждения, иметь личное мнение по любому вопросу и заявлять его в законодательно дозволенной форме – гражданское право каждого. Политическая борьба путём публикаций, выступлений, манифестаций, выборов... - законна и не подлежит осуждению. Также допустимо использование в качестве средства политической борьбы и обращение в милицию, суд или прокуратуру, - в том случае если заявитель уверен, что имеет место быть нарушение закона. Но приписывание идеологическим оппонентам преступных намерений осуществляемое экспертом обязанным соблюдать политический нейтралитет – низкий аморальный поступок. Для достижения целей продиктованных собственными политическими убеждениями Гиренко собственноручно добивался возбуждения уголовных дел против националистически настроенных граждан, а, после, используя положение эксперта горпрокуратуры, которого добился продолжительным сотрудничеством с правоохранительными органами, давал экспертные заключения об их виновности. При этом научная добросовестность

экспертиз Гиренко не раз подвергалась сомнению независимых экспертов и при их участии удавалось добиться оправдательных приговоров. И всё же десятки инакомыслящих были осуждены по его наветам.

Чтобы понять значение диффамационной деятельности Гиренко нужно разбираться в специфике дел о возбуждении вражды. Составом преступления здесь служит распространение текста или публичное выступление, если доказано, что они направлены на возбуждение ненависти и вражды. А главным доказательством преступной направленности является экспертное заключение. Грань между, с одной стороны, разрешённой законом критикой, допустим, положения в сфере межнациональных отношений или просто констатацией сложившейся ситуации, с другой – тонка и от заключения эксперта, по сути, зависит исход всего судебного процесса. По политическим мотивам предубеждённый к обвиняемым Гиренко всегда выносил экспертные заключения, подтверждающие их виновность, был заинтересован в обвинительных приговорах. Цели установления истины подменялись в его работе идеологическим диктатом.

Поразительно, но эксперт городской прокуратуры Санкт-Петербурга по делам о возбуждении национальной, расовой и религиозной розни не был компетентен в области социальной психологии! А значит, проводить социально-психологические экспертизы он право не имел. По образованию он был филологом-востоковедом, работал в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого проще называемом Кунсткамерой, а кандидатскую диссертацию защитил по этнографии африканских племён. Социально-психологического образования, опыта работы социальным психологом, учёной степени и научных работ по социальной психологии у него не было.

Экспертное заключение Гиренко по текстам печатных изданий «Шульц-88» убедительно подтверждает вышесказанное. Написанные наукообразным стилем исторические, культурологические, философские рассуждения не имеют ничего общего с социально-психологическим анализом и никак не разъясняют поставленные следователем вопросы. На неискушённого человека экспертиза Гиренко, конечно, способна произвести впечатление серьёзного исследования, однако социальный психолог скажет, что в его работе социально-психологическая проблематика отсутствует. Что есть, так это жгучая ненависть к малейшим проявлениям национального чувства, по представлениям Гиренко всегда преступного. Потому и не принимали во внимание его экспертизы честные судьи, потому он и являлся экспертом горпрокуратуры...

Можно ли оправдать убийство, если оно совершено для устранения игнорируемой или поощряемой государством дискриминации? Пусть на этот вопрос каждый ответит по своей совести.

Разговор о фашизме

Глава изъята из данного издания по соображениям безопасности.

Психиатрическая экспертиза

Четыре месяца я ждал этапа и откровенно говоря, уже и ждать перестал, когда однажды днём меня вдруг внезапно назвали с вещами на выход.

В сопровождении корпусного я уже привычно спустился по лестнице на круг и дошёл до комендатуры. Там меня посадили в собачник, где сидели ожидавшие этапа на психиатрическую экспертизу арестанты. Я успел только поставить свою сумку и присесть на лавку как камеру открыли, и вошёл человек сразу мною узнанный, хотя я никогда не был с ним знаком. Это был «вор в законе» Андрей «Хобот» - известный благодаря своему статусу в Крестах человек.

Воры в законе это типично российское явление, возникшее в местах лишения свободы предположительно в 20-х годах XX века. Если на свободе воры являются, пользуясь современной терминологией ОПГ и заняты в основном совершением различных противоправных деяний, то в тюрьме они стремятся контролировать всю неформальную и теневую жизнь заключённых, являются верными хранителями и жестокими защитниками так называемых «воровских понятий». Во многих тюрьмах и исправительных лагерях России существует целая организованная система из так называемых блатных или, как говорят «стремящихся», имеющая целью исполнение воровских решений и осуществление непосредственного контроля за выполнением воровских правил всеми арестантами. В этой самоорганизации заключённых участвуют тысячи и десятки тысяч авторитетных зэка, а на вершине пирамиды находятся воры в законе, называемые также «жуликами» и «законниками» Андрей «Хобот» был на центральном единственным вором, и потому к его персоне было приковано особенное внимание всех арестантов.

Первое впечатление о Хоботе было скорее благоприятным. У него было чистое, и даже интеллигентное лицо, он был похож на приличного человека, возможно авторитетного предпринимателя или бывшего спортсмена. Я знал, что он не менее пятнадцати лет провёл в заключение, но по его виду никогда бы не догадался об этом. Он говорил на правильном русском языке и излучал особенное обаяние, моментально располагавшее к нему любого человека. Уже потом я прочитал в газетах, что среди инкриминируемых ему преступлений были и такие, когда он приходил к серьёзным бизнесменам, предъявлял «корочку» полковника ГРУ Генштаба и без особых проволочек получал огромные денежные суммы в качестве «гуманитарной помощи для российской армии».

Войдя в камеру Хобот, сразу же спросил у всех собравшихся, кто из какой камеры прибыл. Видимо сверял в голове до отказа наполненной тюремной информацией, сообщённые номера с теми, относительно которых у блатных были какие-то вопросы. Потом понемногу завязался коллективный разговор, в том числе и с моим участием. Арестанты спрашивали у Андрея как у предельно опытного человека в основном об условиях и нормах поведения на психиатрической экспертизе, делились своими проблемами. Один парень 19 лет, признался, что не умеет ни писать, ни читать (за исключением цифр), и в том, что у него от рождения нет одного лёгкого. В древности таких называли юродивыми и согласно христианской традиции считали носителями особенного духа, блаженными. К нему вор сразу же проявил ласку, да и с другими арестантами был вежлив и говорил как бы на равных, спокойно и уверенно. Конечно, и зэки обращались к нему с особенным уважением, проявляя редкий для тюремных стен такт. В целом реально увиденный мной законник разительно отличался от пафосно-

эпатажного образа вора в законе показанного на экране телевизора. Удивительно, но у него не было ни одной татуировки, он не курил, не употреблял наркотики, а из алкогольных напитков предпочитал только красное вино (полезно для здоровья, говорил он) и в ограниченном количестве.

Чуть позже в собачник завели ещё одного арестанта. Это был знакомец Хобота с галереи 61 (произносится «шесть, один»), где содержат заключённых имеющих психические проблемы. Он уже давно откровенно «косил», т.е. симулировал психическое заболевание, рассчитывая, таким образом, на смягчение наказания. Этот мужичок жаловался на то, что в его черепной коробке находятся черви пытающиеся выгрызть путь наружу, отчего его постоянно мучает злая мигрень. Надо заметить, что для людей обвиняемых в особо тяжких преступлениях, с возможным сроком вплоть до пожизненного лишения свободы, признание невменяемости с последующей отправкой для лечения в тюремную психиатрическую больницу является, как правило, единственной надеждой на освобождение. Да и бытовые условия также как и моральная атмосфера в психбольнице намного лучше, чем в зоне. Для пожизненно осуждённых есть только один законный путь к освобождению – через кассацию, поданную спустя 25 лет после начала отбывания наказания. Тогда по решению суда заключённый может быть переведён из зоны особого режима в строгую, и там, отсидев ещё десяток лет, условно-досрочно освободиться. Правда никто ещё не смог реализовать эту возможность, так как институт пожизненного заключения существует в России менее 25 лет. И учитывая нечеловечески тяжёлые, издевательские условия жизни в зонах пожизненного лишения свободы, есть сомнения, что кто-то сможет дожить до этого рубежа. Осознавая это, некоторые ещё неосужденные арестанты сидящие по особо тяжким статьям, предусматривающим высшую меру, пытаются, находясь в СИЗО симулировать невменяемость, чтобы избежать таким путём уголовной ответственности, которую по российским законам могут нести только вменяемые лица. Признанных невменяемыми ждёт тюремная психушка и шансы оказаться на свободе уже спустя 5-10 лет.

Около полудня приехал автозак, и мы отправились по самому короткому в моей жизни, а может и во всей исправительной системе этапу. Ведь питерская тюремная психушка находится совсем недалеко от Крестов на той же Арсенальной набережной. Перед началом движения привели ещё одного закованного в наручники арестанта и посадили его в одиночный стакан. Видимо мусора считали его представляющим особую опасность преступником.

Выйдя из автозака, мы оказались в неубранном, заросшем сорной травой дворе такого же краснокирпичного, как и Кресты четырёхэтажного здания. Создав цепочку прикованных друг к другу за запястья людей, конвойные повели нас по двору к подъезду дома. Там мы поднялись на четвёртый этаж. Здесь за толстой металлической дверью находилось отделение психиатрической экспертизы.

Внутри нас расковали и попросили присесть на стоящие вдоль коридора диванчики. Я огляделся вокруг. Отделение занимало весь этаж и состояло из одного огромного коридора и находящихся вдоль него множества помещений. Как я узнал позднее, здесь было 16 камер для заключённых и несколько служебных комнат врачей и obsługi.

Сейчас на отделение проходили сборы заключённых уже прошедших экспертизу. Выглядело это так. В одном конце коридора прямо на полу возвышалась куча тряпья, в другом были вывалены на пол личные вещи людей. Охранник открывал дверь камеры, оттуда по одному выходили зэки, шли сначала в один конец коридора, там полностью

раздевались, скидывая с себя выцветшие больничные одеяния – сине-коричневые мятые цветастые пижамы и халаты, и потом абсолютно голые бежали по коридору в другой конец для получения своих вещей. И всё это происходило бегом, под криками стоящих вдоль коридора охранников угрожающе помахивающих резиновыми дубинками.

При этом при передвижении руки полагалось держать за спиной, и нарушение этого правила незамедлительно каралось охранниками. Один молодой парень бежавший в сторону вещей на мгновение разомкнул заведённые за спину руки и агрессивный охранник мгновенно ударил его палкой пониже спины. Парень вскрикнул, не удержавшись, поскользнулся и рухнул под гомерический хохот охранников. Весело здесь, - подумалось мне.

Прошедших экспертизу арестантов увели, и начался похожий процесс переодевания, но только происходящий в обратном порядке. Выяснилось, что с собой в камеру можно был взять только туалетную бумагу, зубную пасту и щётку, мыло без мыльницы и всё. Нельзя было оставить себе даже трусы и носки, вся одежда упаковывалась и сдавалась на хранение, а взамен выдавались старенькие больничные пижамы без пуговиц. Несколько привезённых книг мне не разрешили взять, и это меня сильно огорчило.

Переодетого меня и троих арестантов завели в открытую камеру под номером 1 и заперли. Так началась 28-дневная психиатрическая экспертиза.

Камера была очень маленькой, наверное, не больше 10 квадратных метров и я сначала не очень понял, как тут можно было жить. Свободное пространство между умывальников и туалетом не позволяло сделать и двух шагов, расстоянию между двумя двухэтажными кроватями оказалось настолько узким, что пройти можно было только боком. Окно находилось под потолком, так что выглянуть на улицу можно было, только встав на верхний ярус во весь рост.

В камере не было ничего. Или скажем так, в камере не было ничего кроме стен, потолка, кроватей с постельным бельём, окна, туалета и раковины. Ничего. Даже сиденья на унитазах не было. В крестовских камерах, несмотря на массу запретов, находилось огромное количество различных вещей, которые всё-таки позволяли себя чувствовать человеком и как-то коротать время – телевизоры и радиоприёмниками, книги, одежда, посуда и даже мебель. Здесь не было ничего. Не было зеркала, и последующий месяц я не никогда не мог видеть себя. Не было никаких игр, доступных информационных каналов или иных развлечений и всё что оставалось это только лежать на кровати и смотреть в потолок, предаваясь воспоминаниям о прошлом, либо спать, видя нереально красивые, фантастически яркие сны. Ещё можно было разговаривать, но я даже толком не успел, познакомится с сокамерниками, как меня вызвали на предварительную беседу с психиатром.

В кабинете было двое человек. За столом сидела женщина среднего возраста в белом халате назвавшаяся Ириной Владимировной. Где-то сбоку у окна маячил повернувшийся полу боком седой старик в обычной гражданской одежде и больших очках. Он как бы и не слушал наш разговор и курил папиросу классического советского «Беломорканала». На столе лежала открытая книга и вскользь глянув на нее, я сумел прочитать перевернутый заголовок: «Психические вирусы: Как защититься от программирования психики», Ричард Броуди. Мебель кабинета была обычно

канцелярской и ничто помимо книги не указывало на принадлежность помещения к психиатрическому ведомству.

Ирина Владимировна пристально посмотрела на меня и начала разговор.

И.В.: Ну, рассказывайте, почему вас привезли к нам?

Я: По решению суда.

И.В.: А почему позвольте поинтересоваться, суд принял такое решение? Вы больной?

Я: Было соответствующее ходатайство прокурора, и судья его удовлетворила. Сам я, считаю себя совершенно здоровым, никаких жалоб на психику не имею и прошу отправить меня обратно в тюрьму, где мне и так нормально сидится.

И.В.: К сожалению, вы обязаны пройти судебно-психиатрическую экспертизу, раз таковая вам назначена судом. Пробудете у нас 28 суток и будете этапированы обратно в то учреждение, откуда вас привезли. Расскажите, за что вас заключили под стражу?

Я: За преступления экстремисткой направленности.

И.В.: Мы уже второй месяц изучаем ваше дело и хорошо знаем, за что вас арестовали...

Тут Ирина Владимировна сделала паузу и посмотрела на меня многозначительно и пристально.

И.В.: Нас интересует, как вы дошли до этого?

Я: О чём вы?

И.В.: О тех преступлениях, которые вы совершили!

Я: Я никаких преступлений не совершал и до обвинительного приговора суда согласно Конституции России являюсь невиновным человеком. Поэтому ваши слова для меня оскорбительны и непонятны.

И.В.: Но ведь вас же заключили под стражу и для такого решения были основания. Чем вы занимались на свободе?

Я: Ничем преступным. Я всегда действовал в соответствии с велениями совести и искренними убеждениями.

И.В.: А что такое совесть?

Я: Совесть это Божий голос в душе человека!

Неожиданно старик, мирно кутивший у окна, громко крякнул и посмотрел на меня с интересом учёного натуралиста увидевшего некую живую редкость. Ирина Владимировна смотрела укоризненно и неотрывно.

И.В.: Ну и давно у вас эти голоса? Вы знаете, что когда у человека в голове вдруг начинают говорить чужие голоса, то это является верным признаком шизофрении?

Я: У меня нет никаких голосов, а что касается совести, то я считаю, она должна быть у каждого порядочного человека.

И.В.: Вы считаете себя порядочным человеком?

Я: Почему же нет? Разве я совершил что-то непорядочное? И хочу напомнить вам, что вопрос моей виновности в совершении преступлений не находится в вашей компетенции

И.В.: Хорошо, но раз экспертиза вам назначена, то пройти её вам придётся. Значит, вы здоровы?

Я: Считаю себя психически здоровым.

И.В.: Считаете себя здоровым или являетесь им?

Я: Являюсь им.

И.В.: Отлично. А как вы думаете, длительное нахождение в тюрьме может служить причиной психического заболевания?

Я: Ну, это вообще-то вам положено знать, но думаю, что может, конечно.

И.В.: Вот вы уже восемь месяцев находитесь в тюрьме. Не проявляются ли у вас какие-то нервные расстройства, стресс?

Я: Естественно, тяготы неволи влияют на общее самочувствие, в том числе и на нервы, на психику. Но думаю нужно различать обычный стресс, возникающий в подобной ситуации у любого простого человека и психическую болезнь. Конечно, я много волнуюсь, и вследствие этого мои нервные клетки находятся не в самом лучшем состоянии. И это вовсе не означает, что меня можно назвать психически больным. Моя психика совершенно здорова.

И.В.: У вас бывают галлюцинации, видения?

Я: Нет.

И.В.: Хорошо, а вы себя считаете невиновным, насколько я поняла?

Я: Да, согласно законам я невиновен в тех преступлениях, в которых обвиняюсь.

И.В.: Ну а почему, как вы считаете, вас - невиновного человека, посадили в тюрьму? Ведь необычно же согласитесь, что невиновного вдруг арестовали.

Я: Очевидно, что причина моего ареста находится в политической плоскости. Я известен в Петербурге своими националистическими взглядами и думаю, что именно за убеждения меня заключили в тюрьму.

И.В.: По политическим мотивам?

Я: По политическим.

И.В.: Хорошо. А можно ли сказать в таком случае, что существует некий политический заговор против вас и ваших убеждений, раз вас за них посадили в тюрьму?

Произнеся эти слова, Ирина Владимировна вновь посмотрела на меня испытывающим, неотрывным взглядом. Я же почувствовал раздражение.

Я: Заговора в психиатрическом смысле естественно нет, но есть заговор политический, и он направлен против русского народа, а его последствий сейчас не может не видеть только слепой или сумасшедший. И никакой паранойи и мании преследования, только взвешенный и трезвый взгляд на происходящие в стране события. Можно конечно не разделять моих мнений, но всё же я имею на них полное право и у меня есть ряд веских оснований, чтобы так считать. О них можно поспорить, любая

аргументированная критика мною приветствуется, но нельзя запрещать человеку иметь собственное мнение. Да, меня арестовали за то, что я никогда не боялся иметь своё собственное мнение, и никогда не боялся его публично высказывать. И пусть законы, права и свободы попираются сегодня совершенно безнаказанно, я не прекращаю верить в грядущее торжество справедливости.

И.В.: Да, теперь я понимаю, почему прокурор вас освидетельствовать попросил. Видно нелегко ему в суде приходится. Но здесь у нас мы вас оставить не можем. Будут к вам журналисты постоянно ездить, зачем нам такие беспокойства.

Я: Я с вами полностью согласен и оставаться сам здесь не желаю.

И.В.: Хорошо, какие-то просьбы у вас имеются?

Я: Есть одна просьба. Я привёз с собой несколько книжек и хотел бы их получить. За чтением хоть время будет быстрее идти. Отдайте, пожалуйста, мои книги.

И.В.: Чтение в палатах разрешено. Но читать можно только наши, специально отобранные нами книги. Понимаете почему?

Я: Нет.

И.В.: Это психиатрическая больница, Дмитрий, и здесь содержатся люди психически неуравновешенные, потенциально больные. Большинство их них находятся в состоянии временной ремиссии, когда болезнь почти не проявляет себя, однако любая мелочь может послужить катализатором психической вспышки. Например, ваши книги. Я допускаю, что лично вы психически здоровы, но в одной с вами палате могут находиться и больные. И если они прочитают вашу книгу, вполне возможно, какие-нибудь образы, слова, высказывания из неё подействуют на них возбуждающе и это может привести к непредсказуемым последствиям. Мы же не знаем, что это у вас за книги и о чём в них написано!!! Может быть, у какого-нибудь больного после её прочтения начнётся психическое обострение! И оно передастся другим больным, вызвав массовую психическую вспышку!!! Вы готовы взять на себя ответственность за возможные последствия?

Меня отвели в камеру, я лёг на кровать и погрузился в размышления. Через сколько ещё испытаний нужно мне пройти на пути к свободе?! Смогу ли я дойти до конца непредсказуемо опасного жестокого пути?!

Психиатрическая экспертиза: 1, 12, 7

Камера №1 на отделении экспертизы была особой. Она предназначалась для заключённых считавшихся опасными и нуждающихся в специальном контроле. Дверь камеры находилась рядом с постом дежурной медсестры, и она часто заглядывала к нам через окно вместо привычного глазка расположенное прямо в двери. Круглосуточный бдительный присмотр здесь был обеспечен и в случае «ЧП» в камеру моментально прибегала группа вооружённых дубинками охранников.

Первый сокамерник оказался жалким эпилептиком, всегда молчавшим. Большую часть суток он спал, пуская слюни изо рта, и бывало, зарубался сидя на унитазе. Вторым был непримечательным уголовником, мелким криминальным элементом с улицы Марата.

Третий же оказался тем самым особо опасным преступником в наручниках из автозака. Он единственный кто вызвал у меня некоторый интерес.

Татарин Рашид получил публичную известность совсем недавно. Буквально два месяца назад, будучи признанным невменяемым он находился в этой самой психбольнице, но не на отделении экспертиз, а на там где держат признанных психов. Два года он пробыл здесь, занимался хозработами на складе и надеялся летом выйти на свободу. И вот однажды что-то замкнуло в его голове, и он схватился за нож. Сам он объяснял своё поведение тем, что, занимаясь покраской, он надышался токсичных газов и потерял контроль над своими поступками. Так или иначе, в радио- и телевизионных новостях о его «подвигах» тогда сообщили в самых чёрных красках.

Первой жертвой обезумевшего пациента психушки стала пожилая кладовщица. Оглушив её Рашид начал методично резать женщину ножом. Один из охранников пытался воспрепятствовать совершению насилия, но сам получил ножевой удар. Истекая кровью, он смог доползти до дежурки и дал сигнал тревоги. Совместными усилиями охраны и санитаров раненая женщина была освобождена, но Рашид успел забаррикадироваться в пустом помещении склада. Спустя некоторое время он поджёг склад и пожар начал распространяться вверх здания, где находились несколько отделений с полутора сотнями психов. В этот момент бойцы тюремного спецназа «Тайфун» и питерского ОМОНа пошли на штурм. Рашид ещё успел разрубить большим разделочным ножом щит спецназовца, как его скрутили. Сейчас его доставили из Крестов для прохождения повторной психиатрической экспертизы.

Внешне он не производил впечатления невменяемого, но в данном случае внешность была по-настоящему обманчива – в тихом омуте водились маленькие бесы и большие демоны. И всё же он был человеком в общении корректным и коммуникабельным; от него я узнал немало интересной информации о жизни в тюремной психбольнице.

Действительно не зря арестанты стремились попасть сюда. Лишь на отделении экспертиз бытовые условия и обращение охраны оставляли желать лучшего: на других отделениях жизнь пациентов была сравнительно неплохой. Во-первых, благодаря тому, что учреждение находилось в ведомстве Министерства здравоохранения и здесь не было камуфлированной миноостовской охраны – источника многих насилий и притеснений. Штатские санитары были много более человечнее сотрудников внутренней службы ГУФСИНА. Только на отделении экспертиз можно было здесь увидеть камуфлированных охранников, на всей остальной территории больницы властвовали исключительно врачи, сёстры и санитары. Во-вторых, здесь не существовало никаких жестко регламентирующих правил, пыточного гуфсиновского режима, ограничений передач и свиданий. Можно ежедневно встречаться с родными, получать передачи с любыми продуктами и даже звонить по городскому телефону, хотя почти все пациенты имели собственные мобильники. В-третьих, пациент психбольницы мог оказаться на свободе по решению врачебной комиссии, если она сочтёт его выздоровевшим, вне зависимости от совершённого им преступления, даже если уголовным кодексом за него предусмотрено весьма продолжительное наказание. И большинство пациентов учреждения составляли как раз убийцы, хотя было и несколько каннибалов, сексуальных маньяков и серийных убийц. В суде они бы получили не менее 20 лет лишения свободы, а то и пожизненное, ну а здесь освобождались после комиссии не отсидев и 5 лет.

Мне было скучно. В отличие от других отделений, где было предусмотрено целых две часовых прогулки в день, на отделении экспертизы гулять арестантам было нельзя, и

целый день приходилось лежать на кровати, убивая время разговорами с сокамерниками и чтением книг. Кормили сносно, но в недостаточном количестве и если бы не регулярные передачи, то я бы голодал. Книги можно было взять вечером. Их подвозили на подвижном столике прямо к двери камеры-палаты: пожелтевшие от времени тяжёлые кирпичи канувших в Лету советских авторов, современные фантастические романы с яркими рисованными обложками, журналы позднего перестроечного периода и прочую макулатуру.

Навсегда запомнился толстый том одного советского писателя, бывшего председателя Союза Советских Писателей некогда находившегося в авангарде интеллектуальной элиты страны, а ныне совершенно никому неизвестного. Это был тот самый набоковский роман о жизни шестисотлетнего дерева – литературная вершина советского мышления. Бескрайняя тайга расстилалась на страницах книги и нить повествования неразрывно связанная с зелёным океаном тайги, исторические события, смерти и рождения людей словно были всего лишь фоном для бесконечного описания шелеста листьев на верхушках деревьев.

Вечером всем желающим предлагалось принять наливаемую из огромной стеклянной бутылки успокаивающую микстуру. Выпившие мензурку тёмно-коричневого мутного напитка мгновенно засыпали мертвецким сном и в течение следующего дня были флегматично-спокойны, сонны и неповоротливы. Зэки с удовольствием пили отдающую спиртом жидкость, я же решил избежать применения этого загадочного снотворного снадобья полагая, что оно изготовлено с применением вредных психотропных препаратов.

Раньше я отчего то считал будто в течение четырёхнедельной экспертизы врачи будут проводить тщательное обследование моей психики и поведения, будут ежедневно тестировать меня, расспрашивать, ни на час не оставляя в покое. На самом деле вся экспертиза представляла собой набор немногих процедур образующих последовательный и неизменный медицинско-бюрократический ритуал, берущий своё начало в глубинах тёмных времён карательной советской психиатрии.

Спустя неделю, видимо убедившись в моей неопасности меня, перевели в обычную камеру №12. Всё её отличие от камеры №1 заключалось в количестве спальных мест - их было три, а не четыре. Сокамерниками оказались мелкие воришки - подростки токсикоманы. Было им наверно лет, по 14, а выглядели они не больше чем на 12. Коротко стриженные мальчишки как маленькие проворные обезьянки прыгали и бегали по камере, непрерывно курили и ругались матом. Казалось их головы набиты мокрой туалетной бумагой вместо мозгов - такое возникло впечатление после нескольких проведённых в одном помещении дней.

Переводы из камеру в камеру здесь имели место быть также как и в тюрьме, но в отличие от тюремных оперов, понять мотивы психиатров я так и не смог. Быть может вопреки уверениям Ирины Владимировны они хотели создать стрессовые ситуации для выявления нервнобольных? Так или иначе, через три дня малолеток куда-то перевели, а в камеру подселили тихого, всего уже седого мужичка. Он назвался Степаном Ивановичем и рассказал необычайно грустную историю своей судьбы - никем не замеченную современную трагедию никому не нужного человека. Его история поразила меня, цинизм действующих лиц возмутил до глубины души.

Когда-то он работал в школе, был учителем физкультуры и имел спортивный разряд. Он занимался бегом и лыжным спортом, у него была семья – жена и дети. Всё

перевернулось с распадом Советского Союза. Он не никогда не пил, но, оказавшись за чертой бедности, вдруг психически надломился. Дети уехали в другие города и, по-видимому, забыли о существовании родителей, а он постепенно потерял какую-либо связь с реальностью. Что именно послужило причиной болезни, наверное, уже никогда не узнать. Быть может, постепенно мозг переставал работать, а может, был внутренний взрыв и удар мгновенно поразивший его, не важно. Им овладело апатичное безволие, и частично отказала память. Однажды он потерял все свои документы и сам чуть не потерялся, находясь в гостях в другом городе. Чужие люди помогли Степану Ивановичу добраться до дома, однако в этот сложный жизненный период тихого добродушного старичка предала собственная жена. У неё давно уже был любовник и когда Степан Иванович по причине болезни стал совсем незащищен, от него решили избавиться самым жестоким и циничным способом. Его избили и выбросили на улицу – больного, усталого старика. Подобно брошенной собаке, которая, повинаясь инстинкту всё равно возвращается к неблагодарному дому, из которого её выгнали, он долго стучался в дверь своей бывшей квартиры, а, не получив ответа, устроился на ночлег в подъезде дома. Там и поселился он до тех пор, пока в действие не вступил участковый милиционер, чья фамилия осталась мне неизвестной. Получив от жителей подъезда сигнал о человеке, обосновавшемся в подъезде, участковый быстро отыскал Степана Ивановича и сразу понял, что имеет дело с недееспособным индивидом. Может быть, он помог старику восстановить справедливость, получить новые документы и отстоять права на часть собственной квартиры? Ничего подобного, хотя участковый действительно обеспечил его жильём – в тюрьме. Сначала безымянный страж закона заявил старику, чтобы он убирался с территории его участка, а когда старик проигнорировал несколько предупреждений, участковый изъясил у него им же и подложенный рожок автомата Калашникова. Степан Ивановича арестовали по статье 111 уголовного кодекса – за незаконное хранение боеприпасов и посадили в тюрьму. Равнодушно не вдаваясь в подробности дела, следователь назначил ему психиатрическую экспертизу и Степана Ивановича привезли сюда.

О своих злоключениях он рассказывал спокойно и беззлобно, и огонёк тлел в его глазах, а с лица не сходило выражение детского недоумения и слабая улыбка. Мягкость и доброта исходили от старика преданного и родными, и государством, и обществом, но не виновного никого в своих бедах. Он был жертвой людского равнодушия и цинизма, предательства и жестокости. Он был никому нужен и, не имея возможности самостоятельно о себе позаботиться, был обречён.

Через несколько дней меня перевели в седьмую камеру. Там сидели два больших оригинала, каких только в подобном месте и можно встретить. Первым был молодой парень лет двадцати забывший своё имя, фамилию и вообще все, что с ним происходило в прошлом. Причём это случилось с ним сразу после ареста за кражу и следователи резонно рассудили, что парень просто хочет скрыть какую-то информацию о себе. В течение года следственные органы пытались установить личность парня, однако их усилия потерпели неудачу. Отпечатков его пальцев не было ни в одной дактилоскопической картотеке, а внешность не подходила ни под одно описание разыскиваемых преступников. Тогда его отправили сюда, чтобы с помощью психиатров установить на самом ли деле у него амнезия, или он лжёт. Забавный факт: для оформления в тюремной системе парня нужно было как-то назвать, и он получил от милиционеров условное имя, фамилию и отчество, нечто вроде Иванова Ивана Ивановича. Он пока находился под следствием, и было любопытно представить, как его

будут судить, не зная ни его имени, ни фамилии, ни года рождения. Наверное, он навсегда останется Ивановым И.И., даже если вдруг вспомнит своё настоящее имя.

Второй сокамерник был набожным бородачом всецело поглощённым переживаниями о результатах экспертизы. Он обвинялся в убийстве четверых человек и в случае признания вменяемым гарантированно получал пожизненный срок. Экспертиза была его последней жизненной надеждой, и он неистово молился, прося Бога помочь ему грешному. Он молился после пробуждения и перед визитом к психиатру, он молился, придя с бесед, а также перед сном и каждым приёмом пищи. Он часто молился, молился настолько часто, что в ушах от его молитв появился разрастающийся шум.

К концу второй недели меня начали выводить на процедуры. Сначала это был рентген. Потом проверка у окулиста – чтение больших и маленьких букв на стенде. Затем так называемая «шапочка» - снятие энцефалограммы мозга. Шапочкой эту процедуру называли потому, что она заключается в подсоединении к голове двух десятков датчиков со змеевидно тянущимися подобно волосам Медузы Горгоны проводами. Как будто на череп одевают шапочку, кажется находящуюся в некоем родстве со шлемом из комплекта электрического стула. Люди в белых халатах положили меня на кушетку в тёмной комнате, подключили резиново-пластмассовый электрический прибор и, склонившись над экранами, долго изучали показатели активности биотоков моего головного мозга.

Следующим элементов обследования была беседа с психологом. Молодая женщина показывала чёрно-белые картинку нарисованный на квадратных кусочках картона, а я должен был сообщать о возникающих у меня ассоциации. На картинках были изображены лужа, топор, чердак, верёвка и тому подобные обычные по сути предметы и приходилось называть произвольно всё, что приходило на ум так как многие картинку не вызывали вообще никаких ассоциаций. В заключение я получил лист бумаги, карандаш и задание нарисовать не существующее в природе животное, некое фантастическое существо. Я изобразил женщину с косой и змеиным хвостом вместо ног.

В завершении общения психолог вручила мне состоящий из нескольких сотен вопросов тест. В течение суток я должен был утвердительно или отрицательно на них ответить. Там были вопросы, написанные в форме утверждения, наподобие, «временами я чувствую, что умираю» или «было бы лучше, если бы все законы отменили». Большинство вопросов казались странными, например, «иногда мне хочется ломать вещи, бить посуду», «кошмарные сны снятся мне почти каждую ночь», «иногда я испытываю ненависть к членам своей семьи, которых обычно люблю». Одни и те же по значению вопросы бесконечно перефразировались, хотя некоторые были довольно оригинальны. Например, утверждение «мне нравится читать сказки Андерсена «Гадкий утенок» и «Стойкий оловянный солдатик» или «если бы я был журналистом, то предпочел бы писать о спорте». В общем, было впечатление, что тест составил настоящий сумасшедший, возможно один из пациентов учреждения и что дают его испытуемым с одной только целью посмотреть, какую реакцию он у них вызовет.

Спустя три недели одичание, вызванное условиями содержания на отделении экспертиз, достигло критической концентрации. Без прогулок, находясь практически 24 часа в сутки в тесной камере с голыми стенами, я поневоле проникался странным эмоциональным состоянием, наверное, похожим на экстатический настрой религиозных отшельников. Здесь невозможно было воспользоваться бритвенными принадлежностями, а в душ водили пока один лишь раз, из одежды давали одни мятые

пижамы, на кровать стелили древние матрасы с сыпавшимися из них белыми перьями, а на постельное бельё не хотелось лишний раз смотреть, дабы не портить себе настроение. В один из дней по стенам внезапно поползли тёмные точки, десятки и сотни тёмных точек; это была орда ищущих пристанище тараканов и, хотя они в отличие от клопов не кусают людей, такое соседство не могло не прибавить радости. Долгая изоляция в невообразимо тесном пространстве, отсутствие возможности получать позитивные эмоции от общения с родными, убогая одежда давно изношенная поколениями психов и общее чувство дискомфорта создавали соответствующий негативный настрой, ментальную ауру сумасшедшего дома. Как будто психиатры специально доводили людей до психоза, или по крайней мере всеми силами формировали у своих пациентов облик душевнобольных. В мятых рваных пижамах, нестриженные и небритые, пациенты отделения психиатрической экспертизы действительно поголовно выглядели как настоящие психи и ко дню врачебной комиссии внешний вид и эмоциональное состояние каждого реально начинали соответствовать статусу потенциального нервнобольного. Слово мотивация врачей напрямую зависела от состояния, до какого они доводили людей, а постоянное удовлетворение садистических склонностей стимулировало низкооплачиваемый труд психиатров. В таком случае они были бы возмущены и шокированы нарушением освящённого многолетней традицией ритуала, если бы вдруг охранник привёл вместо обросшего оборванца солидного чисто побритого человека в приличной одежде.

В день врачебной комиссии набожный бородач, он же серийный убийца молился много усерднее, чем всегда, ну а мне казалось, что никаких решений там не принимают, что все решения принимаются заранее на основании вороха бумаг скапливающихся на столах врачей-психиатров. Как выяснилось, чтобы не волновать пациентов их держали в неведении о результатах комиссии и только в Крестах человек вдруг закрытый не в свою камеру, а на психическое отделение «6.1» понимал, что признан невменяемым. Я же рассчитывал на признание своей вменяемости и на возвращение в крестовскую камеру 791. К счастью, моя надежда полностью оправдалась – по окончании четырёхнедельной экспертизы меня признали психически вменяемым и отправили обратно.

Кресты: 791, 769, 780

Увидев себя в зеркале, я присвистнул: заросший и небритый я был сам на себя не похож. Подзабытая за месяц суровой экспертизы белизна камеры 791 была по глазам, обилие вещей шокировало. Хотелось побыстрее придти в себя, принять человеческий облик, восстановить расшатанную за последний месяц нервную систему. Как будто я приехал не с экспертизы в тюрьму, а из тюрьмы домой!

Петя всё также днями напролёт писал ходатайства, отжимался и освежал знание английского языка. Тихо говорил о новостях страны радиоприёмник, из окна струился яркий солнечный свет, и жизнь камеры 791 наполненная покоем и размеренностью наполняла меня стабильной уверенностью в завтрашнем дне, о которой и мечтать не приходилось на отделении психиатрической экспертизы тюремной психбольницы.

Появился в 791 и новый сокамерник – пожилой невысокого роста человек с суетливыми жестами рук, подрагивающим морщинистым лицом и испуганными глазами. Бывший моряк, объездивший весь свет, принадлежал к породе людей иногда

встречающихся среди арестантов – отряду полубезумных жалобщиков вечно обложенных законами и кодексами и строчащих по любому поводу протесты в прокуратуру, европейский суд по правам человека и надзорные инстанции. Сам подход, подразумевающий отстаивание своих прав вместо равнодушного отношения к нарушениям со стороны сотрудников МВД и Минюста, мне импонировал, однако я быстро понял, что здравый смысл не самое сильное качество моряка. Скорее данное качество у него отсутствовало, зато присутствовало основанное на иллюзорных представлениях мышление с признаками неадекватного восприятия действительности и психованным поведением. Для правильной стилистики направляемых в присутственные места жалоб поистине краткость является сестрой таланта. Максимальная чёткость и немногословность, подкреплённая надёжной аргументированностью является залогом успеха. Однако писания сокамерника совсем не соответствовали вышеуказанным требованиям, являясь с юридической точки зрения сущим бредом и незнанием закона. Он жаловался не на реальные нарушения, а на воображаемые и делал это совершенно некомпетентно, словно специально добиваясь того, чтобы его жалобы отправлялись на дно мусорных корзин. Составляя новые многословные протесты на действия следователей и решения судей, он фанатично верил в свою правоту, с пеной у рта был готов доказывать необходимость написания каждой запятой, даже если более знающие сокамерники придерживались противоположного мнения. В обдумывании и написании жалоб проходило вся его тюремная жизнь, среди заключённых в среднем юридически совсем неграмотных, он пользовался популярностью, составляя по их просьбам документы любого рода. Я обрадовался, когда через день его перевели.

От адвоката я узнал неожиданную новость. Оказывается, две недели назад состоялось заседание суда и поскольку меня не доставили из-за продолжавшейся экспертизы, судья перенесла рассмотрение дела на конец октября, т.е. ещё на два месяца. Похоже, процесс надолго затягивался.

Неприятности начались внезапно. Оперативник Стебенёв был в отпуске и не мог нам помочь, а быть может и не стал бы помогать, хотя мы выплачивали ему солидную сумму за камеру. Я даже думаю, что сотрудники администрации учреждения специально разработали такую тактику – делая жизнь арестантов предельно нестабильной, они создавали предпосылки для получения ещё больших взяток. И те, кто решал вопросы с администрацией, были подвержены «взрывам» и разнообразным «подставам» мусоров даже в большей степени, чем никому ненужные неплатёжеспособные «сироты» из бомж-отелей. Короче говоря, нас с Петей внезапно назвали с вещами на выход и перевели в другую камеру – расположенную прямо напротив 769. Пока Стебенёв был в отпуске, закреплённые за ним камеры находились в распоряжении другого опера, и он просто продал нашу камеру одному бандита из средней по значению бригады. Мы не платили этому мусору и резон помочь нам, вернув наше жильё, он мог увидеть, только получив немалую сумму. А поскольку он уже получил гонорар от нового хозяина 791, то взывать к справедливости было бессмысленно – до наших проблем никому не было дела. Оставалось ждать возвращения Стебенёва, хотя я был уверен, что опера между собой всегда найдут согласие, а зэки останутся для них только разменной монетой и средством извлечения новых прибылей. Значит, нужно было готовиться либо к новому переезду, либо оставаться в 769. Но последний вариант был абсолютно неприемлем для нас.

Впервые я оказался в настолько откровенно бомжовской хате. Тёмно-пыльная гробница 769 не походила на жилое помещение, но выглядела как грязный сырой подвал. На чёрных стенах висели обгоревшие оборванные картинки с обнажёнными девушками из гляцевых журналов, а под ними непрерывно шуршали клопы. Из сломанного окна дул пронизывающий сквозняк, а по грязному полу были раскиданы большие куски застывшего бетона и половинки кирпичей (видимо, кто-то пытался долбить стену, пробив дыру в соседнюю камеру). Вместо мусорного ведра бывшие жильцы 769 использовали пространство под кроватью, и там всё было завалено смятыми газетными листами, рыбьими костями, окурками и пылью. Унитаз же словно был перенесён из бесплатного советского общественного сортира вместе с железной раковиной умывальника десятилетия назад потерявшей свою эмаль. Освещение представленное торчащим из-под потолка проводом с вкрученной в патрон перегоревшей лампочкой не функционировало, и нам пришлось приложить немало усилий для его починки.

Приготовление пищи становилось серьёзной проблемой, потому что розетка замыкала и искрила, представляя реальную опасность поражения электрическим током. Окна бомжатника выходили не на набережную Невы, а на расположенную во дворе помойку СИЗО, где среди тысяч пустых консервных банок копошились сотни отвратительных серых крыс.

В общем уже после 20 минут нахождения в 769 мы с Петей поняли, что жить здесь не сможем и, схватив мобильники, начали дозваниваться до Медведя с криками о помощи. Выслушав нас, Витя пообещал решить вопрос в течение дня, и мы даже не стали распаковывать вещи, ожидая спасительного стука в дверь. Прошли три тоскливых безрадостных часа, и вдруг дверь камеры отворилась и на пороге появилась коренастая фигура Медведя.

- Ну что, готовы? – спросил он. – Тогда пошли, поживёте пока у меня. – Обрадованные мы взяли сумки и быстро покинули негостеприимную камеру 769.

Медведь жил в конце нашей третьей галереи в камере 780. Площадь двойной камеры составляла примерно 24 квадратных метра, и это было самое большое жилое помещение, в каком я находился за всё время после ареста. Там было целых два окна, и сравнимое с прогулочным двориком свободное место для передвижений. В 12-местке жили только Медведь и его «помощник» (прислуга, говоря по-русски) и это было ещё одним доказательством его влияния в СИЗО. После обычного для многолетнего арестанта приступа мизантропии он отправил всех сокамерников в другие хаты, и на протяжении последнего месяца вёл относительно замкнутый образ жизни. Что не помешало ему радушно, с шутками и незлобными подколами нас принять на временное проживание. До возвращения оперативника из отпуска мы поселились у Медведя, и это было лучшее решение проблемы. Просто-напросто за год тюрьмы мы привыкли к относительно комфортным бытовым условиям и, принимая во внимание неопределённость нашего будущего, было ещё неизвестно хорошо ли это или плохо. Последующие пять лет нахождения в плену пенитенциарной системы я непрерывно вёл упорную борьбу за качество быта, но добивался всегда переменного успеха, а иногда результат был вообще отрицательным.

Наша тюремная жизнь пошла своим чередом. Мы готовили и кушали, занимались спортом, читали книги и газеты, писали письма и ходатайства, смотрели телевизор, гуляли на прогулке. И разговаривали на ставшие уже привычными политические темы. Однажды в прогулочном дворике, где мы гуляли вдвоём Петя, находившийся под

впечатлением от очередного громкого дела милицейских оборотней, навязчиво освещаемого на всех информационных каналах, сказал мне:

- Слушай, Шульц, в последние годы часто можно увидеть по телевизору, как арестовывают и приговаривают к реальным срокам всяческих оборотней в погонах, включая даже генералов милиции. Быть может, таким образом, система всё-таки ищет пути внутреннего оздоровления, выполняя позитивную программу? Может Путин и не враг страны, раз он инициирует процессы против причиняющих большой вред людям оборотней и коррупционеров. Если он на самом деле хочет изменить страну в лучшую сторону, то на его пути находится немало преград, и они тормозят положительные изменения, препятствуют прогрессу и модернизации. Может не стоит винить во всех неудачах Путина, если он желает России добра?

- Нет, Петя, несерьёзно ты говоришь, - ответил я. – Давай сначала разберёмся с тем, что происходит сейчас с Россией. Многие серьёзные аналитики утверждают, что государство переживает сегодня не экономический, а системный кризис. То есть корень проблем находится не в одной лишь экономике, а во всех государственных и общественных институтах, в деградации общественной структуры. Коррупция является только одним негативным явлением из длинного ряда наших современных проблем. Можно выделить следующие угрожающее национальной безопасности проблемы – демографический кризис, рост преступности, пандемия наркомании и алкоголизма, снижение продолжительности жизни, низкий уровень доходов и безработица, техногенные катастрофы, терроризм. Согласно научным исследованиям существуют критерии определяющие качественные изменения людей в обществе. Это здоровье, материальное благополучие и духовная культура. Есть и количественные показатели, указывающие на характер развития общественной структуры, очень простые: улучшение здоровья определяется по долголетию, рост благосостояния – по доходам и валовой продукции на душу населения, а рост духовных и умственных качеств по сокращению преступности, нервных заболеваний, наркомании и алкоголизма. Так вот в России данные показатели давно уже имеют прогрессирующе отрицательное значение, наглядно свидетельствуя о массовом вырождении населения и деградации общественной структуры. Любые попытки остановить системный кризис с помощью одних репрессивных мер, изначально обречены на провал и Путин не может не знать этого. Давай обратимся к статистике и к конкретным путинским решениям. Например, за годы правления Путина число наркозависимых россиян увеличилось не менее чем в десять раз, что было связано в основном с ситуацией в Афганистане являющемся производителем 90% мирового героина. Американцы военным путём ликвидировавшие власть талибов тем самым способствовали многократному росту производства и снижению стоимости героина и дешёвый наркотик через страны бывшей советской Средней Азии – Таджикистан, Киргизию, Казахстан и Туркмению устремился в Россию. Какие же действия предпринял Путин, для того чтобы остановить смертельно опасную угрозу жизни и здоровью россиян? Да никаких почти. Ну провёл очередную бюрократическую реформу – из бывших милицейский отделов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (ОБНОН) сформировал единую службу названную Госнарконтролем. То есть просто дал новое название старой мусорской кормушке. Ну ужесточил наказание за торговлю наркотиками, - это борьба с последствиями, но не с причинами. А границы, через которые осуществляется ломающий тысячи жизней наркотрафик так и не перекрыли, и визовый режим с опасными странами не ввели. В результате мы имеем многомиллионную армию наркоманов – мощный источник преступности и неизлечимых болезней. А теперь давай обратимся к проблеме

алкоголизма. По данным Всемирной организации здравоохранения в России проживают примерно 40 миллионов людей страдающих этим заболеванием. Вроде достаточно для привлечения внимания президента? Ведь данная группа непосредственно влияет на рост дорожно-транспортных происшествий, преступности, смертности, душевных расстройств и динамика её увеличения является такой же угрозой национальной безопасности, как и стремительный рост числа наркозависимых. Однако по статистическим данным, доступность крепких спиртных напитков среднему гражданину за годы правления Путина увеличилась в несколько раз. Если в 90-е годы на среднестатистическую зарплату можно было купить 20 литров водки, то сегодня уже 80. И если повышение доходов связано с ростом цен на нефть, то низкие цены на алкоголь вызваны либеральной акцизной политикой государства возглавляемого Владимиром Путиным. Пить водку это политически лояльно и не угрожает конституционной стабильности – так считают в Кремле и продолжают спаивать наш несчастный народ. А наркомания и алкоголизм мало того, что являются сами по себе очень серьёзными проблемами отражаются также и на всём спектре прочих глобальных российских проблем – на демографии, на криминогенной ситуации, на снижении продолжительности жизни.

- Однако коррупция также отражается на уровне жизни – сказал внимательно слушающий меня Петя, - а проблемы употребления наркотиков и алкоголя игнорируют те самые коррумпированные чиновники, озабоченные набиванием своих карманов. И с ними начали активно бороться именно при Путине. Во время правления Ельцина об аресте высокопоставленных коррупционеров обществу и правоохранительным органам можно было только мечтать, а сейчас такие аресты перестали быть редкостью. Разве можно не засчитать Путину в актив столь явные достижения анти-коррупционной борьбы?

- Опять ты Петя не хочешь увидеть целостную картину процессов, хватаясь за не имеющие большого значения частности. Ну скажи мне, к чему приводят аресты российских коррупционеров? Очевидно только к увеличению сумм взяток и к большей собранности чиновников, к жёсткому отбору и постоянным перетасовкам в правящем классе. Так Путин достигает решения своей основной задачи – консолидации правящего класса и установления жёсткой дисциплины и иерархии внутри него. Делает то, чего партийными чистками добивался Сталин. Но цели Путина разительно отличаются от сталинских претензий на мировое господство. Президент обеспечивает лишь временную общественную стабильность в объёмах необходимых для беспрепятственного выполнения сырьевой функции России в глобальном мире. Стратегически Россия находится на полшага к последней бездне исторического небытия. А правящий класс подобно крысам бегущим с тонущего корабля стремится напоследок опустошить его трюмы, выжать последние соки из опустошённого тела страны. Иногда по телевизору можно услышать о том, что России не хватает национальной идеи, какого-то духовно-нравственного стержня вокруг которого смог бы объединиться и найти в себе силы к жизни народ. В отличие от наркотизированного и алкоголизированного народа, правящий класс давно уже нашёл свою идею. Это идея безудержного и ничем неограниченного обогащения путём присвоения находящихся в их распоряжении национальных ресурсов и использования для ограбления страны всех находящихся в их распоряжении рычагов власти. Вот посмотри, как, сняв с себя какие-либо социальные обязательства, государство принуждает граждан быть рентабельным, то есть забыть о государственной поддержке и самостоятельно выживать в нашей разорённой и нищей стране. Лишённые социальной защиты нерентабельные слои

населения – инвалиды, пенсионеры, учителя, дети, подвергаются в России дискриминации и настоящему геноциду, обрекаются на вымирание. Любые организации, включая школы, исправительные учреждения, военные части, детские сады и т.д. теперь настраиваются на получение прибылей от своей деятельности, так как экономические неэффективные субъекты в наше время просто не выживают. Также и чиновники всех уровней вне зависимости от своих личных моральных качеств оказываются частью огромного коррупционного механизма Системы обслуживания нефтяной трубы. Становясь, часть правящего класса этой системы, чиновник принимает идеологию коллективного эгоизма, ставящую интересы класса выше интересов народа или заменяется другим чиновником. Система насквозь коррумпирована, в основании её базовых ценностей находится коррупция, и любая борьба с ней без разрушения самой системы не может быть успешной.

- А разве любой простой человек окажись он на месте коррупционера-чиновника, поступил бы иначе? – Петя попробовал найти аргумент смягчающий вину коррупционеров. - Стремление к материальным благам всегда было сильно в людях. Да будь такая возможность, каждый бы брал взятки и извлекал бы прибыли из занимаемой им должности. Только тюрьма останавливает людей от совершения преступлений. И чиновники испытывают на себе такое же влияние социума, как и обычные граждане...

- Но это не освобождает правящий класс от ответственности за совершённые им преступления. И не всегда ответственность соразмерна преступлению особенно сравнительно с простыми уголовными делами. Чиновник, укравший миллионы государственных денег получает в худшем для него случае 5-6 лет тюрьмы, столько, сколько дают уголовнику за отнятый мобильник. Но самое главное я считаю понять корень проблемы, ведь только так можно выработать верное решение и не скатиться в плоскость бессмысленной и бесконечной борьбы против последствий, наподобие путинской анти-коррупционной кампании. На мой взгляд, чиновники просто рассматривают власть как свою частную собственность и подобно любому владельцу собственности стремятся извлечь из неё максимальную прибыль. Внутренние бюрократически-экономические взаимоотношения фактически приобрели феодальный характер, когда низшие чиновники получают за какие-то заслуги от высших часть власти в определённой подконтрольной государству сфере или на какой-то территории, а взамен приносят клятву верности «Единой России». Поэтому на лицах арестованных генералов из телевизора можно прочесть недоумение, ведь по неписанному кодексу властной корпорации они не совершили ничего неправильного. Вроде были политически лояльны, помогали «ЕдРу» чем могли, проводили политику Путина, укрепляли властную вертикаль и «крепили» оппозиционеров, а оказались в тюрьме за то, что каждый чиновник проделывает ежедневно! Арестовавшие их спецслужбы выполняют тут роль государевых верных опричников, иногда сажающих властолюбивых бояр в острог в профилактических так сказать целях. Чтобы класс в целом не расслаблялся и не забывал, что настоящий хозяин собственности и жизни вассалов находится в Кремле. Однако к реальной проблеме коррупции все эти показательные казни имеют весьма относительное отношение и, несмотря на аресты, новые люди, занимающие опустевшие кабинеты начинают набивать свои карманы с не меньшим усердием, чем их проколовшиеся предшественники. Невозможно изнутри реформировать изначально порочную систему, нельзя истребить кастовый дух стяжательства без уничтожения самой касты.

Той осенью Медведь делал в и без того белоснежной комфортабельной камере очередной ремонт. Внутренние отсекатели (решётки закрывающие доступ к окну) были им уже спилены (сколько пришлось заплатить за это, можно было только догадываться), а старые окна заменены на новенькие стеклопакеты, пол выровнен и покрыт красивым линолеумом, потолок побелён и на нём расположены многие маленькие светильники. На этот раз Медведь решил обеспечить камеру полноценным душем. Каждое утро «режимник» (сотрудник, занимающийся бытовыми вопросами зэков) закрывал в 780 двоих-троих рабочих, и они месили бетон и клали плитку для душа. До поры до времени для меня оставалось загадкой, каким образом Медведь сможет решить проблему отсутствия горячей воды. Дело в том, что на втором кресте, где мы сидели, то есть во втором крестообразном корпусе СИЗО с пятым, шестым, седьмым и восьмыми корпусами, горячей воды в камерах не было, хотя на первом кресте горячая вода имелась в каждой камере. Выяснилось, что вода в камеру 780 будет поступать по специально проложенной металлопластиковой трубе аж из самого расположенного в глубине подвала тюремного душа.

Во время подготовительной работы выравнивая место для будущего фундамента душевой кабинки рабочие разворотили бетонное покрытие вокруг унитаза и на несколько дней в полу появилась небольшая дыра сначала не вызвавшая нашего внимания. Рукотворное отверстие открывало проход к щелям между прогнившими перекрытиями, откуда несло сыростью и тленом. На второй день из дырки тихо вылезла серая крыса, внимательно огляделась по сторонам и снова скрылась в полу, чтобы появиться с наступлением ночи.

Итоги ночного набега мы обнаружил утром – истерзанная палка сервелата валялась на полу рядом с пищеблоком, пряники из порванного пакета рассыпаны вдоль стены. Не составило труда обнаружить крысиный ход, и можно было просто заделать дыру; но мы предпочли попробовать поймать ночного грабителя наших пищевых запасов. Охота на крысу разнообразила нашу жизнь, превратилась в весёлое развлечение для скучающих в неволе зека.

Поздним вечером я расположился на пуфике у двери в пяти метрах от крысиной норы, в зоне её прямой видимости. Петя притворялся спящим, Медведь дремал. Свет был выключен за исключением маленького ночного светильника. В свете ночника я читал написанную Даниэлем Галеви биографию Фридриха Ницше, периодически поглядывал в сторону норы и старался не шуметь. Ждать пришлось недолго. Острая мордочка скоро высунулась из дыры и, принюхиваясь, замерла. Бежать к пищеблоку крыса не торопилась, видимо что-то заподозрив.

Крысы – удивительно умные создания. О них немало слышал я историй от своей покойной бабушки, работавшей в послевоенные времена на питерских продовольственных складах. Часто приходилось встречаться с этими тварями и на подвальном уровне буддийского дацана охраняемого нами от недружественного присоединения бурятской общиной. Крысы осторожны и любопытны, упорны и хитроумны. Они стремятся к своим целям неуклонно и настойчиво, проявляя немалую выдержку и хладнокровие.

Крестовская крыса оказалась не менее умна, чем её вольные собратья. Её не ввела в заблуждение мнимая тишина в камере, она мгновенно раскусила наши агрессивные планы, и словно интуитивно почуяв опасность, скрылась в дыре. С моего места её больше было не видно, но я знал, что в темноте маленькой норки, под полом она притаилась в ожидании, когда опасность пройдет, и путь к еде освободится.

Вглядываясь в темноту, я словно видел смотрящие на меня маленькие блестящие глазки и старательно изображал статую, стремясь обмануть хитрое прожорливое существо. Ждать пришлось долго. Минут через 40 острая мордочка вновь показалась из норы, но длинное серое тельце появившееся вслед за ней вовсе не направилось к пищеблоку, где я притаился в засаде. Крыса пошла в сторону Медведя! Под кроватью там стоял один из баулов Виктора, и я сразу догадался, что заинтересовало грызуна. В огромном бауле набитом самыми разнообразными бытовыми принадлежностями Медведь хранил и небольшую сумку с шоколадом, которую он иногда любовно называл своим стратегическим запасом. Там было собрано несколько килограммов плиточного шоколада и, зная об увлечении Медведя, я бывало, сам дарил ему получаемый в передаче шоколад. Больше ничего съестного в бауле не было, и это означало, что крыса идёт за шоколадом целенаправленно, скорее всего, по итогам проведённой заранее разведки.

К тому времени Петя похоже на самом деле заснул, также как и Медведь. Мне предстояло поймать грызуна самому. Я решил немного переждать. Мне было неясно, как крыса собирается проникнуть в закрытый баул и, не шевелясь, я следил за ней, не покидая места. Хватаясь зубами и когтями за свисающие ручки закрытого баула, крыса забралась на него и вдруг пропала. Она смогла попасть вовнутрь благодаря не до конца незакрытой молнии застёжки – чья-то халатность помогла грызуну получить вход в хранилище Медвежьих лакомств. Не теряя времени, я подбежал к баулу и закрыл молнию до конца. Крыса оказалась в ловушке! Я разбудил сокамерников.

- Мой шоколад! – взволновался Медведь, услышав о том, что в бауле со стратегическим запасом находится крыса. – Она же съест мой шоколад! – он рывком выдернул баул из-под шконки, посмотрел на нас, – Готовы? - и быстрым движением расстегнул молнию.

Петя держал в руке швабру, а я собирался ударить крысу ногой, как только она выпрыгнет из баула. Однако мы недооценили её проворности и быстроты. Крыса выскочила стрелой, со скоростью экспресса. Мы не успели даже что-то понять, как зверёк прыгнул в сторону туалета, промчался между Петиних ног и спрятался в дыре, оставляя нас в дураках. Той же ночью, чтобы успокоить Медведя волнующегося о сохранности шоколада, мы заделали крысиный лаз.

Кресты: 780 – 721 – 780 – 721 (начало)

Уже давно кончилось лето, прошёл первый месяц осени и как-то незаметно наступил октябрь. Температура воздуха с каждым днём понижалась, солнце надолго пропадало за плывущими по небу тёмными тучами, а в прогулочный дворик начали залетать со свободы жёлтые кленовые листья. Наступление осени было для меня знаковым событием – в конце октября исполнялся год моего ареста. Как же быстро, неуловимо бежит время! Прошёл год тюрьмы, но было такое внутреннее ощущение, словно арестовали меня только позавчера и я всё тот же ещё не смирившийся с реальностью ареста невесёлый человек, впервые вошедший в тюремную камеру, для того чтобы остаться в ней на долгие-долгие годы. Часто люди задумываются о жизненных итогах в конце декабря, под новый год, для меня же равнодушного к новогодним праздникам, таким днём стала годовщина ареста. В те дни мои мысли приобретали печальные интонации пожизненно заключённого. Я никогда не проклинал свою судьбу и не

сожалел о прошлом, но иногда начинал пугающе реалистично видеть, как с каждым бесцельно прожитым в заключении днём жизнь проходит мимо, тогда, как тюремное существование всё более напоминающее плохо сыгранный спектакль заполняет меня без остатка.

24 сентября умерла французская писательница Франсуаза Саган, и это неприятно поразило меня. Только недавно я прочитал превосходный роман «Здравствуй, грусть» написанный ей в восемнадцать лет, и едва проникся его зарядом – беспечным духом торжествующей юности, как Франсуаза умерла и вместе с ней умерла в моём сознании мечта о вечной молодости, беспочвенная иллюзорная надежда. Смерть Франсуазы я воспринял как продолжение череды смертей великих женщин XX века открытую уходом Лени Рифеншталь в позапрошлом году и смертью Астрид Линдгрэн в прошлом. Хрупкость человеческого организма и равенство всех перед смертью в тюрьме казались очевиднее, чем где бы то ни было.

Каждый понедельник Стебенёв устраивал приёмный день. Он занимал корпусную и вёл переговоры с центровыми зэками из закреплённых за ним камер – с теми, кто решал с ним вопросы. По одному, авторитетов выводили и вели к оперативнику. За взятки там принимались важнейшие решения о переездах в новые камеры, о затягивании нужных людей и сливах ненужных, о различных льготах и послаблениях режима. Каждый понедельник Медведь называвший оперативника просто Димоном по часу-полтора пропадал на приёме. И как только Стебенёв вернулся из отпуска, старый бандит сразу же отправился к нему. Вернулся он возбуждённым.

- Вить, что там по нашему вопросу? - спросил Петя, но Медведь отмахнулся от него.

- Собирайся сына, вечером переезжаешь, - обратился он ко мне.

- Куда, зачем, почему? – спросил я неприятно удивлённый перспективой оказаться неизвестно где.

- Короче говоря ситуация такая, на централ приезжает комиссия – генералы из Москвы. Димон шугается и на всякий случай хочет разделить Ромку с Володькой. Они ж подельники, понимаешь, им сидеть вместе по инструкции не положено! Поэтому Ромарио переведут пока к нам, а тебя к Володьке.

- А что никого другого нельзя к нему перевести, почему именно меня переводят? – поинтересовался я, уже не волнуясь.

- Так Володька захотел, скучно ему так он решил с тобой пока посидеть, умняки твои послушать, - засмеялся Медведь, превращаясь в оскаленного хищника. – Да не парься особо, через неделю комиссия уедет, и тебя переведут обратно. Тогда уж и решим ваш вопрос по поводу отдельного жилья.

Небольшое тюремное путешествие я воспринял как разнообразящее серый тюремный быт развлечение, однако сама ситуация давала понять незащищённость любого арестанта вне зависимости от его авторитета и возможностей. Под пресс мог попасть абсолютно любой, и иллюзорная вседозволенность коммерческой тюрьмы могла моментально смениться исходящими сверху репрессиями. Так уже четвёртый год сидевшие вместе подельник Рома и Володя не могли и предположить, что после этого разъезда они никогда больше не увидятся.

Володя сидел в камере 721 – самой, на мой взгляд, тихой хате Крестов. Она находилась на первой галерее седьмого корпуса, в самом конце коридора. Напротив

было несколько камер занятых под хозпомещения – кладовки и т.д. Звукопроницаемый подвесной потолок изолировал «7.1» от находящихся выше галерей, и в 721 было непривычно тихо. Учитывая, что галерея «7.1» предназначалась для содержания пожилых инвалидов, покой бандитов был стабильно ограждён от непрерывного шума раздающегося на всех других галереях СИЗО. Последние камеры на корпусах крестов всегда намного больше стандартных камер. Обычно это «полупорки», то есть шестиместные камеры площадью примерно в полтора раза больше обычных (18 м² вместо 12 м²), либо двойные камеры как у Медведя. Володя и Рома сидели вдвоём в полупорке, и это красноречиво указывало на их высокий тюремный статус, если принимать во внимание, что в среднем на каждого арестанта в Крестах приходилось по 3-2 квадратных метра.

Как только я вошёл в камеру, Вова сказал мне, что воспользоваться его телефоном у меня не получится, так как он опасается прослушек, ведь моё имя сейчас на слуху у спецслужб, а он ведёт со своего телефона важные деловые переговоры, о которых правоохранительным органам знать не стоит. Я согласился с ним, тем более что у меня был свой мобильник – старенькая «Нокиа».

Вова был высоким под два метра ростом светловолосым и голубоглазым крепким парнем. Он не курил, принципиально не употреблял алкоголя и наркотиков, регулярно занимался спортом, отличался высокой эмоционально-психологической устойчивостью, острым аналитическим умом, большой физической силой, жёстким характером и спокойным хладнокровием поступков. Рому и Володю уже давно осудили – за двойное убийство приговорили соответственно к 19 и 20 годам колонии строгого режима, но никакого заметного волнения по поводу огромного срока мне увидеть не удалось. По-видимому, крепкая дружба с подельником Ромой была для Володи одним из средств сохранения воли к жизни, и оттого временный разъезд с приятелем он воспринял крайне негативно, хотя старался и не показывать этого. В отличие от Медведя он иногда читал, и о его характере и интересах можно было судить по книжной полке камеры 721. Помимо Уголовно-Процессуального Кодекса видное место там занимала книга Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» и самурайский кодекс «Бусидо». Он был очень серьёзным и авторитетным человеком, по мнению обвинения, являлся участником тамбовского ОПГ. Согласно приговору, бывшего спортсмена, гендиректора и муниципального депутата Володю признали виновным в бандитизме, незаконном хранении оружия и убийстве. При этом в отношении первого предъявленное Володиной группе преступления – подготовки покушения на известного криминального авторитета Костю Могилу, он был оправдан. Сам он считал свой арест результатом гонений обрушившихся на питерских авторитетных предпринимателей после убийства Галины Старовойтовой. Нашумевшее убийство депутата Госдумы вызвало волну задержаний и арестов жителей Петербурга, подозреваемых в связях с организованной преступностью, и многие бандиты оказались в местах лишения свободы именно в результате последовавших за убийством массовых оперативно-профилактических действий силового ведомства. Сотни шитых белыми нитками дел тогда направлялись в суды, и Володино дело не являлось исключением. Я не особенно интересовался фактическими обстоятельствами его «делюги» - такое поведение в тюрьме считается неприличным, но он сам рассказал мне о некоторых моментах наглядно характеризующих качество отечественного «правосудия».

Одна из вменённых Володе статей предусматривала уголовную ответственность за незаконное хранение оружие. Единственным доказательством совершения этого

преступления был допрос хозяина снимаемой им квартиры. Хозяин поведал суду, что несколько раз приезжал к Володе за причитающимися ему деньгами и во время визита обратил внимание на идеальную чистоту и порядок, как будто в квартире никто и не живёт. Какой же вывод сделал из этого суд, спросите вы? Городской суд Санкт-Петербурга решил, что данные показания подтверждают факт хранения Володей оружия. Раз не жил там то зачем снимал квартиру? Конечно, для того чтобы хранить в ней оружие. Такова была странная логика профессиональных судей. Естественно само оружие суду предоставлено не было и вообще его наличие только предполагалось. Одно предположение строилось на другом, типа, если предположить что именно участники банды расстреляли потерпевшего бизнесмена, то можно предположить, что у них было оружие, из которого они его расстреливали, а значит можно предположить, что они его незаконно хранили и вменить им статью. Вся же доказательная база была основана на показаниях раскаявшегося исполнителя заявившего, будто во время стрельбы по заказанному бизнесмену он дал очередь не в цель, а поверх его головы, так как «не хотел становиться убийцей». Бизнесмен кстати был всё-таки застрелен, но поскольку ссучившийся киллер по собственному бездоказательному заверению стрелял в воздух, всю ответственность за убийство понёс его поделщик. Володе же вообще никого не трогавшего вменили организацию убийства и участие в банде, а в довесок статью за хранение оружия. За условный срок «раскаявшийся» киллер был готов назвать организатором любого человека указанного сотрудниками РУБОПа, и он назвал Володю.

Завтра должно было состояться очередное заседание, и вечером я готовился к суду, составляя ходатайство об исключении из дела экспертизы Гиренко. Скучающий Володя решил узнать, чем я занимаюсь

- Что пишешь скинхэд? – поинтересовался он, уставившись на меня как всегда весёлыми, смеющимися глазами.

- Да вот ходатайство пишу о вызове эксперта в суд, - ответил я, улыбаясь в ответ.

- Ого! Так ведь пристрелили эксперта вашего! – с хитринкой прищурившись, сказал авторитетный предприниматель. – Какой смысл вызывать в суд мертвеца, если всё равно откажут?

- Правильно, в этом моя цель, - попробовал я объяснить логику моих действий, - как только мне откажут в вызове эксперта, я заявлю другое ходатайство – об исключении из дела его экспертизы. Просто в УПК есть норма, предусматривающая вызов эксперта для ответа на возникающие у сторон вопросы относительно его экспертизы. Если невозможно получить ответ на возникший у меня вопрос, а такой ответ, разумеется, может дать только сам эксперт, то пусть на фиг убирают из дела саму экспертизу.

- И чего ты добьёшься этим? Проведут новую, если эту и вправду исключат, - не понимал Володя, - и новая экспертиза наверняка покажет тот же результат. Какой смысл в таком случае заострять на ней внимание суда?

- Во-первых, мне совершенно не важны выводы экспертного заключения, потому что моя защита основывается на доказывании моего неучастия в распространении изданий, ведь только распространение образует в данном случае состав преступления, - объяснил я. – Во-вторых, ситуация с мёртвым экспертом на мой взгляд создаёт некий юридический казус способный заставить сторону обвинения поволноваться и наделать ошибок, особенно принимая во внимание низкий уровень юридической компетентности прокуроров. В-третьих, если дело затянется, то возможно уголовное преследование по

статье вменённой мне за печатные издания будет остановлено в связи с истечением срока давности. Ну, и, в-четвёртых, это для меня принципиальный вопрос. Добиться исключения экспертизы Гиренко уже после его смерти стало бы настоящим подарком и для меня самого и для всего нашего движения.

И всё-таки Володя не мог до конца понять мои мотивы и тогда я просто сказал ему:

- Завтра я добьюсь паблисити, вот увидишь. И это будет плевок на крышку гроба Гиренко. Потому что общественное мнение посчитает, будто убийство эксперта по экстремизму дало мне в руки козыри на процессе. А когда прокуроры захотят эти мифические козыри у меня отобрать, я покажу всем цинизм и беспринципность стороны обвинения, выведу на чистую воду ложь прокуратуры. Это будет превосходный отвлекающий маневр, ставящий под сомнение законность будущего судебного решения.

Судебное заседание 24 октября 2004 года

Уже привычно утомительная поездка отметилась всё теми же неудобствами, превращающими недалекие, по сути, переезды из следственных изоляторов в суды в мучительное испытание эков на выносливость. Ключевые моменты судебных поездок – ранний подъём, утренний холод, полумрак и грязь собачника, прокуренность атмосферы, неудобство бетонных сидений, теснота и духота автозака – неизменны и, насколько мне известно, остаются таковыми в Санкт-Петербурге до сих пор. Я понемногу адаптировался к условиям конвоирования, но полностью привыкнуть не мог, так как это означало бы превращение в бесчувственное и равнодушное по отношению к самому себе существо с атрофированным достоинством и самоуважением. Меня больше не сажали в одиночный стакан для особо опасных, но перед отправкой обычно надевали наручники и всю дорогу, упёршись ногами в стену, я пытался сохранять вертикальное положение, дабы не упасть на пыльный пол, не испачкаться и ничего себе не сломать. В зале судебных заседаний я появлялся уже в состоянии десятков раз подряд выкинутого из поезда на полном ходу человека и смотрел на участников процесса широко раскрытыми недоумевающими глазами.

Пол года я не был в суде, ожидая и проходя психиатрическую экспертизу, но ничто не изменилось здесь, как будто с последнего заседания прошёл лишь день. Семь адвокатов и два прокурора, судья, секретарь, пятеро подсудимых на подписке, группа сотрудников спецслужб – состав собравшихся был стабилен и функционален. Слушание началось заявлением ходатайств.

- Прошу вызвать в судебное заседание и допросить эксперта Гиренко, - обратился я к Ждановой и Бундин заёрзал на стуле, а адвокаты дружно переглянулись, пожимая плечами.

- Но он погиб, разве вам не известно об этом? – промолвила Жданова недоверчиво.

- Тем не менее, прошу дать ответ на моё ходатайство, - настаивал я.

- Ну, хорошо. Суд постановляет отказать в заявленном ходатайстве в связи со смертью эксперта Гиренко Н.М.

- В таком случае я прошу исключить заключение эксперта Гиренко Н.М. из материалов уголовного дела в связи с невозможностью его вызова и допроса, поскольку нарушается моё право требовать ответ на возникшие у меня относительно экспертизы вопросы, - заявил я, действуя по плану.

- Поддерживаю ходатайство моего подзащитного и прошу принять экспертизу, проведённую Гиренко Н.М. недопустимым доказательством и исключить её из числа доказательств по основаниям, изложенным в моём письменном ходатайстве, - поддержал мою позицию мой адвокат и передал судье заранее подготовленное ходатайство.

- К делу приобщается ходатайство адвоката Прокофьева Н.А., согласно которому, при назначении социально-психологической экспертизы следователем было допущено нарушение требований части 1 статьи 57 УПК РФ, которая гласит, что эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Поскольку, социальная психология – отрасль науки, изучающая закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные фактором их принадлежности к социальным группам, а также психологические характеристики этих групп, то назначенный эксперт должен обладать необходимыми познаниями именно в этой области науки. Однако, как видно из экспертного заключения, социально-психологическая экспертиза была поручена эксперту Гиренко Н.М. старшему научному сотруднику Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, кандидату исторических наук по специальности этнология (базовое образование – востоковед – филолог), который специальными познаниями в области социальной психологии не обладал. Более того, как видно из того же экспертного заключения эксперт Гиренко Н.М., имея поручение следователя на проведение социально-психологической экспертизы, по собственной инициативе, без поручения следователя, провёл социогуманитарную экспертизу, о чём и указал в заключении. Таким образом, указанное доказательство получено с нарушением требований действующего уголовно-процессуального закона и, следовательно, является недопустимым.

Реплику прокурора на заявленные ходатайства пришлось ждать несколько минут. Растерявшийся Бундин отчаянно перебирал какие-то бумаги, пыхтел и морщил лоб и в итоге выдал жалкое признание:

- Прошу рассмотрение данного ходатайства отложить, так как на данный момент я не могу ответить обоснованно оно или нет.

- Суд постановил для подготовки государственного обвинителя перенести рассмотрение ходатайства в следующее судебное заседание

Следующее ходатайство поступило от подсудимого Мадюдина. Он подошёл к судье и попытался передать ей какой-то листок бумаги. Это было прямое процессуальное нарушение, поскольку все документы в суде должны, открыто оглашаться и обзреваться, и судья не взяла у него листок.

- Что это такое? – возмутилась она. – Будьте любезны, озвучить ваше ходатайство!

- Ну, я, прошу приобщить к материалам уголовного дела справку из 18 отдела УБОП ГУВД Санкт-Петербурга о сотрудничестве с оперативными органами, - стесняясь, сказал Мадюдин.

- У кого-нибудь есть возражения? - спросила Жданова, обведя взглядом зал.

Возражений не было, и судья постановила удовлетворить заявленное ходатайство. Слово взял прокурор Бундин:

- Прошу продолжить исследование доказательств по делу и обозреть вещественные доказательства. Допрос свидетелей я полагаю необходимым провести по ходу обозрения вещественных доказательств.

- Суд постановляет обозреть вещественные доказательства по делу №724146, - сказала Жданова, и прокурор подошёл к стоящим на столе рядом с судейской кафедрой двенадцати опечатанным картонным коробкам с изъятыми при обысках вещами.

Поскольку процесс над «Шульц-88» был политическим, в качестве вещественных доказательств по делу выступали не какие-то запрещённые к гражданскому обороту предметы, использовавшиеся для совершения преступлений, а в основном информационные носители. Мы совершили мыслепреступление и орудием его совершения были книги, газеты, журналы, листовки, аудио- и видеокассеты, CD и DVD-диски, фотографии. Также прокуратура посчитала доказывающими нашу вину и такие предметы, как складной нож с костяной ручкой, лист бумаги с изображением танка, карта из фантастического романа.

Распечатав одну из коробок, Бундин достал изданную Ш.88 брошюру славянского просветителя Доброслава «Язычество как духовно-нравственная основа Русского Национал-Социализма». Для дачи комментариев он вызвал в зал одного из свидетелей-стукачей. Показав ему, титульный лист брошюры, украшенный изображением славянского коловрата, он спросил свидетеля:

- Свидетель Ж., это и есть эмблема Ш.88 – свастика?

- Думаю, да, - подумав, ответил стукач.

- Это текст Доброслава? – спросил Бундин

- Да.

- А кто такой Доброслав?- прокурор пытался получить от свидетеля хоть какую-то информацию.

- Он живёт в Сибири, - наконец выдал из себя информатор спецслужб.

- Вам про него что-нибудь ещё известно?

- Нет, - ответил «свидетель» и Бундин прекратил допрос.

Продолжая шарить в коробке, прокурор достал 32 билета на концерт группы «Коловрат» посмотрел на них и убрал обратно. Видимо даже в прокурорской голове пачка билетов на концерт не совмещалась с доказательством нашей вины в преступлениях направленных против государственной власти и конституционного строя РФ. Следующим он достал издаваемый Ш.88 журнал «Made in St-Petersburg» и вызвал для дачи показаний свидетеля Бойко:

- В связи с осмотром вещественных доказательств прошу дополнительно допросить свидетеля по делу Бойко Г.В.

Как всегда сидевший в уголке Бойко подошёл к свидетельской трибуне с таким торжественным видом точно как у чиновника возлагающего венок к могиле Неизвестного Солдата.

- По поводу предоставленных вами журналов «Made in St-Petersburg» №1-4 и «Гнев Перуна» №5, что вы можете пояснить? – начал допрос прокурор.

- Журналы были добыты мной оперативным путём, - рассказывал Бойко, – приобретены во время контрольной закупки у распространителя рядом с метро «Гостинный двор». Журнал «Made in St-Petersburg» по оперативной информации издавался Бобровым Д.В.

- Поясните по поводу журнала «Гнев Перуна» №5, - уточнил прокурор.

- Где он печатался, мы сейчас пытаемся выяснить. Некоторые статьи написаны Бобровым Д.В., имена авторов других статей пока не представляется возможным узнать. Сам журнал создавался Бобровым вместе с Алексеем Б. – лидером экстремистской группировки «Кровь и Честь». Журнал находился на диске у технического специалиста связанных с Шульцом экстремистских группировок В.Л. – по прозвищу «Совесь 18». По указанию Боброва «Совесь 18» занимался вопросами верстки, оформления и печати экстремистских изданий. Потом этот диск оказался у бывшего участника «Шульц-88» Д. Боровикова и он издал журнал.

- Свидетель Бойко, откуда у вас информация, что Бобров участвовал в издании журналов? – спросила Жданова.

- Изначально была оперативная информация. Потом это стало известно из объяснений свидетелей. Также при обыске в квартире Боброва были на компьютере обнаружены набранные тексты статей опубликованных в журнале «Гнев Перуна». Они были подписаны Шульц.

- Вы полагаете, что Шульц - это Бобров?

- Впервые это было установлено из записной книжки Воеводина, в которой было написано «Шульц» и номер телефона. По базе мы установили адрес, фамилию и инициалы Боброва.

В ходе обозрения вещественных доказательств изъятая у подельника Алекса карта с изображением полуострова Крым особенно заинтересовала прокурора.

- Подсудимый Вострокнутов, эта карта принадлежала вам? – спросил он.

- Да, это мои вещи, - ответил Алекс.

- А что это за карта?

- Это из фантастического романа, в котором Гитлер выиграл войну, - объяснил Алекс и больше вопросов Бундин не задавал.

После заседания я сидел в конвойке вместе с мелкими воришками, наркоманами, попавшимися с «порошком» и сидящими за «бытовуху» красно-фиолетовыми алкашами. Такие дела судьи рассматривали быстро – за 1-2 заседания, и с каждой поездкой публика менялась, привнося новизну и разнообразие. Иногда в соседних камерах закрывали девушек-арестанток, и зэки флиртовали с ними, переговариваясь сквозь решётку и перекидывая записочки. Среди девчонок многие были наркоманками, некоторые сидели уже не в первый раз и вполне освоили развязный зэковский тон. Они мастерски матерились, сыпали жаргонизмами и вызывали у меня стойкое отвращение. Конвоиры часто подходили ко мне, интересовались деталями дела и судебными перспективами, отзывались обычно одобрительно, но что-либо определённое я им сказать не мог и избегал душевных разговоров. Один из постоянных конвойных

выражал ко мне особенный интерес, поскольку был другом моего друга. Он передавал мне посылки с воли, и иногда приводил и запирали в моей камере товарищей приходивших для обсуждения нетелефонных тем. Большую же часть времени я лежал на деревянной скамейке и дремал, досматривая ночные сны. Меня обычно запирали в отдельную камеру, и единственная скамейка находилась в полном моём распоряжении. Разве мог я предположить, что ещё в течение года буду вынужден лежать на этой скамье в перерывах между бесконечными судебными заседаниями?

Следующее слушание назначили на конец ноября.

Кресты: 780 – 721 – 780 (окончание)

Вечером, снова оказавшись в камере 721, я, как обычно после судилищ, валился с ног от усталости. Володя, пивший чай с тортом, и смотревший телевизор оживлённо приветствовал меня.

- Сейчас анонсировали сенсацию в Ленинском суде! – сказал он, словно не доверяя увиденному. – Похоже ты был прав, твоё ходатайство о вызове мёртвого Гиренко произвела эффект разорвавшейся бомбы! По всем каналам только об этом и трещат!

Налив себе горячего чая я сел на край стальной кровати и попивая бодрящий напиток, стал просматривать новостные выпуски. Местные каналы наиболее активно осветили прошедшее судебное заседание и, изобилуя различными версиями развития событий, обратились за комментариями к моим старым знакомцам – участникам процесса. Одетый в синий мундир прокурор Бундин, чьё лицо украшали блестящие круглопрямоугольные очки без оправы, собираясь с мыслями, издавал невнятное протяжное «э» и говорил о предположительных результатах моего ходатайства неопределённо и расплывчато. Солидный Адалашвили в хорошем чёрном костюме вещал, уверенно склоняя слушателей к мысли о скором исключении экспертизы Гиренко из материалов дела. Другие адвокаты говорили более взвешенно и осторожно. Все соглашались только с тем, что мои права действительно нарушаются и сторона обвинения должна это нарушение исправить, пока ещё неизвестно каким способом. Для журналистов неожиданное ходатайство стало информационным поводом напомнить о личности Гиренко и о его неожиданной смерти воспринимавшейся как грозный знак-предупреждение всем антифашистам старого поколения со стороны радикального подполья. Фотография очкарика-эксперта с чёрной траурной полоской сменялась снимками его скромной могилки и кадрами с митинга питерских африканцев-антифашистов. Негры держали в руках фотопортреты убитых за последнее время иностранцев, и над фотографиями многих чёрных лиц возвышался плакат с единственной фотографией белокожего – Гиренко - страстного друга питерских негров. Африканец с толстыми на треть лица губами чуть не плача рассказывал о том, каким хорошим человеком был Николай Михайлович, как он помогал неграм, как их любил. Потом показывали нечёткие фотографии с неизвестными молодыми людьми позирующими на фоне красного флага со свастикой, показывали кадры, на которых группу закованных в наручники ребят выводили из зала судебных заседаний и говорили, что основная версия следственных органов связана с анти-экстремистской деятельностью учёного. Поскольку его последней работой в качестве эксперта горпрокуратуры была экспертиза по моему делу, название «Шульц-88» склонялось журналистами на все лады, вплоть до прямых утверждений, что наша группа причастна

к совершению преступления. В общем, в течение вечера я пожинал плоды затеянной мной информационной провокации, и думаю случившееся отразилось и на самом исходе процесса.

Ночью я спал и видел прекрасные сновидения, и даже ночное похолодание не смогло придать моим снам негативное направление. То было иллюзорное ощущение возврата утраченной возможности влиять на свою судьбу - чувство, иногда посещающее в судах новеньких узников и мгновенно распадающееся как злая насмешка при встрече с неизбежной и суровой реальностью уголовного судопроизводства.

Утром я ещё спал, когда Володя куда-то ушёл по делам. Если я пишу, что человек ушёл, не стоит это понимать так, будто он просто взял, вышел и камеры и пошел, куда глаза глядят. Для того чтобы «открыться» нужно сначала высунуть голову в кормушку и позвать корпусного. Целыми днями на тюремных галереях раздаются громкие призывы наподобие: «Корпусной! Подойди к камере 721!». Но четырёхэтажный корпус довольно велик, а корпусной всегда занят и может не слышать твоего призыва. Чтобы он наверняка подошёл к камере проще всего позвать какого-нибудь слоняющегося на галерее рабочего и попросить его дойти до корпусной и передать корпусному просьбу подойди к соответствующей камере. И вот, наконец, сотрудник подошёл к двери и между вами происходит короткий разговор. «Давай откроемся, командир», - просит зэк, передавая корпусному денежку, и тот открывает камеру. При этом авторитетные арестанты обычно платят не за каждую прогулку по корпусу, а покупают месячный абонемент. Утром с началом новой смены их ежедневно открывают уже автоматически. Однако корпусной может обеспечить свободу передвижений арестанта только в пределах корпуса. Если есть необходимость прогуляться на другой корпус, нужно договариваться с другим корпусным.

То, что я называю прогулками, таковым является лишь отчасти. Просто прогуливаться по галереям – занятие малоинтересное, так как тут нет ни окон, ни каких-то интересных мест – только деревянные дорожки вдоль тянувшихся одна за другой обитых железом дверей, узкая железная лестница, связывающая галереи между собой, корпусная в начале третьей галереи и рядом с ней квадратный стальной стакан. Авторитеты открываются не из абстрактной любви к прогулкам, а по вполне прозаическим причинам – для решения деловых вопросов и общения с себе подобными. Упакованные в стандартные спортивные костюмы бандиты толпятся днём на галереях и решают массу «насуточных» вопросов относительно затягивания запретов, переездов тех или иных людей, выбивания долгов и т.д. Они подходят к разным камерам и через кормушку разговаривают с арестантами, договариваются о чём-то с рабочими, «перетирают» что-то с операми. Иногда представители какой-то определённой ОПГ устраивают прямо посреди корпуса коллективный разговор-совещание больше похожий на воровской «сходняк», хотя присутствующие не имеют, как правило, никакого отношения к ворам и выглядят как обычные спортсмены, которыми в основном и являются. Среди них немало бывших боксёров и борцов, рукопашников, бывших спецназовцев и десантников, призёров разнообразных спортивных соревнований. На седьмом корпусе даже сидел в описываемое время один бывший олимпийский чемпион.

Спортсмены надёжно контролируют теневую жизнь коммерческого централа, но ещё не до конца растраченную силу имеют и сторонники старого воровского движения. Их не так часто можно увидеть гуляющими по галереям, однако они непрерывно напоминают о себе многочисленными «прогонами». Система поддержки воровских традиций имеет строгую иерархию. «Смотрящий», то есть координатор воровского движения есть на

каждой галерее. Четверо смотрящих за галереями находятся в подчинении смотрящего корпуса. Выше всех стоит положенец централа координирующий действия десяти смотрящих корпусов. Также есть и отдельные специфические координаторы, отвечающие за отдельные направления движения. Например, «смотрящий за медикаментами» или «смотрящий за игрой». На каждом корпусе есть так называемая «общая камера», где обычно и сидит смотрящий за корпусом. В камере концентрируется «общее» и отсюда же оно распределяется по нуждающимся. Тюремное общее состоит в основном из запасов чая и сигарет, которые на добровольной основе выделяются арестантами из полученных передач. Также общее наполняется и из исходящего с воли «грева» передаваемого уже освободившимися или ещё не заехавшими сторонниками движения. Движение это называется «чёрный (либо воровской) ход» и считается, что каждый его сторонник может в будущем стать вором в законе, если, естественно, не нарушит какой-либо пункт неписаных тюремных правил. Согласно этим правилам арестантам нельзя заниматься «беспределом», то есть самостоятельно бить кого-либо, «вымогать» у сокамерников деньги, сотрудничать с администрацией, проявлять неуважение к ворам и воровским понятиям. Считается, что только воры или поставленные ими люди могут «спрашивать» с человека и наказывать его; в случае возникших противоречий и конфликтов арестанты обязаны обращаться к блатным, которые одни уполномочены решать, кто поступил неправильно. Таким образом, черноходы контролирующие распределение и сбор стратегических арестантских запасов – общее и назначившие себя судьями в меж-арестантских разборках, стремятся к получению реальной власти над большинством заключённых.

Для напоминания о себе черноходы постоянно рассылают по галереям и корпусам так называемые прогоны. Это лист бумаги обычно свёрнутый в трубочку и спрятанный в футляр. На нём написаны требования блатных, информация общего характера для вновь заехавших арестантов, призывы не забывать об общем, отчёты о том, кто, как и за что блатными на централье наказан и т.д. Прогон обычно передаётся через все камеры поочередно, сбоку листа есть графа с номерами камер и, прочитав прогон, зэки ставят галочку (чтобы смотрящий был в курсе, какие камеры прочитали прогон) и иногда короткий комментарий наподобие «одобряем!» или «ознакомились». Некоторые прогоны пишут смотрящие и так и подписываются под ними, например, «смотрящий за 7 корпусом Махмуд», или «смотрящий за игрой Джаба»; в основном пишут собственно сами воры. Такой прогон так и называется воровским и это высший документ в черноходской системе, за утрату которого могут быть применены серьёзные кары. Написаны прогоны особым языком напоминающий архаическую славянскую речь или церковные писания. Специальная грамматика и стилистика, особенные слова прогонов, по-видимому, являются частью традиций тщательно сохраняемых ворами. Прогоны наполнены специфическими выражениями, например, тюрьма называется «Дом Наш Общий», приветствиями-призывами наподобие «Жизнь Ворам!» и необычными пожеланиями «Свободы золотой!», «Фарту!», «Всех Благ!» (характерно, что под благами, помимо свободы, понимается преимущественно курево, чай и наркота). В принципе прогоны можно назвать квинтэссенцией воровской идеи – они содержат и передают в печатном виде основные понятия и правила чёрного хода.

Володя ушёл, а я продолжал лежать на кровати, потягиваясь от сладостных и мягких ощущений отдыхающего после неудобств этапа измученного тела. В камере повисла тишина – редкая для огромной тюрьмы диковина. Проявлять физическую активность я не собирался, пока это мне не наскучит; не хотелось ни читать, ни смотреть телевизор, ни с кем-то разговаривать и, наверное, только нарастающее чувство голода могло

выгнать меня из-под одеяла. Насладиться отдыхом не дали мусора. Дверь вдруг отворилась, и вошли сразу трое деловитых оперативника приказавших мне одеться и выйти из камеры. Я подчинился, ещё не понимая, что происходит.

Это был шмон! Молчаливые оперативники разметали Володины вещи по камере, как стадо обезумевших мамонтов всё перевернули и раскидали, изорвали, перепутали. Книги они разрывали напополам и кидали на пол. Туда же отправилось постельное бельё, по нему они словно не замечая, ступали грязными ботинками. Вещи из баулов они вытряхивали на пол, ногами отшвыривая осмотренные предметы. Один из оперативников разрезал ножом и разорвал Володин матрас, и комья серой ваты разлетелись по камере. Шмонали профессионально, заглядывали и в туалет и под раковину, простукивали подозрительные пустоты в стене, внимательно осматривали облицовочный кафель, тщательно ощупывали каждую вещь. Стоя в коридоре, я наблюдал через дверной проём как опера на совесть, а не формально обыскивают 721 и понял, что происходящее не может быть случайностью. Ещё никогда в Крестах я не видел такого досконального, тотального обыска камеры. Видимо это не было плановой операцией, а было результатом каких-то неведомых тюремных интриг. Обыск продолжался около часа. Наконец, оперативник обнаружил предмет поисков – Вовин сотовый телефон, поддерживающий безлимитную связь «Скайлинк». Сразу же опера заперли меня и ушли. Моя старенькая «НОКИА» так и не была ими обнаружена.

Володя пришёл минут через пятнадцать, и он уже был в курсе ситуации. Выслушав меня не заходя в камеру, он ушёл разбираться с проблемами.

Ещё через пол часа корпусной вызвал меня на беседу с оперативником. Я поднялся по лестнице к стеклянному ларьку корпусного и увидел сидящего за столом хмурого Стебенёва.

- Какое у тебя отчество? – спросил он, заполняя какой-то документ.

- Владимирович, - ответил я и поинтересовался, - а зачем это?

- Поскольку ты сегодня официальный дежурный по камере, - объяснил Стебенёв, - ты сейчас напишешь объяснительную на тему, откуда в камере появился телефон.

Тут надо объяснить, что в камерах СИЗО согласно инструкциям Минюста заключенные обязаны нести поочерёдные дежурства. Именно дежурный по идее должен нести ответственность за найденные сотрудниками запрещённые предметы, если обыск произошёл во время его дежурства. На Крестах никаких дежурств фактически не было, и на шмонах все вопросы решались старшими камер, однако для всяких проверяющих, чтобы в случае необходимости пустить им пыль в глаза, у администрации существовали специальные постоянно дополняемые книги, где указывались даты, номера камер и фамилии дежурных заключённых. Согласно такой книге дежурным по камере 721 в этот день был я, и это означало, что я мог попасть в карцер за найденный операми телефон.

- И что мне написать в объяснительной? - спросил я неприятно удивлённый развитием ситуации.

- Сначала пишешь «шапку». «Начальнику учреждения ИЗ-47/1 МЮ РФ полковнику внутренней службы Житенёву Александру Ивановичу от заключённого такого-то», потом посередине листа большими буквами «объяснительная» и дальше излагаешь, при каких обстоятельствах попал в камеру и был конфискован телефон.

- Да я и знать не знаю, как попал в тюрьму этот телефон, - возмутился я.

- Можешь писать всё что угодно, реальная информация меня не интересует, - пояснил оперативник, нервно закуривая сигарету. – Можешь, например, написать, что телефон ты нашёл в конвойном помещении суда и оттуда привёз его в СИЗО. Просто, так как ты сегодня дежурный (так написано в книге учёта дежурств), объяснительную должен написать именно ты. А ответственность за запрет в любом случае понесёт Владимир. Твоя объяснительная – простая формальность.

Оперативник выглядел обеспокоенным, всю его напускную оптимистичность и понты как рукой сняло. Вероятно, ситуация несла в себе непосредственную угрозу Стебенёву и он чего-то боялся, оттого и хмурился, нервничал.

Корпусной отвел меня в камеру и посреди произведённого операми разгрома потянулись часы ожидания известий. Я позвонил Медведю, он был не в курсе насчёт происходящего, обещал перезвонить. И вот пришел, наконец, Володя.

- В карцер еду, прямо сейчас, - грустно улыбнулся он, начиная собирать необходимые вещи.

- Что же вообще случилось? – спросил я.

- Подстава РУБОПА, - ответил авторитетный предприниматель, укладывая в походную сумку шерстяные носки и вязаный свитер. – Оказывается на прослушке был мой телефон, а не твой, - он усмехнулся сквозь зубы, - и все мои переговоры последнего времени контролировались. Не понравилось им, видишь ли, услышанное. Я ведь с Димом тоже по мобиле бывало общался.

Я вспомнил, что действительно Володя иногда ленясь дожидаться прихода, опера в тюрьму решал с ним возникшие вопросы по мобильнику. И всё это слушали борцы с организованной преступностью! Теперь становилась понятно причина перепуганного состояния миглом потерявшего всю свою вальяжность Стебенёва. Тут пахивало исключением с работы и даже возбуждением уголовного дела по популярной ныне тематике «оборотней в погонах».

Так был «снят с пробега» первый из негодяев старавшихся испортить мою жизнь. Впоследствии злая судьба настигла многих врагов, вплоть до ареста Георгия Бойко в 2010 году. Но об этом не сейчас. Пока что мне предстояли ещё многие мучительные испытания, изоцрэнные проверки на прочность, жестокие столкновения с реалиями отечественной пенитенциарной системы. До свободы оставалось ещё неизвестно, сколько времени, продолжался суд.

Согласно тюремной инструкции одному сидеть было нельзя и вечером пришёл Медведь и снова забрал меня в 780. Подневольная жизнь СИЗО текла нескончаемым, однообразным потоком. Наступила поздняя осень.